

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»
АРЗАМАССКИЙ ФИЛИАЛ

На правах рукописи

Гузнова Алёна Вячеславовна

**ПРОЗВИЩНАЯ НОМИНАЦИЯ В АРЗАМАССКИХ ГОВОРАХ
(ЧАСТИ НИЖЕГОРОДСКИХ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Климкова Людмила Алексеевна

Арзамас – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Теоретические и методологические предпосылки исследования.....	15
1.1. Имя собственное как субстантивный разряд.....	15
1.2. Типы имён собственных.....	28
1.3. Ономастика как наука.....	36
1.4. Структура именованного русского человека.....	44
1.5. Прозвища как разряд антропонимов.....	52
1.6. Прозвища в диахроническом и синхроническом аспектах.....	59
1.7. История изучения прозвищ.....	64
Выводы по главе I.....	71
Глава II. Прозвища в современных арзамасских говорах: аспекты рассмотрения.....	75
2.1. Прозвища в арзамасских говорах: ономазиологический аспект....	75
2.1.1. Предварение. Микроантропонимический комплекс как единица. Прозвище в составе микроантропонимического комплекса....	75
2.1.2. Принципы, способы и типы прозвищной номинации.....	78
а) Общая информация.....	78
б) Прозвищная номинация по фамилии.....	87
в) Прозвищная номинация по персониму.....	89
г) Прозвищная номинация по прецедентному имени.....	95
д) Прозвищная номинация по этнониму.....	102
2.1.3. Отношение к внутренней форме. Мотивированность – немотивированность, степень мотивированности.....	107
2.1.4. Структурно-грамматическая оформленность.....	116
2.2. Прозвища в арзамасских говорах: словообразовательный аспект	127
Выводы по главе II.....	138

Глава III. Прозвища в арзамасских говорах: особенности функционирования.....	143
3.1. Прозвища как компонент языковой картины мира.....	143
3.2. Системные отношения прозвищ.....	155
3.3. Функционирование прозвищ в арзамасских говорах.....	162
Выводы по главе III.....	170
Заключение.....	174
Библиография.....	179
Приложения	
1. Список населённых пунктов Арзамасского района Нижегородской области.....	209
2. Перечень информантов.....	211
3. Общая характеристика арзамасских говоров: фонетические особенности.....	223
4. Словник микроантропонимов.....	227
5. Словник тезоимённых единиц в арзамасской микроантропонимии.....	281
6. Образцы словарных статей микроантропонимического словаря.....	291

ВВЕДЕНИЕ

Человек с самого рождения познаёт окружающий мир, изучает и запоминает его объекты через восприятие, ощущения, а позднее – номинации, возникшие ещё до появления нового жителя – исследователя бытия. Со временем он тоже становится творцом и номинатором, пропускающим через призму собственного сознания окружающую действительность, дающим новые имена порой уже названным вещам, стремясь отразить в них суть именуемого, его характерную особенность. Картина мира оказывается пропущенной через индивидуальное и этническое сознание и облачённой в словесное одеяние – так возникает языковая картина мира – отражение субъективного образа объективного мира. В говорах языковая картина мира оказывается более динамичной, так как реализуется в устной, не фиксированной на письме речи. Номинация в диалектной картине мира более живая, подвижная, экспрессивная, чем в литературном языке. Носители говора являются пользователями и творцами диалектной картины мира как части общеязыковой, где субъективный образ мира принимается как объективированная общепринятая номинаторами точка зрения, модель мира. Одним из ярких компонентов диалектной картины мира являются имена собственные, в том числе и прежде всего – микроантропонимы (прозвища).

Актуальность исследования. Сфера неформального общения, живого народного языка представляет собой благоприятную среду для образования и функционирования микроантропонимов, живо реагирующих на общественные изменения. В этом секторе онимического пространства важную роль играют прозвища как идентификаторы личности, определители её характерных особенностей и жизненных установок.

Прозвища являются ещё до конца не изученным пластом антропонимов, что связано с тем, что они сравнительно недавно стали объектом исследования, хотя в поле зрения исследователей оказались ещё в конце XIX – начале XX века (работы А.В. Балова [1899], Д.К. Зеленина [1913]), и соответственно с тем, что

антропонимика – сравнительно молодая наука, оформившаяся во второй половине XX века. Интерес к прозвищам в диахроническом аспекте проявился в первой половине XX века, в частности в 30-50-е годы, они рассматривались в тесной связи с другими видами антропонимов [Зинин 1972; Мирославская 1959, 1971; Селищев 1948; Чичагов 1959 и другие].

Прозвища в синхроническом аспекте стали объектом научного анализа и описания лишь в последней трети XX века [например, Ардеев 1977; Воронина 1980; Данилина 1979; Егорова 2001; Карташева 1985; Карпенко 1974; Никулина 1972, 1977а, 1977б, 1978, 1980; Поротников 1970, 1971, 1975, 1976; Сидорошина 1976, Симина 1969; Ухмылина 1969, 1970; Ушаков 1978, 1981; Флоровская 1976, Чайкина 1969, 2004; Чайко 1971 и другие], активизировавшись в конце XX – начале XXI века [Бахвалова 2001; Вальтер, Мокиенко 2005, 2007; Ванюшечкин 1971; Волкова 2007; Воронцова 2002, 2006; Калущков 2007; Королёва 1994, 2003а, 2003б, 2009; Лазаревич 2002; Маюрова 2004; Пашкевич 2006, Цепкова 2009; Цымбалова 2008; Шостка 2009 и другие]. И дело здесь не только в молодости ономастики в целом и антропонимики в частности, но и в статусе современных прозвищ, в их онимической вторичности, неофициальности, второстепенности, необязательности и в основном негативной окрашенности.

До сих пор остаётся актуальным вопрос о статусе прозвищ, их генезисе, структурных и семантических моделях, роли в жизни человека и особенностях функционирования в речи. Создаются отдельные работы, исследующие прозвища лишь с какой-то одной стороны [например, Денисова 2006; Дмитриева 2002; Гладкова 2003; Махниборода 2007; Потапова, Щербак 2008; Фролов 2005 и другие], а не комплексно, предпринимаются попытки разработать новые классификации с опорой на уже имеющиеся (в частности, на классификацию А.М. Селищева). Некоторые лингвисты значительно расширяют границы объектов, именуемых прозвищем («антропонимические прозвища» [Робустова 2009, Цепкова 2009], «топонимы-прозвища» [Подольская 1988, Плюто 2008], вводят понятие «прозвищное именование»

[Махниборода 2007, Стрельцова 2010]). Появляются также исследования современных прозвищ знаменитых людей через призму процесса «карнавализации» национального языка, что находит отражение в феномене языковой игры [Вальтер, Мокиенко 2007; Цепкова 2009; Фельде 2010 и другие]. Ряд работ посвящён анализу коллективных прозвищ [Бахвалова 2001, Воронцова 2002, Попова 1999 и другие], прозвищ в англоязычных системах [Гладкова 2003, Ляшенко 2003, Манченко 2008 и другие].

Всё это свидетельствует, в частности, об устойчивом интересе к современным прозвищам (коллективным, групповым, семейным, индивидуальным) как единицам неофициальной структуры именования человека.

Неоспоримым на сегодняшний день остаётся факт актуальности ономастических исследований, важности изучения единиц онимического пространства, в том числе прозвищ, как фрагмента диалектной картины мира. В русле этой актуальности находится и наша работа. Для настоящего диссертационного исследования взяты микросистемы на территории Арзамасского района Нижегородской области [список населённых пунктов см.: Приложение 1].

Объектом данного исследования являются прозвища в арзамасских говорах (части нижегородских) – в микросистемах Арзамасского района как административно-территориальной единицы в составе Нижегородской области.

Предмет исследования – ономаσιологический, структурно-грамматический, словообразовательный и функциональный аспекты прозвищ, раскрывающие особенности их системы в арзамасских говорах как компонента антропонимической и в целом языковой картины мира сельских жителей [список информантов см.: Приложение 2].

Целью диссертационной работы является комплексный лингвистический анализ прозвищ, бытующих в арзамасских говорах [общую характеристику говоров см.: Приложение 3]: ономаσιологический, структурно-грамматический, словообразовательный и функциональный аспекты.

Цель исследования обусловила решение следующих **задач**:

1. обсудить на основе анализа научной литературы ряд проблем ономастики и в частности антропонимики, являющихся необходимыми предпосылками для рассмотрения фактического языкового материала, в числе которых: имя собственное как разряд субстантивов, его дифференциальные признаки и внутренняя структура; типология онимов; структура именованного русского человека; прозвище как разряд антропонимов; русское прозвище в диахроническом аспекте; история изучения прозвищ в русистике; ономастика как наука и некоторые другие;

2. выявить, реализуя взгляд на микроантропонию изнутри системы, состав и систему прозвищ, микроантропонимических комплексов в современных арзамасских говорах;

3. определить особенности прозвищ в арзамасских говорах, учитывая ведущие принципы, способы и типы номинации, семантические и структурные признаки;

4. рассмотреть прозвища в арзамасских говорах по ряду признаков: мотивированности – немотивированности, структурно-грамматической оформленности, морфемике, словообразованию;

5. вскрыть особенности функционирования прозвищных единиц и их системных отношений.

Основным **источником** исследования является живая диалектная речь, речь информантов, записи которой (рукописные и магнитофонные) были сделаны в конце XX – начале XXI веков студентами и преподавателями АГПИ в полевых условиях. В качестве **материала исследования** использованы данные картотеки антропонимической лексики, хранящейся в диалектологической лаборатории кафедры русского языка и методики его преподавания Арзамасского филиала ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Материал представлен в количестве свыше 4000 единиц.

Для анализа данного материала был использован ряд **методов**. В их числе: описательный; сопоставительный, при котором устанавливаются общие

и специфические черты сходных явлений одного языка, одного онимического пространства или разных (в нашем случае – одного сектора регионального онимического пространства); метод лингвистического наблюдения – это правила и техника выделения из (потока речи) того или иного факта и включение его в изучаемую систему (категорию); метод классификации имен; структурно-словообразовательный – выявление моделей словообразования и её непосредственно составляющих компонентов, в том числе аффиксов [см.: Кодухов 1974, 243-255]. Для облегчения систематизации и обобщения материала мы использовали методы, отраженные в работе «Теория и методика ономастических исследований» П.П. Непокупного. Это, в частности, метод интерпретации материала, который заключается «в раскрытии смысла полученных результатов, определении их содержательной характеристики и включении их в уже существующие теории и новые»; метод количественных подсчётов - «подсчёты состава и типов наименований» [Непокупный 1986, 203-205, 208]. Обращались к методу дистрибутивного анализа [см.: Распопов 1976, 57-69] при рассмотрении в том числе тезоимённости прозвищ в арзамасских говорах. (Ср. методы работы с антропонимами, функционирующими в письменной речи, в частности в документах [см., например, Бурькин 2013, 66-69]).

Методологической основой исследования послужили:

- общетеоретические лингвистические труды Н.Ф. Алефиренко [2004, 2005], Н.Д. Арутюновой [1976], О.И. Блиновой [1975, 2007], В.А. Гречко [1998], Г.С. Зенкова [1988], И.М. Кобозевой [2000], В.И. Кодухова [1974, 1987], Е.С. Кубряковой [1986, 2004], Е. Куриловича [2000], А.Е. Супруна [1975], Е.С. Отина [1999], А.А. Реформатского [1996], О.Н. Трубачёва [1994], А.А. Уфимцевой [1962], Ф.Ф. Фортунатова [1957], А.Т. Хроленко [2006], В.Н. Цоллера [1998], Н.Ю. Шведовой [1999], А.Д. Шмелёва [2002], Д.Н. Шмелёва [1973], Л.В. Щербы [1974], М.Н. Эпштейна [2002], В.Н. Ярцевой [1998] и других;

- фундаментальные ономастические труды В.Д. Бондалетова [1987], В.А. Никонова [1974, 2011], А.М. Селищева [1948, 2004], А.В. Суперанской [1973, 2001, 2007], В.Н. Топорова [1962, 1964, 2004], В.К. Чичагова [1959], а также труды зарубежных исследователей – Дж. Милля [1882], А. Джаллита [1975], Х. Джосефа [1946], Б. Уорфа [1956] и других;

- исследования, посвящённые ономастике в целом и отдельным её проблемам (А.В. Балов [1899], Т.В. Бахвалова [1993, 2001], Е.Л. Березович [1991, 2001, 2007], В.Д. Бондалетов [1983], А.А. Бурькин [2013], Л.А. Введенская [1989], В.Г. Гак [1977], М.В. Горбаневский [1983], Д.И. Ермолович [2001, 2005], О.В. Иванова [2009], Ю.А. Карпенко [1978, 1981, 1984], З.О. Книжникова [2009], Е. Курилович [1962], А.Ф. Лосев [1990], А.К. Матвеев [2005, 2006], Н.В. Подольская [1988], Е.В. Рахилина [2008], С. Роспанд [1962], М.Э. Рут [2001, 2005, 2006, 2008], Т. А. Сироткина [2004, 2012], В.И. Супрун [2000], В. Ташицкий [1961], Б.А. Успенский [1994], Е.Б. Шерешевская [1976], А.С. Щербак [2006] и другие);

- труды по антропонимике (Р.А. Агеева [1994], Н.В. Ардеев [1977], А.С. Бабанина [2011], И.В. Бестужев-Лада [1968, 1970], Х. Вальтер, В.М. Мокиенко [2005], Ю.В. Варачина [2009], С.Б. Веселовский [1974], И.М. Ганжина [1993, 2001], Г.Р. Галиуллина [2009], М.В. Голомидова [2005], О.В. Григоренко [2008], Е.Ф. Данилина [1978], Т.Т. Денисова [2006, 2007], В.В. Дьяченко [2007], С.И. Зинин [1972], В.С. Казаков [2007], Е.П. Карнович [1991], А.Н. Лангнер [2010], О.А. Леонович [2002], А.Н. Мирославская [1959, 1971], З.П. Никулина [1972, 1978, 1977а, 1977б, 1980, 1987, 1992], П.Т. Поротников [1972], Н.А. Родина [2014], Г.Я. Сими́на [1969, 1970, 1971], А.В. Сулова [1991], В.И. Тагунова [1967, 1969], О.В. Фельде [2010], П.А. Флоренский [2007], Н. К. Фролов [2005], О.В. Чумаченко [2008] и другие);

- труды по топонимике (Ю.В. Вайрах [2010], И.А. Воробьёва [1973], Л.А. Климова [1985, 1991, 1996, 1997, 2007, 2008, 2011, 2013, 2015],

А.К. Матвеев [2006], В.И. Тагунова [2004], Е.В. Ухмылина [1971, 1973, 1976] и другие);

- исследования по когнитивистике, лингвокультурологии, социолингвистике и психолингвистике (Н.Д. Булатова [2003], Е.М. Верещагин [1980], М. Голдстейн, И.Ф. Голдстейн [1984], Д.Б. Гудков [2003], Л.И. Зубкова [2009], Ю.Н. Караулов [2010], В.Г. Костомаров [1980], А.А. Мельникова [2003], Б.А. Серебренников [1977, 1988], В.Н. Телия [1988], Н.И. Толстой [1995] и другие).

Научная новизна диссертации состоит в том, что в научный оборот вводится новый фактический (региональный) материал – прозвища в арзамасских говорах (части нижегородских) ещё не были объектом изучения; и в том, что предпринята попытка комплексного лингвистического анализа прозвищ: с точки зрения содержания, формы и функционирования, их взаимной обусловленности.

В исследовании представлен взгляд на прозвища изнутри. О.Н. Трубачёв, говоря о двух способах описания предмета – сверху вниз, отождествляемого с научным, и снизу вверх – обращает внимание на особую важность второго, отмечает, что знание изнутри даётся не школьной наукой, а рождением и жизнью в родных местах обитания. «Это знание описываемого предмета изнутри, строго говоря, не вправе недооценивать и достаточно высокая наука. К тому же сейчас, когда, по преобладающему справедливому мнению, и экономическая география, и политэкономия со статистикой, глядя «сверху вниз», проглядели столь многое в жизни русских сёл, очевидно, самое время прислушаться к голосам, идущим снизу, пока их еще бывает можно услышать» [Русская ономастика... 1994, 157].

В работе каждое прозвище дано в составе микроантропонимического комплекса, который по аналогии с микропонимическим комплексом [см.: Климкова 2008а] представляет единицу организации прозвищ в составе микроантропонимического сектора (пространства). Микроантропонимический комплекс включает в себя сам микроантропоним; обозначение его вида

(прозвище); грамматические и коннотативные показатели; дефиницию в виде официального онима или апеллятива, представляющих лицо, к которому относится прозвище (ср.: дефиниция апеллятива – это определение, толкование лексического значения [см.: Современный русский язык 2006, 383]); дискурсную часть (тексты к прозвищу и/или с прозвищем, вскрывающие маршрут номинации, путь рождения слова и его жизнь в микросистеме, коннотативность), адрес микросистемы через название населённого пункта, ойконим [ср., например: Словарь прозвищ... 2008 – в образцах словарных статей нет текстов, свидетельств носителей; Волкова 2001; Кюршунова 2010].

Теоретическая значимость работы заключается в определении места прозвищ в современной системе антропонимических средств идентификации личности в бытовой коммуникации; в выявлении их характерных признаков и механизмов образования, а также особенностей функционирования в говорах одного района.

Практическая значимость исследования заключается в том, что её результаты могут найти применение в учебном процессе при использовании в вузовском курсе «Русская диалектология», в спецкурсах и спецсеминарах по антропонимике, лингвокультурологии, межличностной коммуникации, в школьных факультативах по регионалистике, ономастике, лингвокраеведению. Кроме того, материал диссертации может стать объектом лексикографической работы [о лексикографической фиксации региональной онимии см.: Климкова 1995, 58-60], в частности – для составления микроантропонимического словаря [ср.: Вальтер, Мокиенко 2005; о параметрах микроантропонимического словаря см.: Климкова 2015, 89-90], а также может служить дополнительным источником для проекта «Лексический атлас русских народных говоров».

В основу работы положена **гипотеза** о том, что прозвища, являясь важным фрагментом диалектной картины мира, раскрывают мировоззрение сельских жителей, отражают творческий характер языковой картины мира диалектоносителей, проявляют уровень и объём их знаний о мире, их креативность.

Положения, выносимые на защиту:

1. Прозвище – важный идентификатор личности в говорах, эксплицирующий определённую отличительную особенность человека, обладающий экспрессивной, эмоциональной, оценочной (аксиологической) окрашенностью, что обусловлено межличностными отношениями в языковом коллективе и соответствием черт характера и поведения прозываемого нравственному показателю «норма-ненорма» в обществе.

2. Прозвища в современных арзамасских говорах, характеризуют прозываемых, выделяя их из всего языкового коллектива, отражая взаимоотношения между носителями говора, составляют значительный пласт антропонимической и в целом языковой картины мира сельских жителей.

3. Семантика подавляющего большинства прозвищ состоит из номинативного, мотивационного, ассоциативного, деривационного и коннотативного компонентов, взаимообуславливающих друг друга.

4. В арзамасских говорах преобладает неразвёрнутый способ номинации, а соответственно – однословные прозвища, что обусловлено действием закона экономии языковых средств. Принципы, способы и типы номинации напрямую связаны с мотивированностью прозвищ.

5. Прозвища как вид антропонима отличаются полифункциональностью: как и онимы в целом, выполняют номинативную, идентифицирующую и дифференциальную функции, а также специальные функции – характеризующую, дейктическую, эмоционально-экспрессивно-оценочную, социальную, реализуя их в текстах разных типов.

6. Обилие прозвищных номинант свидетельствует о их востребованности, актуальности, о способности диалектной языковой личности к яркой идентификации прозываемого, в целом – о креативности сельских жителей как части русского народа.

Апробация исследования. Материалы диссертации изложены в 13 публикациях, три из которых помещены в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации [Гузнова 2012е; 2013а; 2014б], одна – в издании,

входящем в РИНЦ [Гузнова 2013в]. Основные положения работы обсуждались на X, XI, XII Международных научно-практических конференциях «Проблемы языковой картины мира» (НГПУ, 2011, 2012, 2014) [Гузницева* 2011а; 2012а; Гузнова 2014а], на III и IV научно-практических конференциях аспирантов, соискателей, магистров и молодых учёных «Философские проблемы экономических, технических и педагогических учений» (НГИЭИ, 2011, 2012) [Гузницева 2011б; 2012в], на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (АГПИ, 2012) [Гузницева 2012б], на Межрегиональной конференции «Русский язык как государственный язык РФ: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус» (АГПИ, 2012) [Гузнова 2012г], на IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Карповские чтения» (АГПИ, 2012) [Гузнова 2012д], на XIV Международной заочной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи» (МЦНО, 2013) [Гузнова 2013б].

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, содержащего 264 источника и 19 словарей, шести приложений; общий объём работы – 291 страница (исследование – 208 страниц, приложения – 83 страницы). В первой главе представлен обзор теоретического материала по теме диссертационного исследования: рассмотрены понятия «оним», «онимическое пространство», «антропоним», «прозвище», представлена история изучения прозвищ. Вторая глава посвящена анализу прозвищ в арзамасских говорах с точки зрения принципов, способов и типов номинации, отношения к внутренней форме, мотивированности/немотивированности, структурно-грамматической оформленности, словообразования, то есть внимание уделено экстралингвистическим и лингвистическим факторам появления и развития прозвищной номинации.

* Фамилия Гузницева изменена на фамилию Гузнова (свидетельство о заключении брака серия I-ТН № 873895 от 31 августа 2012 г.)

Третья глава содержит рассмотрение особенностей функционирования прозвищ в арзамасских говорах, реализацию их в текстах разных типов, анализ отношений в диалектных микросистемах. В приложениях представлены список населённых пунктов Арзамасского района Нижегородской области (Приложение 1), перечень информантов (Приложение 2), общая характеристика арзамасских оворов: фонетические особенности (Приложение 3), словник микроантропонимов (Приложение 4), словник тезоимённых единиц в арзамасской микроантропонимии (Приложение 5) и Образцы словарных статей микроантропонимического словаря (Приложение 6).

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Имя собственное как субстантивный разряд

Имя существительное – это часть речи, которая обозначает предмет (субстанцию) и выражает это значение в грамматических категориях числа и падежа, а также в несловоизменяемой категории рода. «Существительное называет предметы в широком смысле слова; это – названия вещей (стул, дверь, лестница, нож, лыжи), лиц (мальчик, девушка, юноша, женщина, человек), веществ (крупы, порошок, масло, сметана), живых существ и организмов (мышь, собака, грач, голубь, кобра, карась; бактерия, вирус, микроб), фактов, событий, явлений (собрание, концерт, разговор, отпуск, тоска, радость), а также названных как независимые самостоятельные субстанции непроцессуальных и процессуальных признаков – качеств, свойств, действий, процессуально представленных состояний (смелость, задумчивость, белизна, прыжок, решение, толкотня)» [Русская грамматика 1980, 460].

Все имена существительные в русском языке по признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса делятся на собственные и нарицательные. Собственные имена существительные – это названия отдельных в своём классе предметов. Наричательные имена существительные являются обобщёнными названиями однородных предметов: водитель, книга, карась, счастье, человек, пруд и т.п. Имена собственные также носят названия онимы (оним – слово древнегреческого происхождения *ὄνομα*, обозначающее «имя, название»), или проприальные имена (калька латинского слова *nomen proprium* – «имена собственные»), а имена нарицательные – аппеллятивы, аппеллятивная лексика (калька латинского слова *nomen appellativum*). В работе используются все перечисленные термины.

Имя собственное – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации [Подольская 1988, 91].

Онимы и аппеллятивы обладают рядом дифференциальных признаков: семантических, парадигматических, синтагматических, ассоциативно-деривационных, функциональных и внешних графических. Рассмотрим их.

В ономастике XX века большое внимание уделяется изучению имён собственных в разных аспектах (работы В.Д. Бондалетова [1983, 1987], Е.Л. Березович [1991, 2001], А.А. Бурькина [2013], Л.А. Введенской [1989], С.Б. Веселовского [1974], Ю.Б. Воронцовой [2006], И.М. Ганжиной [1993], М.В. Горбаневского [1983], Т.Т. Денисовой [2006, 2007], Ю.А. Карпенко [1978, 1981, 1984], Е. Куриловича [2000], В.А. Никонова [1974, 2011], З.П. Никулиной [1972, 1977а, 1977б, 1978, 1980], Н.В. Подольской [1978, 1988], Е.В. Рахилиной [2008], А.А. Реформатского [1996], А.М. Селищева [2004], А.В. Суперанской [1973, 2001, 2007], В.И. Супруна [2000], В.Н. Топорова [1962, 1964, 2004], О.Н. Трубачева [Рус. ономастика 1994], А.С. Щербак [2006] и других лингвистов). Однако до сих пор остаётся открытым вопрос о наличии значения у онимов [ср.: Арутюнова 1976, 326-327; Ахманова 1969, 175; БЭС 1998, 175-176, 473; Книжникова 2009, 238-244; Реформатский 1996, 36-41; Суперанская 1973, 113; Фролов 2005, 78-91; и другие], хотя разрабатываются различные проблемы ономастической семантики: тематические классификации, системные связи имён собственных, их коннотативный компонент, трансформации внутренней наполняемости при деонимизации и т.п.

К проблеме семантики имени собственного обращался ещё в XIX веке английский логик С. Милль, определявший онимы как метки, которым характерно отсутствие значения и коннотации: «Proper names are not connotative: they denote the individuals who are called by them; but they do not indicate or imply any attributes as belonging to those individuals. <...> Proper names are attached to the objects themselves, and are not dependent on the continuance of any attribute of the object» [Mill 1882, 36]. Под коннотацией С.Милль понимал

содержание информации, наличие или подразумевание атрибута, предцирование, то есть трактовал коннотацию как значение [см.: Mill 1882, 148-150]. Исследования английского логика послужили отправной точкой для дальнейшего изучения вопроса о семантике проприальной лексики в языкознании. Другой английский логик Х. Джозеф считал, что «имя собственное не передаёт всей полноты характеристик индивида, но оно и не исключает из своего значения ничего, характеризующего индивид» [цит. по: Суперанская 1973, 60].

Существует несколько точек зрения на структуру значения онимов, на соотношение «слово-понятие» в них.

1. Онимы обладают только номинативным значением: А.А. Реформатский писал, что «собственные имена гипертрофированно номинативны: они призваны называть, в этом их назначение» [Реформатский 1996, 36], и не выражать понятия [там же, 41]. Н.Д. Арутюнова вслед за А.А. Уфимцевой отмечает, что имена собственные семантически ущербны, как дейктические слова, что они «не характеризуют объект и не сообщают о нём ничего истинного или ложного» [Арутюнова 1976, 327]. О.С. Ахманова даёт определение именам собственным, указывая на специфическое свойство обозначать индивидуальные предметы безотносительно к их признакам, то есть «без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [Ахманова 1969, 175]. Ряд исследователей называет онимы своеобразными ярлыками, с помощью которых одни предметы отличаются от других, и отрицает их способность выражать понятия.

2. Имена собственные обладают понятием, выражают его. Так, Ф.И. Буслаев утверждал: «Имена собственные, которыми мы означаем представление неделимое, суть такие же общие понятия, как и имена нарицательные» [Буслаев 1959, 7]. Л.В. Щерба, обращаясь к вопросу о включении имён собственных в энциклопедический словарь, говорил об общеобязательном минимуме, без которого невозможно функционирование имени собственного в речи.

«Этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определённый» [Щерба 2004, 270].

3. Имена собственные обладают своеобразной специфической семантикой, отличной от семантики апеллятивов. Н.В. Подольской отмечается, что они не связаны непосредственно с понятием и что их основное значение заключено в связи с денотатом [см.: БЭС 1998, 473]. «Имя собственное является индивидуальным обозначением отдельного предмета и не связано с понятием, т.е. не имеет основной коннотации» (в данном случае «коннотация = значение») [Суперанская 1973, 113]. Однако ему могут быть присущи дополнительные коннотации, и если одна из них начинает доминировать, то имя собственное становится нарицательным [см.: там же].

А.В. Суперанская развивает мысль о существовании у имени собственного энциклопедического значения: «имена собственные имеют ослабленную связь с понятиями, с которыми они непосредственно не связаны» [Суперанская 1973, 124]. «Имена собственные обретают своё значение (а вместе с тем и значимость) лишь при установлении их связи с объектами и лишь тогда становятся языковыми знаками. Без этого их роль была бы близкой к звукоподражанию» [там же, 136]. Тем самым признаётся тот факт, что у имён собственных по сравнению с существительными других разрядов, проявляется большая зависимость от экстралингвистических факторов [см. об этом, в частности: Руденко 1990, 241].

В последнее десятилетие вопрос о семантике имён собственных остаётся актуальным, в работах современных исследователей находит отражение каждая из названных выше точек зрения.

Так, А.Д. Шмелёв обращается к семантике имён собственных через референцию (отнесение языкового выражения к конкретному внеязыковому объекту): «речевой смысл имени собственного вычисляется с помощью двух факторов: контекста вместе с ситуацией и «мысленного досье» носителя имени собственного, которым, по мнению говорящего, располагает адресат

речи» [Шмелёв 2002, 46]. «Прямые имена (в качестве которых используются имена собственные), дающие глобальное представление референта, пропозиционально непрозрачны, поскольку не указывают прямо, какие свойства референта имеет в виду говорящий, но референциально прозрачны, поскольку непосредственно отсылают к референту или, что то же, к участку памяти, в котором референт локализован» [Шмелёв 2002, 55]. Н.Ф. Алефиренко также затрагивает проблему семантики онимов через призму денотации и референции: «индивидуализация названного онимом объекта немислима без одновременного противопоставления его другим объектам того же класса. Поэтому в семантике онима фиксируется и тот индивидуальный признак, которым данный объект именован выделяется из совокупности других однотипных объектов (референтное значение онима), и тот групповой признак, по которому этот объект относится к соответствующему классу объектов» [Алефиренко 2005, 204]. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что обобщающая и абстрагируемая часть ономастического значения фиксирует, однако, не только соотнесенность имени с денотатом, но и «сообщает» о присущих (или приписываемых) ему признаках, что составляет сущность сигнификативного компонента ономастической семантики. Итак, с онимом связана определённая мысль (представление) о названном предмете, которая выступает индивидуальным понятием, или сигнификатом, ономастического значения, а «в сигнификативном компоненте ономастического значения отражаются наши знания о существовании предмета (или явления) и тех признаках, которыми он отличается от других» [там же].

Г. Р. Галиуллина утверждает, что собственные имена признаются знаком, который служит только для называния предметов и наличие содержательной стороны у которого менее заметно [Галиуллина 2009, с. 14]. Л.И. Зубкова присоединяется к позициям тех учёных, которые признают наличие значения у онимов. Лингвист утверждает, что понятийный компонент непременно входит в структуру значения имени собственного, поскольку без него формирование лексического значения вообще невозможно, но представлен он в форме

редуцированного понятийного содержания, в котором, чаще всего, выделяются семы «человек», «мужчина» или «женщина», «национальность» [ср.: Зубкова 2009, 11; ср.: Суперанская 1973, 124-136]. Е. Курилович отмечает, что онимы выражают весь ряд специфических значений, представленных свойствами и признаками характеризуемого объекта (денотата), то есть содержат в себе всю связанную с объектом экстралингвистическую информацию [см.: Курилович 2000].

Мы присоединяемся к позициям тех учёных, которые признают наличие у имени собственного специфической семантики, отличной от семантики апеллятивов, – энциклопедического значения – всей информации о называемом предмете: онимы обозначают не класс предметов (денотат), а отдельный предмет (денотат как референт, единичный денотат); «индивидуализация свидетельствует о том, что именуемый объект мыслится не как представитель класса (хотя он, безусловно, входит в один из классов предметов объективной реальности), а как единственный в своей данности» [Суперанская 2007, 15]. «Номинативное назначение онимов – выделить и назвать объект в ряду однородных, индивидуализировать его в пределах «своего» класса, «высветить» его уникальность и тем самым как бы вывести из поглощающей тени соответствующей категории. Номинативное же назначение апеллятива – выделить и назвать обобщенный объект, интегрирующий в себе наиболее существенные признаки всей возможной совокупности (ряда) однородных (конкретных) объектов, подчеркнуть их типизированную, серийную сущность и тем самым подвести под определенную категорию» [Алефиренко 2005, 205].

Лексическое значение апеллятивов включает в себя несколько компонентов:

- денотативное значение;
- понятие – отражение в сознании человека класса каких-либо однородных предметов в виде совокупности существенных признаков этих предметов;

- коннотации – дополнительное сознание; эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера;

- потенциальное значение – смысловые возможности слова, известные носителям языка и реализующиеся при контекстном употреблении [Современный русский язык 2006, 186].

Следовательно, лексическое значение апеллятива включает компоненты: сигнификативный, денотативный и коннотативный («сигнификат – понятийное содержание знака языкового» [БЭС 1998, 444] – ядро лексического значения; денотат – обозначаемый класс предметов, а референт – конкретный предмет; коннотации – «эмоциональные и экспрессивные добавки» [Зенков 1988, 93]).

«Различия в семантике онима и апеллятива изначально предопределены типом их номинативной функции – репрезентативно-дифференцирующим у онимов и классифицирующим у апеллятивов. Первый обуславливает преимущественно экстралингвистический характер ономастической семантики, а второй – собственно лингвистический. <...> В семантике онима преобладает референтное содержание, а в апеллятивах – денотативное. Однако только преобладает, так как одно не исключает другого» [Алефиренко 2005, 206].

Структура значения имени собственного отличается от структуры значения апеллятивов тем, что не включает в себя понятия, что обладает единичной денотативной соотнесённостью, невозможностью называть классы предметов, так как служит средством выделения называемого предмета из ряда подобных. Например, лексическое значение онима *Лена* не может одновременно содержать понятия «девочка», «девушка», «женщина», «бабушка», «прабабушка» (хотя каждая названная возрастная категория лиц женского пола может так именоваться), равно как и не содержит понятия «человек женского пола», потому что данным именем называется ещё и река в России. Так, имя собственное *Лена*, как и любой другой оним, в зависимости от обозначаемого объекта обладает определённым энциклопедическим значением, содержащим единичный денотат, или референт – конкретный обозначаемый

предмет («девушка», «женщина», «река» и т.д.), его характерные индивидуализирующие признаки, отмечающие его как единственного в своём роде, неповторимого. Ср.: «Обобщающие значения у имён собственных, однако, являются не целью, основным содержанием их семантики, которое целенаправленно передавалось бы другим носителям языка, а скорее средством, способом предварительного, нежёсткого определения общего типа объектов, которые могут именоваться с помощью данных слов» [Руденко 1990, 232]. Вне контекста невозможно определить, кто или что называется именем собственным, – единичный денотат, дополнительные значения реализуются в конкретной речевой ситуации. «Энциклопедическое значение одного и того же имени собственного является разным для отдельных носителей языка, поскольку они располагают далеко не одинаковыми сведениями о называемом объекте. Различный объём энциклопедического значения зависит также и от характера называемого предмета в смысле его большей или меньшей известности членам языкового коллектива» [Климкова 2007, 63].

Сигнификативный компонент значения онимов имеет свою специфику: как отмечает Н.Ф. Алефиренко, наряду с типичным сигнификатом (совокупностью наиболее существенных признаков всего класса однородных однородных объектов, которые охватываются соответствующим понятием) существует другой тип сигнификатов, представляющий собой отражение существенных признаков единичного объекта именованного. «Существенные признаки единичного объекта эксплицитно выражаются дескрипцией – описательной языковой конструкцией типа «тот..., который...», «такой..., что...» или типа именного словосочетания. Такие дескрипции служат своего рода дефинициями (толкованиями) значений имен собственных, а онимы – скрытыми дескрипциями. Дескрипции, таким образом, передают сигнификативное содержание ономастического значения и поэтому по отношению к именам собственным являются идентифицирующими словосочетаниями» [Алефиренко 2005, 209].

В структуру значения онимов входит также этнокультурный компонент, отражающий специфику национального восприятия объектов действительности [ср.: Вежбицкая 1996, 20-23; Климкова 2007, 61]. Так, например, О.В. Кисель говорит о приоритетности культурного компонента коннотации в процессе имяназвания, что связывает с религиозным, идеологическим и этимологическим мотивами номинации [Кисель 2009, 6].

С точки зрения семной (сема – минимальный компонент лексического значения) структуры, апеллятивы содержат несколько типов сем:

1. классема (или граммема) – самая общая сема, характеризующая принадлежность слова к определённой части речи, например, ‘предметность’;

2. лексограммема – сема, обозначающая определённые лексико-грамматические разряды в составе той или иной части речи, например, семы ‘вещественность’, ‘апеллятивность’, ‘одушевлённость-неодушевлённость’ у существительных, ‘процессуальность’ у глаголов;

3. гиперсема (архисема) – родовая сема, обозначающая класс объектов, например, ‘жидкость’, ‘цвет’;

4. гипосема (или гипосемы) – видовая сема, обозначающая дифференциальные признаки предметов, признаков, процессов и т.д.;

5. коннотативные семы, выражающие дополнительное содержательное и стилистическое значения;

6. потенциальные семы, реализующиеся в контексте;

7. вероятностные семы, обнаруживающиеся при окказиональных (индивидуальных) употреблениях слов [см.: Современный русский язык 2006, 197-198].

Лексическое же значение (энциклопедическое) онимов включает в себя следующий семный комплекс: классема ‘предметность’; лексограмеммы ‘проприальность’, ‘единичность’, ‘одушевлённость-неодушевлённость’; гиперсемы (например, ‘человек’, ‘место’, ‘водоём’); гипосемный комплекс (общие обозначения, например, ‘мужчина’, ‘женщина’, ‘улица’, ‘гора’, ‘река’, ‘озеро’, и конкретные сведения) и коннотативные семы: эмоционально-

экспрессивную окрашенность благодаря реализации конкретного имени собственного в речи, тексте. Так, онимы являются информативными внутри среды возникновения. «Имя собственное отличается от нарицательного объёмом и характером заключённой в нём информации, а также спецификой лексических парадигм» [Суперанская 1973, 105].

При переходе онимов в апеллятивы происходит расширение объёма лексической семантики слова: оно приобретает обобщённое значение и обозначает не один какой-то предмет, а класс однородных предметов. Переход же апеллятивов в онимы сопровождается сужением лексической семантики: название класса предметов заменяется названием лишь отдельного предмета [см.: Шанский 1987, 92].

Именам собственным в отличие от нарицательных совсем не свойственны эпидигматические отношения – полисемия, по-другому проявляются парадигматические отношения: не антонимия, а сравнительность; не синонимия, а полионимия: «синонимия в собственных именах опирается не на связь с понятием, а на тождество объекта, который называется разными именами» [Климкова 2007, 66], например: Алексей Максимович Пешков – Максим Горький – Иегудиил Хламида, Анна Андреевна Горенко – Анна Ахматова. Есть тезоимённость – «использование одного имени для разных объектов в одном онимическом поле» [Подольская 1978, 131; см.: Суперанская 1973, 289], например: Москва (город) – Москва (река), Александр Сергеевич (Пушкин) – Александр Сергеевич (Грибоедов).

Синтагматические отношения онимов (отношения между последовательно расположенными элементами языка при их сочетании друг с другом) более ограничены, чем у апеллятивов: имена собственные не сочетаются с наречиями; ограничена их сочетаемость с существительными в косвенных падежах без предлога; выполняя в предложении роль подлежащего, дополнения, обстоятельства или приложения, онимы сочетаются со сказуемым и определением, например: Ловкий Иванов Пётр (что сделал?) ограбил (кого?)

Сидорова Ивана (где?) в магазине «Берёзка» (или в магазине (каком?) «Берёзка»).

Парадигматические грамматические отношения имён собственных и нарицательных реализуются в парадигме склонения – совокупности упорядоченных форм одного слова: онимы, как и апеллятивы, изменяются по падежам (за исключением несклоняемых имён собственных и нарицательных, например: *Живаго, пальто*). В качестве отличительного признака проприальной лексики Л.В. Щерба выделяет категорию числа: имена собственные не имеют коррелятивности по числу, употребляются только в единственном числе. Онимы типа Ивановы, Петровы, Пушкины и т.д. являются «понятиями семьи, которые не представляют из себя суммы одинаковых понятий и принадлежат к словам *pluralia tantum*» [Щерба 2004, 75]. Имена же нарицательные обладают коррелятивностью по числу (кроме количественных *singularia tantum* или *pluralia tantum*, отвлечённых, вещественных и собирательных существительных – сходство с онимами).

Проприальные имена, называя объект, индивидуализируют его: город Нижний Новгород, город Кстово, город Арзамас, город Княгинино. В речи употребляются формы множественного числа онимов (в частности личных имён), например: В классе учились *Иваны, Марии и Фёдоры*. Данные словоформы выражают множественность одинаковых имён, а не их носителей. Сравните: В классе были *отличники, хорошисты и троечники*. Апеллятивы в форме множественного числа обозначают множество, класс одинаковых предметов (в широком смысле этого слова).

При переходе апеллятивов в онимы и онимов в апеллятивы изменяются грамматические свойства слов, например: *орёл* (птица; мн.ч. – орлы, пять орлов) и *Орёл* (город; не образует формы мн.ч., не сочетается с количественными числительными); *Ньютон* (человек; не образует формы мн.ч., не сочетается с количественными числительными) – *ньютон* (единица измерения силы; мн.ч. – ньютон, десять ньютон) [см.: Шанский 1987, 92-93].

Ассоциативно-деривационные отношения онимов также специфичны: аппеллятивы и онимы образуются морфолого-синтаксическим (образование новых лексических единиц в результате перехода слов одного грамматического класса в другой) и морфологическим (образование новых слов на базе существующих в языке основ и словообразовательных аффиксов: сложение, аффиксация, безаффиксный способ образования, аббревиация и обратное словообразование) способами; особенно часто пополнение имён нарицательных идёт за счёт аффиксации, сложения и лексико-семантического способа словопроизводства [Шанский 1987, 70]. От имён нарицательных образуются новые слова (имена прилагательные, глаголы, наречия, предлоги) всеми перечисленными способами, а также лексико-синтаксическим способом (возникновение новых слов в результате сращения в одно слово двух или более лексических единиц). От имён собственных путём суффиксации образуются прилагательные, обозначающие принадлежность того или иного предмета, отнесённость к кому-, чему-либо, например: Марина (женское имя) – Маринин (суффикс -ИН) плащ, Пушкин (фамилия) – пушкинский (суффикс -СК-) слог, Онегин (фамилия героя художественного произведения) – онегинская (суффикс -СК-) строфа. От онимов, так же как и от аппеллятивов, образуются и наречия (например, Арзамас – по-арзамасски, Нижний Новгород – по-нижегородски), и глаголы (например, Дон Кихот – донкихотствовать), и абстрактные имена нарицательные (например, Обломов – обломовщина, В. Гумбольдт – гумбольдтианство, Платон – платонизм) [ср.: Суперанская 1973, 105-106]. М.Н. Эпштейн говорит о существовании «глаголов собственных», образованных от имён собственных – этнических и географических названий (о статусе этнонимов см. ниже), например, сделать русским (по языку, обычаям) – «(об)русить, русифицировать», «действовать по-российски, так, как это присуще именно России – российствовать» [Эпштейн 2009, 38].

Внимание к функциональной стороне позволяет отметить, что аппеллятивы и онимы полифункциональны, основной для них является номинативная функция. Имена нарицательные выполняют функции:

номинативную, коммуникативную, эстетическую, гносеологическую, кумулятивную (накопительную), характерологическую, обобщения (классификации, генерализации). У имён собственных выделяются свойственные им основные функции – номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая. В качестве второстепенных выступают «функции: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд» [Никонов 1974, 8], адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая» [Бондалетов 1983, 21]. В.А. Никонов также выделяет ещё и идеологическую функцию – онимы обладают идейным содержанием, отражают идеологию их создателей [Никонов 2011, 62].

Отличие имён собственных от имён нарицательных выражается графически: имена нарицательные пишутся со строчной буквы, а имена собственные – с прописной, причём названия газет, журналов, книг, магазинов, фильмов заключаются в кавычки.

Таким образом, в языке среди имён существительных существует оппозиция оним – апеллятив. Однако «граница между именами собственными и нарицательными непостоянна и подвижна: имена нарицательные легко становятся собственными наименованиями, прозвищами и кличками. Имена собственные часто используются для обобщенного обозначения однородных предметов и становятся при этом нарицательными: митрофанушка, донкихот, донжуан; Мы все глядим в Наполеоны» [Русская грамматика 1980, 460].

Итак, онимы – это особый разряд имён существительных, обладающий рядом характерных признаков, отличающих названные единицы от апеллятивов:

- своеобразная семантика: лексическое значение имени собственного лишено той понятийности, что свойственна апеллятивам; содержит специфический сигнификативный, денотативный, коннотативный и этнокультурный компоненты, тесно связано с речевой ситуацией; значение онима – энциклопедическое, включающее в себя всестороннюю информацию о названном объекте;

- отсутствие эпидигматических отношений;
- своеобразие парадигматических, ассоциативно-деривационных и синтагматических отношений;
- отсутствие противопоставленности по числу (как соотношения единицы и множества идентичных объектов);
- реализация свойственных им функций: основных – номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей; и второстепенных – социальной, эмоциональной, аккумулятивной, дейктической, функции «введения в ряд», адресной, экспрессивной, эстетической, стилистической и идеологической;
- особая графическая оформленность (прописная буква и кавычки в названиях).

1.2. Типология имён собственных

Проприальная лексика далеко не однородна по своему составу: существуют разные параметры, по которым можно рассматривать и классифицировать имена собственные, в частности: характер именуемого объекта, структура, хронология, мотивация, этимология, объём закреплённых за словом понятий, стилистика и др. [Суперанская 1973, 159].

А.В. Суперанская полагает, что «из всех возможных классификаций на первое место должна быть поставлена предметно-номинативная, поскольку соотнесенность с предметом, как правило, определяет «лицо» имени и его прочие характеристики» [там же, 160]. С этим нельзя не согласиться, поскольку назначением онима является выделение именуемого им объекта из ряда других, однородных объектов, его индивидуализация и идентификация. В связи с обозначаемыми объектами А. Бах выделил 6 групп онимов: имена живых существ или существ, которые считаются живыми; имена вещей, куда относятся местности, дома, средства передвижения, произведения изобразительного искусства, названия астрографических и космических

объектов; именованя учреждений, обществ; именованя действий (танцев, игр); имена мыслей, идей (литературных произведений, военных и прочих планов); именованя музыкальных мотивов и произведений [цит. по: Суперанская 1973, 173]. А.В. Суперанская, критикуя классификацию А. Баха, делит все имена собственные по именуемому объекту на три группы:

1. имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые;
2. именованя неодушевлённых предметов;
3. собственные имена комплексных объектов [там же, 173].

К первой группе относятся антропимы (индивидуальные и групповые) – именованя людей; зоонимы (индивидуальные и групповые) – имена различных животных, птиц и прочих организмов; мифонимы – «сектор ономастического пространства, созданный наподобие реальной его части» [там же, 180] (например, теонимы – имена богов).

Во вторую группу входят топонимы – именованя мест (оронимы – названия гор и прочих возвышенностей; спелеонимы – названия пещер, гротов и целых подземных пещер; дримонимы – названия лесных массивов; фитонимы – собственные имена растений; гидронимы – названия водных объектов (пелагонимы – морей, лимнонимы – озёр, гелонимы – болот, потамонимы – рек); ойконимы – названия населённых пунктов (астионимы – городов, комонимы – сельских поселений); урбанонимы – названия улиц и других мелких объектов внутри населённых пунктов, космонимы – названия галактик, звёздных скоплений, туманностей, созвездий (в том числе астронимы – названия отдельных небесных тел); хрематонимы – собственные имена отдельных неодушевлённых предметов (оружия, посуды, драгоценностей, музыкальных инструментов и тому подобного), названия средств передвижения, сортовые и фирменные названия – это названия образцов изделий, сортов растений, моделей машин, являющиеся единственными в своём роде, что определяет их написание с заглавной буквы [см.: Суперанская 1973, 186-194].

Третью группу составляют имена комплексных объектов: названия предприятий, учреждений, обществ, объединений; хрононимы – обозначения определённых отрезков и точек времени; названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, кампаний, войн; а также названия произведений литературы и искусства; документонимы – названия документов; названия стихийных бедствий; фалеронимы – названия наград [см.: Суперанская 1973, 194-205].

Стоит обратить внимание, что в этом же перечне именованных неодушевлённых предметов и собственных имён комплексных объектов далеко не все разряды имеют специальное название, термин. Это было связано со слабой изученностью данных разделов ономастики. Позднее ситуация меняется: в связи с возрастающим интересом к ономастике и к онимам появляются новые термины.

Так, Н.В. Подольская, предприняв попытку систематизировать ономастическую терминологию, выстраивает отношения соподчинённости разновидностей имён собственных в виде схем, отмечая, однако, условность данного деления. В основу более детальной классификации онимов ею была положена также соотнесённость имени с называемым объектом:

1. имена космического пространства: космонимы, астронимы, планетонимы, или астротопонимы (например, геонимы – названия объектов на земле, селеонимы – название любого природного объекта на Луне, марсионимы – названия объектов на Марсе, венусонимы – названия объектов на Венере, меркурионимы – названия объектов на Меркурии);

2. имена земного пространства:

- имена живой и неживой природы: бионимы (антропонимы, зоонимы, фитонимы) – абионимы (топонимы, стратонимы – собственные имена геологической формации, горизонта);

- имена суши и Мирового океана (лимнонимы – названия озёр, прудов; терронимы, спелеонимы; литонимы – названия естественных прибрежных объектов, в том числе камней, рифов, заливов, фьордов; инсулонимы –

названия островов; океанонимы – названия океанов, их частей, в том числе морей, заливов, проливов, течений; батионимы – названия любых объектов подводного океанического ландшафта, в том числе банок, впадин, мелей, расселин, хребтов);

3. имена сферы человеческой деятельности: теонимы – собственные имена божеств в любом пантеоне; мифонимы – имена любой сферы ономастического пространства в мифах, эпopeях, сказках, былинах [об именах собственных как средстве идентификации мифологических персонажей см.: Топорова 2005, 45-51]; идеонимы – различные категории имён собственных, имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности (артионимы – названия произведений изобразительного искусства; библионимы – названия, заглавия любых письменных произведений художественных, религиозных, научных, политических и т.д.; геортонимы – собственные имена любых праздников, памятных дат, торжеств, фестивалей; гемеронимы – собственные имена органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней; документонимы – собственные имена отдельных документов; поэтонимы – имена в художественной литературе, имеющие в языке произведений, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции; хрононимы – собственные имена исторически значимых отрезков времени), прагматонимы – различные категории имён собственных, связанные с практикой, с предметной областью деятельности человека (хрематонимы – названия уникальных предметов материальной культуры, произведённых или добытых руками человека, в том числе названия оружия, музыкальных инструментов, ювелирных изделий, предметов утвари, драгоценных камней; порейонимы – названия любого вида транспортных средств; ойконимы – названия поселений, в том числе городского типа – астионимы и сельского типа – комонимы; ойкодомонимы – названия зданий; урбанонимы – названия любых внутригородских топографических объектов, дромонимы – названия путей

сообщения; агроонимы – названия земельных возделанных участков, пашень, полей) [см.: Подольская 1988, 14-16].

Представленные классификации, как уже было сказано, основываются на соотнесённости с именуемым объектом. В этом же направлении классификации имён собственных ставится проблема *микро-* и *макроименований*, которая связана с количественным (размер именуемого объекта) и качественным (фазами становления имён) критериями называемых объектов, ролью называемых объектов в жизни людей, непосредственной данностью, специальным назначением, мотивировкой. Микро- и макроименования возможны во всех секторах онимического пространства. «Микроименования близки к нарицательным и отличаются от них лишь привязанностью к отдельным объектам, которым они даны в индивидуальном порядке <...> Микроназвания понятийны и несистемны <...> Макроназвания системны и отчасти понятийны» [Суперанская 1973, 169].

Для обозначения всего многообразия онимов в языке А.В. Суперанская вводит понятие «ономастическое пространство» (ср.: топономастическое [Топоров 1962, 5]). Ономастическое (целесообразнее «онимическое», см. об этом ниже – параграф 1.3.) пространство в соответствии с именуемыми объектами делится на секторы, обозначенные как топонимия, антропонимия, мифонимия, зоонимия, хрематонимия, астронимия и т.д. «Внутри этих областей могут быть выделены ономастические поля. Имена, входящие в состав поля, представляют собой систему (или комплекс систем), каждый член которой увязан с остальными по ряду параметров: территория, время, тема и т.д. Собственные имена, составляющие каждое поле, системны. Системы смежных территорий и эпох плавно переходят друг в друга» [Суперанская 1973, 141]. Исследователь делит ономастическое (онимическое) пространство условно на три части (зоны):

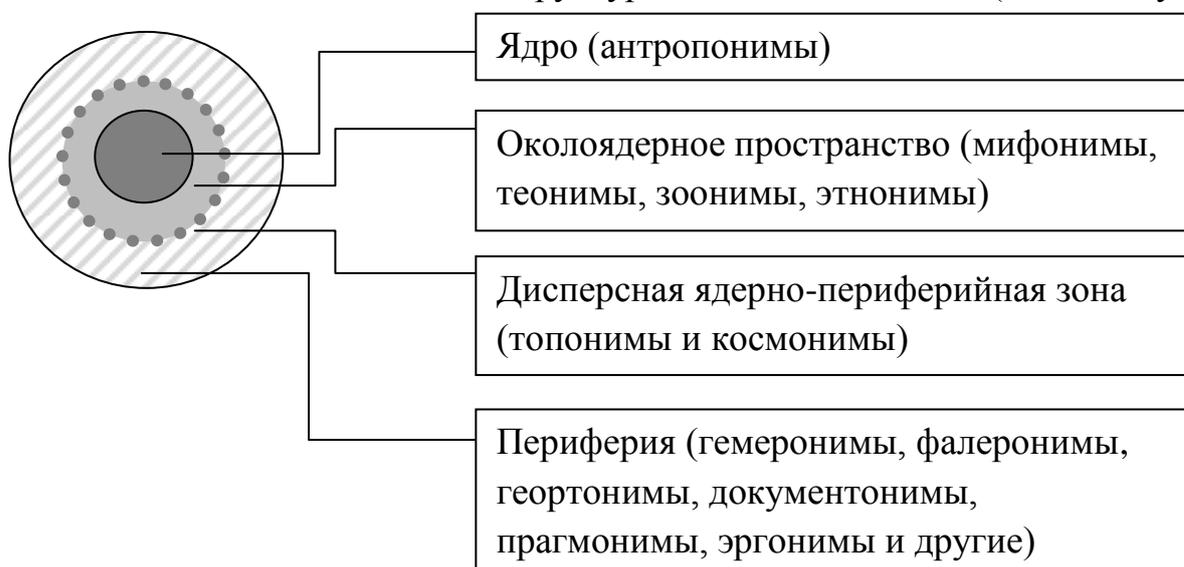
- имена реальных предметов (например, топонимы – р. Тёша, г. Арзамас; зоонимы – Шарик, Зорька);
- имена вымышленных предметов (например, теонимы – Велес, Зевс);

- имена гипотетических предметов (например, Атлантида, Фемида – гипотетический спутник Сатурна).

Отмечается, что имена в художественных произведениях занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов. Условность деления на названные зоны связана с пространственно-временным континуумом существования именуемых предметов, степенью их изученности и достоверности существования в реальности [см.: Суперанская 1973, 148].

В.И. Супрун анализирует онимическое пространство с точки зрения полевой структуры с ядерными и периферийными составляющими, основу которой составляют семантический, стилистический, фреквентативный (степень интенсивности употребления) и деривационный аспекты [см. схему 1]. Ядром русской онимии являются антропонимы. Околоядерное пространство организуют «антропонимоподобные разряды»: мифонимы, теонимы, зоонимы. Сюда же лингвист относит этнонимы. Дисперсную (рассеянную, раздробленную) ядерно-периферийную зону занимают топонимы и космонимы. Периферия, имеющая зональную организацию, представлена гемеронимами, фалеронимами, геортонимами, документонимами, прагматонимами, эргонимами и другими менее значительными по объёму разрядами [Супрун 2000, 6].

Схема 1. Структура онимического поля (по В.И. Супруну)

«Ономастическое [онимическое – А.Г.] поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей единичными для всей совокупности входящих в него единиц характеристиками, как наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая обильность, предполагающая сходную семантическую структуру слова (наличие/ отсутствие дифференциальных и потенциальных сем), частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность» [Супрун 2000, 11].

Онимическое пространство – «совокупность имён собственных как таковая, безотносительно к её внутреннему устройству, ономастическое же поле предполагает наличие системно-структурных отношений и связей, выступает как упорядоченная, иерархизированная совокупность имён собственных. Эта структура достаточно устойчива, стабильна, однако обладает также чертами переменчивости, функциональной подвижности» [там же, 9].

Определить чёткую границу онимического пространства непросто: некоторые разряды имён по различным признакам сходны с проприальной лексикой, но находятся за её пределами. Лингвисты обращают внимание на неоднородность изученности разных групп имён существительных, постоянное обновление онимического пространства и существование сложных образований типа антропозоонимы – зоонимы, образованные от любого антропонима, например, *Манька, Ксюшка, Васька, Яшка* (клички кошек, котов); топозоонимы – зоонимы, образованные от любого топонима, например, *Байкал* (кличка собаки). На наш взгляд, системность онимии обуславливает взаимосвязь типов онимов в онимическом пространстве, а существование микроименований в различных секторах отчасти нивелирует границу с апеллятивами, делает её гибкой и подвижной, поэтому до сих пор остаются спорными вопросы об онимо-апеллятивном статусе разных групп слов. В этом отношении обратим, например, особое внимание на этнонимы, так как они служат производящей базой для прозвищ, являясь единицами пограничной зоны.

Этнонимами называются слова или словосочетания, служащие для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа,

национальности и т.д.). В широком понимании в состав этого термина включаются также названия жителей городов, регионов, стран и т.п. [Богомягкова 2005, 3]. Так, например, В.Д. Бондалетов рассматривает близость этнонимов по выполняемым функциям к названиям животных, растений, горных пород, минералов, химических элементов и указывает на их тяготение к апеллятивной лексике [Бондалетов 1983, 29].

А.В. Суперанская характеризует этнонимы как имена нарицательные, отмечая их тесную связь с антропонимами и топонимами, проявляющуюся «во взаимном обмене лексем этих систем. Топонимы могут происходить из этнонимов, и, наоборот, антропоним даёт начало этнониму, а тот в свою очередь может снова превратиться в антропоним» [Суперанская 1973, 209].

В.И. Супрун определяет место этнонимов в ономастическом пространстве, представленном полевой структурой: данные единицы, именуемые «словами антропоцентрического притяжения» [Супрун 2000, 23], наряду с мифонимами, теонимами и зоонимами, составляют околоядерное пространство.

И.М. Кобозева ставит эксперимент по выявлению стереотипов национального характера через выявление коннотаций («таких их несущественных семантических признаков, которые несут информацию о черте характера» [Кобозева 2000, 185]) у этнонимов *русский, немец, англичанин и француз*. Лингвист обнаруживает характерные черты, типичные для того или иного народа, индивидуализирующие признаки каждого из названных этносов, а индивидуализирующее именование, выделение объекта (народа, нации из всей массы живущих на Земле людей) – это удел онимов; этнонимы, сближаясь с именами собственными по индивидуализации, мыслятся как имена нарицательные.

В.Е. Татаркин обнаруживает антропонимы, указывающие на территориальную, этническую принадлежность человека в письменных памятниках XVI – XVII вв., причём отмечает, что «от этнонимные имена могли

функционировать в роли самостоятельных личных имён» [Татаркин 2005, 9]. Сами этнонимы являются апеллятивами.

Т.А. Сироткина отмечает пограничность этнонимов, нахождение их между апеллятивной и проприальной лексикой и их «двойственный характер с точки зрения теории референции: с одной стороны, они являются идентифицирующими именами (к которым обычно относятся имена собственные), с другой – характеризующими» (которыми традиционно являются имена нарицательные) [Сироткина 2012, 3]. Этнонимы мыслятся как этнотермины, как имена нарицательные [см.: там же, 16]. На наш взгляд, данная точка зрения является более целесообразной: этнонимы, называя тот или иной народ, выделяют его из общей массы населения планеты, в то же время они являются всего лишь родо-видовым классификатором, подобно таким как «мебель», «кустарники», «деревья», «птицы» и тому подобным.

Таким образом, в языке есть существительные, статус которых до сих пор остаётся спорным, так как они занимают пограничное положение между проприальной и апеллятивной лексикой, свидетельствуя тем самым о взаимосвязи онимического и апеллятивного пространств. Онимическое пространство не имеет чёткой, статичной границы с апеллятивами, так как оно постоянно изменяется, пополняется за счёт нарицательных имён – результат процесса онимизации, в то же время живым является и процесс апеллятивации – перехода имён собственных в нарицательные, это обуславливает расширение как онимического пространства, так и апеллятивного.

Для нашей работы особый исследовательский интерес вызывают антропонимы как разновидность онимов.

1.3. Ономастика как наука. Антропонимика

Изучением имён собственных в языке занимается особый раздел лингвистики – ономастика. В переводе с греческого языка *onomastikē* дословно означает «искусство давать имена».

Разные исследователи-ономатологи определяли термин «ономастика» по-разному:

- ономастика – а) «комплексная наука об именах собственных»; б) «сами имена собственные» [Суперанская 1973, 5];
- ономастика – это «наука, изучающая имена собственные живых существ» [Чичагов 1959, 5];
- ономастика – совокупность личных имён (имён, отчеств, фамилий, прозвищ людей, а также животных) [Реформатский 1996, 37]. Следует отметить, что для называния совокупности собственных имён существует ещё и термин «онимия».

Сравним: ономастика (ономатология) – это 1) раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных); 2) совокупность (система) личных имён как особый предмет лингвистического изучения; 3) раздел языкознания, изучающий собственные имена [Ахманова 1969, 288]

Путаница в терминах, замена одного другим стала возможной из-за отсутствия единой общепризнанной терминологии, поэтому работы по систематизации ономастической терминологии являются актуальными, несмотря на существование словаря ономастических терминов [Подольская 1988]. Например, А.К. Матвеев отмечает, что русская ономастическая терминология никогда серьёзно не обсуждалась [см.: Матвеев 2005, 6]. Лингвист обращается к проблеме разграничения двух основополагающих терминов – обозначений общего названия собственных имён и наименования науки, которая их изучает, критикует употребление термина «онимия». А.К. Матвеев проводит параллель между терминологическими рядами *ономастика – ономатология – ономатография – ономастикон* и *лексика – лексикология – лексикография – лексикон* и приходит к выводу о том, что ономастика – это совокупность имён, а наука об именах собственных – ономатология [см.: там же, 9]. На наш взгляд, отказываться от термина «онимия» и использовать для обозначения совокупности онимов термин

«ономастика» нерационально. Во-первых, бóльшая часть исследователей имён собственных в своих работах использует термин «ономастика» для обозначения науки. Думается, правомерно провести параллель термина «ономастика» с терминами «лингвистика» (языкознание, наука о языке), «стилистика» (раздел языкознания, изучающий стили речи). Термины с формантом -ИКА означают науку или раздел науки («ономастика – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [Подольская 1988, 96]). Термин же «онимия» необходимо толковать как совокупность онимов [см.: там же, 95].

Итак, можно говорить о двух группах терминов:

- *ономастика* – *ономаст* (человек, занимающийся ономастикой; ср.: лингвистика – лингвист), или *ономатолог* [см.: Подольская 1978, 97]; *ономастический* (относящийся к науке «ономастика»);

- *онимия* – *онимический* (относящийся к самим именам, онимам); *онимикон* (список или перечень, словник всех имён собственных или того или иного разряда онимов).

Долгое время термины с формантами на –ИКА (ономастика, антропонимика, топонимика и т.д.) и на –ИЯ (онимия, антропонимия, топонимия и т.д.) употреблялись беспорядочно, взаимозаменяясь. В настоящее время они разграничены.

Ономастика как наука далеко не однородна по своему составу. Так, например, В.Д. Бондалетов в качестве главных разделов ономастики выделял антропонимику, топонимику и космонимику [см.: Бондалетов 1983, 4], О.Н. Трубачёв и Е.С. Отин наиболее развитыми разделами считали топонимику и антропонимику [см.: Русская ономастика и ономастика России 1994, 5-7]. Н.В. Подольская отметила ежегодное расширение и обогащение ономастики, предприняв попытку приведения её в систему путём упорядочивания терминологии, которая тоже испытывает изменения [Подольская 1988, 3-18].

В соответствии с разрядами онимов выделяются следующие разделы ономастики [ср.: Суперанская 1973, 195-205; Подольская 1988] (см. таблицу 1):

Таблица 1. Разделы ономастики

Группы именуемых объектов	Разряды онимов	Совокупность именуемых объектов	Раздел ономастики
имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые	антропонимы зоонимы мифонимы	антропонимия зоонимия мофонимия	антропонимика зоонимика мифонимика
именования неодушевлённых предметов	топонимы дримонимы фитонимы гидронимы ойконимы урбанонимы космонимы хремонимы и т.д.	топонимия дримонимия фитонимия гидронимия ойконимия урбанонимия космонимия хремонимия и т.д.	топонимика дримонимика фитонимика гидронимика ойконимика урбанонимика космонимика хремонимика и т.д.
собственные имена комплексных объектов	хрононимы документонимы фалеронимы и т.д.	хрононимия документонимия фалеронимия и т.д.	хрононимика документонимика фалеронимика и т.д.

В настоящее время ономастика имеет отношение к разным наукам, поэтому справедливо расценивать её не как раздел языкознания, а как самостоятельную междисциплинарную науку. А.В. Суперанская подробно раскрыла взаимосвязь ономастики с другими науками – лингвистикой, логикой, историческими науками, социологией, географией, литературоведением. Она отметила уникальность науки об именах собственных, связанную с использованием знаний гуманитарных и естественных наук, которые, в свою очередь, также пользуются материалом ономастики [см.: Суперанская 1973, 8-36]. Такая взаимосвязь наук помогает дополнять друг друга и раскрывать вкуче отражённую в онимах всестороннюю информацию об окружающем мире, вскрывать экстралингвистические особенности объективной, субъективной или вымышленной реальности. Например, говорящие фамилии в художественных произведениях помогают раскрыть характер героя, позволяя читателю самому поучаствовать в создании образа, эксплицируя смысловые доминанты путём

домысливания, дофантазирования – Раскольников (роман «Преступление и наказание»), Хлестаков (комедия «Ревизор»), Манилов, Коробочка, Ноздрёв, Собакевич, Плюшкин (повесть «Мёртвые души»). «Комплексность ономастики состоит не только в объекте (изучает все собственные имена без исключения), но и в аспектах рассмотрения (лексико-семантический, фонетический, структурный, словообразовательный, грамматический), в применяемых методах (описательный, этимологический, региональный и другие)» [Климкова 1985, 11].

Становление ономастики как самостоятельной науки связано с достижениями крупнейших русских и советских исследователей, в частности: Н.Д. Арутюновой, А.С. Бабанина, Е.Л. Березович, О.И. Блиновой, В.Д. Бондалетова, Е.М. Верещагина, С.Б. Веселовского, И.А. Воробьёвой, А.Х. Востокова, М.В. Горбаневского, В.А. Гречко, Д.Б. Гудкова, Д.И. Ермоловича, С.И. Зинина, Л.И. Зубковой, Ю.Н. Караулова, Ю.А. Карпенко, Л.А. Климковой, И.М. Кобозевой, ГФ. Ковалёва, В.Г. Костомарова, Е.С. Кубряковой, Е. Куриловича, О.А. Леоновича, М.В. Ломоносова, А.К. Матвеева, А.А. Мельниковой, Е.А. Нахимовой, В.А. Никонова, З.П. Никулиной, О.А. Образцовой, Е.С. Отина, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, Е.В. Рахилиной, А.А. Реформатского, С. Роспанда, М.Э. Рут, А.М. Селищева, Б.А. Серебренникова, Т.А. Сироткиной, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, А.В. Сусловой, Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачёва, Б.А. Успенского, А.А. Уфимцевой, О.В. Фельде, Ф.Ф. Фортунатова, Н.К. Фролова, Е.А. Хамаевой, В.Н. Цоллер, Ю.И. Чайкиной, В.К. Чичагова, О.В. Чумаченко, Д.Н. Шмелёва, А.Д. Шмелёва, Л.В. Щербы, В.Н. Ярцевой и других.

Объектом исследования ономастики являются «истории возникновения имён и мотивы номинации, их становление в каком-либо классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой (трансонимизация), территориальное и языковое распространение, функционирование в речи, различные преобразования, социальный и

психологический аспекты, юридический статус, формульность имени, использование и создание собственных имён в художественном тексте, табуирование. Ономастика исследует фонетические, морфологические, словообразовательные, семантические, этимологические и другие аспекты собственных имён» [ср.: Языкознание. БЭС 1998, 347]. Предмет ономастики – «инвариантное, то есть общее, в ономастике всех языков мира: лингвистическая сущность имени собственного, его отличие от других лексических (и шире - языковых) категорий, закономерности возникновения, развития и функционирования собственных имен и другое» [Бондалетов 1983, 10]. Ономастика является сравнительно молодой наукой, несмотря на то, что интерес к именам собственным, в частности, к их смысловой наполненности, начали проявлять ещё в древности.

В.Д. Бондалетов, вслед за С. Роспондом, обозначившим истоки, этапы и перспективы развития славянской ономастики [см.: Роспонд 1962, 9-19], выделяет 3 основных этапа развития ономастики:

1. донаучный (до XIX века), существовавший до использования сравнительно-исторического метода для объяснения возникновения онимов (В.Н. Третьяковский, В.Н. Татищев и другие);

2. становление ономастики как науки (XIX – начало XX в.) – этап, представленный работами лингвистов, историков и географов (А.Х. Востоков, Н.И. Надеждин, Н. П. Барсов, М. Морошкин и другие) – использование сравнительно-исторического метода для изучения онимов;

3. научный, или ономастический (с 20-х годов XX в.), характеризующийся осознанием ономастического материала как особого разряда языка – многообразие используемых методов (описательный, исторический, сравнительно-сопоставительный, ареальный, семиотический, стилистический, лингвопсихологический, статистический и так далее) [см.: Бондалетов 1983, 36-37].

В последние два десятилетия тенденция к комплексному изучению имён собственных на стыке разных наук сохраняется [см., например: Р. Харре

«Психология имени»], актуальным стал этнокультурный подход (Ермолович Д.И. «Имена собственные на стыке языков и культур» [2001], «Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи» [2005]; Зубкова Л.И. «Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте» [2009]; Супрун В.И. «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» [2000]). Кроме того, появились работы и по региональной ономастике – исследования ономического пространства определенного региона, определённой территории (Климкова Л.А. «Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира» [2007], Денисова Т.Т. «Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области)» [2007], Татаркин В.Е. «Антропонимия Орловского края XVI – XVII вв.» [2005], Дмитриева О.П. «Ономастическое пространство Россошанского района Воронежской области» [2009]).

Для нашей работы особый интерес представляет антропонимика как раздел ономастики и, соответственно, – антропонимы как разряд имён собственных.

В 60-70-е годы XX века происходит активизация антропонимических исследований: расширяется их проблематика, уточняются принципы и методы работы. В.Д. Бондалетов объединяет тематику антропонимических изысканий в 5 основных направлений:

- Общеономастическая (общеантропонимическая) проблематика, рассматривающая специфику собственного имени как языковой категории, структуру его значения, степень мотивированности семантики антропонима, функции антропонимов в языке, в речи, в художественной литературе, социальную обусловленность антропонимов, виды антропонимов, отличительные черты имён, фамилий, отчеств, прозвищ, псевдонимов, способы и средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в именах, официальные и неофициальные формы антропонимов, их стилистическую

дифференциацию, продуктивные способы образования фамилий и имен в русском языке; антропонию в территориальных и социальных диалектах, методы изучения антропонимов, вопросы лексикографического описания антропонимической лексики, вопросы ономастической терминологии (работы О.С. Ахмановой, А.А. Белецкого, В.Д. Бондалетова, Е.М. Верещагина, М.В. Карпенко, Ю.А. Карпенко, В.Г. Костомарова, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, А.А. Реформатского, А.В. Суперанской, В.Н. Топорова, Л.М. Щетинина и других лингвистов).

- История русской антропонимии, отражающая её периодизацию, появление христианских имён и их адаптацию, взаимодействие неканонических («прозвищных») и канонических имён в разные исторические периоды, историю формул именования человека, историю отчеств, историю фамильных прозваний (фамилий), их источников и так далее (работы В.Д. Бондалетова, С.И. Зинина, А.Н. Мирославской, В.А. Никонова, А.В. Суперанской, О.Н. Трубочёва и других лингвистов).

- Современная русская антропонимика, анализирующая состав мужских и женских личных имён, бытующих у русского населения в настоящее время, статистическую структуру именина, фонетическую, словообразовательную и грамматическую характеристику русских имён, группы личных имён по происхождению, состав русских фамилий, состав и формы русских отчеств, функциональные, структурные, словообразовательные и семантические разновидности прозвищ (работы В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Е.В. Ухмылиной, Н. Н. Ушакова, Л.М. Щетинина, и других исследователей).

- Антропонимия в русской художественной литературе и фольклоре, рассматривающая функции и специфику литературных антропонимов, связь антропонимической системы художественного произведения с системой его образов, способы и приёмы создания и подачи литературного антропонима, зависимость ономастики художественного произведения от литературного направления, создание ономастического словаря писателя и отдельного художественного произведения (работы С.И. Зинина, М.В. Карпенко,

В.А. Никонова, О.И. Фоняковой, Л.М. Щетинина и других ономатологов).

- Прикладные вопросы антропонимии: орфография, орфоэпия, транслитерация, проблема перевода имени собственного, составление справочников имён собственных, имена собственные и культура речи (работы А.А. Реформатского, В.Э. Сталтмане, Б.А. Старостина, А.В. Суперанской и других антропонимистов) [см.: Бондалетов 1983, 91-95].

Несмотря на развитие интереса к антропонимам в течение всего XX века и начале XXI, их изучение остаётся актуальным, проблематика антропонимических исследований далеко не исчерпана.

1.4. Структура именованного русского человека

Антропоним – это любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей).

Именование русского человека представлено двумя типами структур: официальной (трёхкомпонентной) и неофициальной. «Современная формула полного именованного лица (фамилия, имя и отчество) стала всеобщей, вне зависимости от принадлежности к классу, сословию, полу, только в годы Советской власти. В дореволюционное время формула полного именованного лица не могла быть общей для всех и часто была одной из самых ярких характеристик положения лица в классовом обществе» [Зинин 1972, 20].

Компонентами официального именованного являются личное имя (имя, данное человеку при рождении или (редко) выбранное для себя взрослым человеком), отчество (именование, произведённое от имени отца), фамилия (наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье). (О происхождении русских фамилий, личных имён, отчеств см., например: [Селищев 2004, Чичагов 1959, Зинин 1972]). Эта антропонимическая формула «личное имя (персоним) + отчество + фамилия» является обязательной, юридически закреплённой. Вне её

может быть псевдоним – вымышленное имя человека, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него.

Структура неофициального именованя русского человека выглядит иначе: личное имя + отчество (Иван Михайлович, Мария Васильевна), личное имя + фамилия (Иван Петров, Мария Иванова), только фамилия (Петров, Иванова), личное имя в полной форме (Иван, Мария), трансформированное личное имя (Ваня, Ванюша, Ванька), только отчество, полное или трансформированное (Михайлович, Михалыч, Ивановна, Ильинична), прозвище, уличная фамилия (какой-то один или два компонента сразу, например, прозвище + уличная фамилия, или личное имя + уличная фамилия) [об антропонимическом пространстве и структуре именовани жителей одного села см.: Климкова 1997, 74-77]. Неофициальная формула именованя человека не является обязательной, юридически не закреплена, возникает и бытует в устной речи (закреплена только традицией в речи носителей языка, говора). Например, людей с одинаковым именем Александр могут называть по-разному: Саша, Сашенька, Санёк, Санька, Шура, Шурка, Шурочка, Шурик, Алекс и др. – выбор номинации прагматически обусловлен, зависит от речевой ситуации и, что немаловажно, от характера или поступка именуемого человека, от отношения к нему субъекта речи, социума. Ср.: «Яркую черту личных имен в русском языке составляет их исключительная способность к трансформации, к образованию гипокористик, деминутивов для выражения различных эмоциональных, стилистических и иных оттенков и значений (ласкательных, уменьшительных, фамильярных, уничижительных, официальных, деловых и др.), отражающих богатую гамму межличностных человеческих отношений» [Гречко 1998, 244].

Развитие системы именованя русского человека, становление официальной и неофициальной структур именованя – долгий исторический процесс. «Логика развития личных имён оказывается далеко не простой. И причина этого – сложное взаимодействие различных функций имени, во многом противоречащих одна другой» [Бестужев-Лада 1968, 21].

До принятия христианства «система выделения лица среди ему подобных могла быть обеспечена многочисленным арсеналом прозвищных личных имён, подчёркивавших какие-либо внешние, духовные, тотемные и другие признаки именуемого: Нечай, Пятой, Головня, Худоша и др. После принятия христианства введение строгого нормированного использования христианских личных имен с обязательной привязкой конкретного личного имени для новорожденного, с рекомендательным списком в «святцах» привело к значительному сокращению числа употребляемых в древнерусском обществе имен» [Зинин 1994, 187]. С.И. Зинин отмечает, что при образовании государственных отношений человечество довольно быстро отказалось от именованья только одним именем: «В древнерусском обществе также нельзя было именовать человека только по одному имени, так как многочисленный слой русских нехристианских имён был вытеснен небольшим количеством имён канонических, которые даже в небольшой социальной группе порождали тёзок и затрудняли общение» [Зинин 1972, 21]. Поэтому в дофамильный период при персонификации лица стали использовать как равноправные христианские (канонические) и мирские (прозвищные) личные имена.

Функционирование только канонических и прозвищных личных имён не отражало преемственной связи в установившейся родовой или семейной наследственности, что стало необходимо в условиях формирования юридических норм права наследования. «Вводимая в древнерусском обществе патронимическая форма именованья (именование лица по имени отца) в сочетании с личными христианскими и прозвищными личными именами как раз и стала удобной антропонимической моделью в дофамильный период, которая не только отражала уважение к памяти родителей, но и выступала юридически закреплённым знаком своеобразного права на имущество, духовное и другое наследование от своего отца [Зинин 1994, 187]. Так появились древнерусские отчества, которые в дофамильный период не только указывали на патронимическую связь в пределах одной семьи, подчеркивая тем самым родство братьев и сестер, что свойственно и современным русским

отчествам, но и в значительной степени расширяли свою социальную функцию. Древнерусские отчества нередко служили основой для образования родовых и фамильных прозваний, могли обозначать совокупность родственников, родичей, в некоторых случаях выступали в качестве элемента наследственного значения при именовании внуков, правнуков.

Стоит отметить, что до XVII века отчества могли образовываться как от христианских личных имён (собственно отчества), так и от прозвищных (прозвищные отчества), причём «прозвищные отчества в дофамильный период стали выступать дополнительным различительным признаком именуемого, позволяя передаваться по наследству и обслуживать два и более поколений, что в значительной степени сближает прозвищные отчества с современными русскими фамилиями» [Зинин 1994, 191].

Расщепление именованья русских людей на два типа структур относится к XV веку и связано с появлением фамилий, «когда произошло возвышение Московского княжества, а московские канцелярии определяли, кого и как «писать», хотя эта официальная запись часто не совпадала с реально звучащим именованьем человека или семьи в живой речи» [Энциклопедия Кругосвет, 9]. В то время наблюдалась тенденция к стандартизации и унификации документального написания, в связи с чем, по усмотрению канцелярий, наблюдались два явления по отношению к семейным прозваниям (именам, возникшим от имени главы семьи или родоначальника, послужившим базой для образования фамилий):

- суффиксация – к семейным прозваниям прибавлялись суффиксы -ОВ-, -ЕВ-, -ИН- в зависимости от склонения существительного (Кот – Котов, Трава – Травин);
- усечение – от отчеств отбрасывался древний общеславянский патронимический суффикс -ИЧ-/-ОВИЧ- (Фёдорович – Фёдоров) [см.: там же].

В.К. Чичагов отмечает, что официальная структура именованья русского человека окончательно складывается к XVII веку в связи с тенденцией именовать людей более полно (трёхчленно) для различения в пределах

государства [см.: Чичагов 1959, 64-65]. «Трехименная формула указывала не только на имя носителя, но через форму отчеств указывала на имя отца, а через фамильное прозвание – на связь с другими представителями данной семьи. В сумме это давало довольно обстоятельную характеристику лица и отчётливо выделяло его среди других» [Зинин 1972, 32]. Разнообразие фамильных прозваний в трехименной формуле именованя человека способствовало отказу от дополнительных неантропонимических характеристик (профессии, примет).

В XIX веке трехчленная формула именованя проникает в среду крестьянства и рабочих, а после Великой Октябрьской революции становится обязательной. Стоит отметить, что трехчленная формула именованя женщин развивалась медленнее, чем именованя мужчин, что связано с менталитетом русского народа и господством патриархального уклада. Одинаковую трехчленную структуру (имя, отчество, фамилия) женщины и мужчины получили после 1917 года.

Закрепление за фамилией основной функции официальной персонификации лица снизило социальную роль отчества во второй половине XIX в. Под влиянием западной традиции в России нормой при официальной записи лица стало обозначение титула, чина, должности и фамилии, реже имени и фамилии. Получило распространение использование инициалов вместо полного имени и отчества. В официальных документах, как, например, записи метрик, паспортов, родословных книг, различных послужных списков в XIX в. графу об отчестве не выделяли. Только в конце века в документах, удостоверяющих личность, запись отчества стала обязательной. Эта традиция сохранилась и в XX в [см.: Зинин 1994, 195].

Однако, кстати сказать, трехчленная формула именованя в современном мире, особенно в средствах массовой информации преобразуется, всё чаще заменяясь двучленной (личное имя + фамилия), а то и одночленной (личное имя в полной и даже усеченной форме) безотносительно к возрасту именуемого [ср.: Варачина 2009, 21]. Это связано с влиянием западной традиции, где в официальной структуре именованя отсутствует отчество, зато есть два и более

личных имени: персоним (personal name, first name) и среднее имя (middle name); «наиболее важным, существенным представляется именно первое, личное имя» [Леонович 2002, 6]. Именно поэтому в русской речи стирается исконная граница, разделяющая официальное/неофициальное именование, разрывается связь с русскими корнями, так как «отчество в том виде и в той традиции употребления, которая существует у нас, – индивидуальная и неповторимая особенность именно русского именованья» [Суслова, Суперанская 1991, 8].

Псевдоним – «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская 1988, 113]. Н.В. Подольская отмечает, что в русской традиции псевдоним может заменять фамилию (чаще всего); имя личное, отчество, всю формулу имени; особенно распространены псевдонимы среди актёров и писателей; псевдоним может быть групповым.

В последнее время в связи с развитием интернет-технологий и социальных сетей широкое распространение получает ещё один компонент неофициальной структуры именованья русского человека – *ник*. Ник (само слово *nick* – усечённое английское слово от *nickname*) – это наименование человека в социальных сетях, придуманное самим его носителем. Данный вид антропонима занимает промежуточное положение между псевдонимом и прозвищем. По своей функциональной наполненности и возникновению *ник* идентичен псевдониму, однако отличается содержанием характеристики, намёка на черту личности носителя, что сближает этот вид антропонима с прозвищем. *Ник* – это своего рода новый этап развития и бытования прозвища в современном информационном обществе.

В среде деклассированных элементов общества функционируют клички (кликухи, погоняла) как компонент неофициальной структуры именованья человека [о кличках см.: Грачёв 2005, 2008, 2009; Волкова 2007]. Данный вид антропонима есть не что иное как прозвище, данное человеку авторитетными членами названной группы лиц по какому-либо отличительному признаку или

характеристике называемого. Название же «кличка», на наш взгляд, делает акцент на отсутствие человеческих черт у людей этого круга, так как кличка – наименование животного: деклассированный элемент уже не является полноценным членом общества из-за совершённых проступков, аморальных и противозаконных действий. Однако кличка животного носит чаще положительный характер (например, корова *Зорька*, кошка *Муська*, пёс *Шарик*), кличка деклассированного элемента – отрицательный. Кличка – это единственная номинанта деклассированного элемента: выпал из нормального общества, преступил закон – потерял человеческие качества, потерял имя, приобрёл прозвище, кличку (кликуху, погоняло). М.А. Грачёв же отождествляет кличку уголовника с личным именем законопослушного человека, отмечает её ценность («кличка для уголовника является самым дорогим словом»), полагает, что «воровские клички – реликт древних верований русичей, когда давались неблагозвучные имена, чтобы нечистая сила не вредила нарекаемому». Процесс назначения клички новому деклассированному элементу исследователь сравнивает с крещением [Грачёв 2008].

В русских народных говорах, в частности нижегородских, арзамасских, актуальными продолжают оставаться уличные фамилии [об исследовании уличных фамилий в нижегородских говорах см.: Тюрина 2001а, 2001б, 2002, 2005, 2006, 2009, 2010, 2011а, 2011б, 2012а, 2012б] и прозвища как компоненты неофициального именования личности. [О современной русской антропонимической системе см., например: Варачина 2009, 20-22; Голомидова 2005, 11-22].

Именования русского человека составляют антропонимическое поле, структура которого связана с компонентами национального языка: официальные именования составляют ядро поля (литературный язык), околоядерную зону (центр) организуют различные трансформации трёхчленной структуры именования (неофициальные именования), используемые в разговорном стиле литературного языка. Периферия имеет зональное деление

на ближнюю, представленную неофициальными антропонимами, функционирующими в территориальных диалектах (прозвищами, уличными фамилиями) и в просторечии (в частности, различные трансформации личных имён), дальнюю, организуемую антропонимами в социолектах (например, ники), и отдалённую, содержащую антропонимы, которые бытуют в аргю (клички, кликухи, погоняла). Структуру именования русского человека можно представить в виде схемы:

Схема 2. Структура антропонимического поля

Особо стоит отметить слова антропонимического притяжения (этнонимов), которые могут употребляться во всех зонах.

Итак, неофициальная структура именования русского человека является более развитой и подвижной по причине свободного, не фиксированного на письме, функционирования в устной речи. Неофициальные антропонимы более живо реагируют на процессы, происходящие в обществе, следовательно, их исследование важно для изучения особенностей русского национального

характера. При таком подходе особое внимание необходимо обратить на прозвища.

1.5. Прозвища как разряд антропонимов

Прозвищная номинация как компонент территориальных диалектов очень живо реагирует на общественные изменения. Прозвище – «дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [Подольская 1988, 111].

Прозвище, как и личное имя, выполняет номинативную функцию, то есть и то, и другое является именовани^{ем} человека, однако личное имя связано с глаголом «называть»: именем называют, а прозвище – с «прозывать»: им прозывают при определённых обстоятельствах, за определённые «заслуги», тем самым в отличие от личного имени прозвище является вторичной антропонимической единицей и как таковая обладает экспрессивностью, эмоциональностью, оценочностью, а также мотивированностью. Индивидуализирующая и дифференцирующая функции прозвищ выражены значительно ярче, чем у персонимов и других типов официальных имён: прозвище используется определённым кругом людей (жителями села, носителями говора) по отношению к одному «прозываемому» человеку, тогда когда личные имена, фамилии и отчества могут быть одинаковыми у разных людей. Прозвища различаются по ряду признаков: по принципам номинации, мотивировочным признакам, по характеру мотивированности, по коннотации, по способам деривации и другим.

Прозвища возникают и функционируют в узкой среде – в пределах одного языкового коллектива, одного говора, являясь показателем отношений между его членами. Так, например, прозвище *Жадина*, образованное от апеллятива с соответствующим значением, отражает черту характера своего обладателя – жадность, скупость, что было подмечено жителями села.

Прозвище *Клоп* является ассоциативным, наталкивает на мысль о пословице: «Мал клоп, да вонюч», – это иллюстрирует негативное отношение носителей говора к прозываемому, который демонстрирует противный, вредный характер, в связи с чем с именуемым предпочитают не связываться и не иметь никаких дел. Стоит обратить внимание на то, что приведённые прозвища носят отрицательный характер и отражают негативное отношение говорящих (прозывающих) к именуемому (прозываемому). Для диалектной картины мира данный факт является закономерностью – прозвище выполняет функцию показателя «ненормы»: любое отклонение от привычного, общепринятого носителями говора подмечается и наделяется номинацией-ярлыком, потому что отрицательное, плохое мешает жить, оказывая нежелательное воздействие на окружающих. Однако не все прозвища являются отрицательными, есть фамильярные и положительные, хотя их меньше, чем негативных.

Среди носителей говора прозвища прочно укореняются, активно используются в речи: закон экономии языковых средств приводит к тому, что проще, быстрее назвать человека по прозвищу, например *Кудряш* вместо фамилии Кудряшов, *Абрам* вместо Абрамов. Прозвище – это активно используемый в речи языковой знак прозываемого, его «визитная карточка», отличающая от других, выделяющая человека из общей массы и в то же время указывающая на принадлежность к конкретному языковому коллективу.

Существуют разные подходы к определению статуса прозвищ:

- прозвища являются именами нарицательными (А.А. Пашкевич);
- прозвища занимают пограничное положение между онимами и апеллятивами (О.В. Махниборода);
- прозвища – это вид антропонима (В.К. Чичагов, А.В. Суперанская).

А.А. Пашкевич отмечает, что прозвища – «дополнительные, неофициальные именованья человека, использующиеся для наиболее точной, личностной, оценочной характеристики называемого и выделяющие его в коллективе [Пашкевич 2006, 3]. Однако в результате их структурно-семантического анализа лингвист приходит к выводу, что прозвища входят в

состав апеллятивной лексики, так как они «даются определенному классу людей, закрепляются за классом объектов, описывая тем самым обозначаемый объект посредством указания в нем тех или иных признаков. Прозвища не только репрезентируют тот или иной объект, но и обладают характеризующей функцией, а это свойственно нарицательным именам [Пашкевич 2006, 7]. Не согласимся с данными выводами постольку, поскольку прозвища, помимо указанной А.А. Пашкевичем характеризующей функции как главного довода в пользу отнесения к нарицательным именам, выполняют ещё целый ряд функций, типичных для имён собственных. Прозвища обладают функциональной (онимической) вторичностью, причём второго уровня: прозвище – вторичное, более конкретное наименование лица, которое уже имеет оним или онимы, в свою очередь вторичные знаки на фоне апеллятивов. При упоминании прозвища каждому члену языкового коллектива становится понятным, о ком именно идёт речь. При значительности характеризующей функции прозвища выполняют индивидуализирующую, дифференцирующую, идентифицирующую функции, призваны служить для дополнительного именования, прозывания людей за глаза (чаще) или в глаза (реже), а также для разграничения лиц с одинаковыми именами или фамилиями в пределах одного населённого пункта.

О.В. Махниборода говорит о пограничном положении прозвищ, между онимами и апеллятивами, что особенно заметно в прозвищной номинации отдельных лиц, коллективов, представителей разных народностей или жителей отдельных местностей: такие именованья достаточно подвижны и непредсказуемы, приближены к нарицательной лексике с оценочным значением [см.: Махниборода 2010, 10].

В.К. Чичагов определяет прозвища как «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определённом, часто довольно замкнутом кругу общества» [Чичагов 1959, 5]. Лингвист отмечает, что в языке по

отношению к данному виду антропонима слово «кличка» может использоваться как абсолютный синоним [о кличках как виде антропонимов см. выше].

В отличие от апеллятивов прозвища ассоциативны, отражают «свойства именуемого объекта, заменяются на более яркие, лишь только их «нарицательный смысл» утрачивается; они выполняют функцию «социальной легализации личности, включающую в ряде случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе» [Суперанская 1973, 274].

Итак, прозвища выполняют онимические функции, дополняемые характеризующей, конкретизирующей функцией; обладают эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью, мотивированностью; не входят в официальную структуру именованного человека, не закреплены юридически и не зафиксированы на письме. Прозвища являются вторичными единицами на фоне других онимов (они обладают «вторичной вторичностью»).

На наш взгляд, прозвище уместно квалифицировать как микроантропоним, как это делает А.В. Суперанская. Во-первых, данный вид антропонимов является индивидуальным именованием, относящимся к одному лицу и ни к кому больше, функционирующим лишь в узком кругу носителей говора. Во-вторых, при возникновении прозвищ частично отсутствует системность [см.: Суперанская 1973, 169]: ту или иную номинацию человек получает от своего окружения за какую-либо отличительную черту внешности, характера или поступок, причём, именование может образоваться как от апеллятива, содержащего характеристику, так и от онима путём его различных трансформаций. Суть же номинации вскрывается в деривате путём ассоциации и мотивации, при отсутствии которой утрачивается истинная причина возникновения прозвища, а с уходом носителей говора – и само прозвище. Например, прозвище *Лохматый* может иметь лысый человек, причиной возникновения такого именованного является насмешка над его носителем; со временем же мотивированность насмешки может быть утеряна, а людям останется только догадываться, почему человек имеет подобное прозвище: то

ли раньше носил длинные волосы, а потом сбрил, то ли в детстве не любил причёсываться, то ли прозвали по контрасту. Отсутствие системности в образовании прозвищ, использование их как индивидуальных именовании в узком кругу соответствует процессу становления имён по линии «микро» – «макро»: «на стадии микроимени как бы происходит перелом в нарицательном употреблении слова и закреплении его за одним, определённым в данной ситуации, объектом» [Суперанская 1973, 169]. Исходя из данного положения, уместно провести аналогию микроантропонима с микротопонимом, так как они являются единицами одного уровня в становлении имени.

Л.А. Климкова вслед за рядом лингвистов (Ю.А. Карпенко, В.А. Никоновым, А.В. Суперанской) выделяет специфичные черты, присущие микротопонимии:

- близость к нарицательным именам;
- меньшая устойчивость по сравнению с топонимами;
- отсутствие письменной, официальной фиксации;
- бóльшая изменчивость микротопонимов;
- специфика в источниках, строении, судьбе, характере объектов;
- размеры, сущность объектов;
- роль микротопонимии в жизни человека, непосредственная данность, неслучайность мотивировки, подвижность, локальность (малоизвестность), бытовая понятность, несистематичность;
- менее высокая частотность и меньшая стандартность моделей [Климкова 2007, 76].

Прозвища как микроантропонимы обладают подобным набором дифференциальных признаков:

- локальность, своеобразная корпоративность – функционирование в пределах одного говора, использование на территории одного населённого пункта по отношению к одному конкретному лицу;
- специфическая семантика, складывающаяся из номинации, мотивации,

деривации, коннотации (эмоционально-экспрессивной окрашенности) и возникающих ассоциаций; связь с понятием о реалии, которая дала прозвище;

- близость к апеллятивам или к проприальной лексике по фонетической оформленности и ассоциативному ряду; отграничить прозвища от апеллятивов оказывается возможным при частотном использовании в речи носителей говора в качестве номинации одного конкретного человека;

- неслучайность – роль характеристики-бирки как отличительного знака прозываемого;

- подвижность – прозвище человека может стать базой для образования прозвищ членов его семьи; прозвище может дать жизнь уличной фамилии; оно может уйти и замениться другим;

- заочное («заглазное») употребление – называние человека прозвищем за глаза (как правило), очное употребление для положительных прозвищ или для оскорбления отрицательным прозвищем в экстремальных коммуникативных ситуациях (например, при ссоре);

- недолговечность – с уходом прозвищеобладателя исчезает его номинация, равно как и с уходом носителей говора старшего поколения утрачивается мотивация возникновения прозвища, а потом и сама единица;

- структурно-грамматическое разнообразие – прозвища могут представлять собой одно слово, словосочетание, синтагму;

- юридическая незакреплённость: прозвища не входят в официальную структуру именованья, не имеют письменной фиксации (фиксация с исследовательскими целями здесь не в счёт).

Перечисленные признаки являются конкретизирующими, определяющими и микроантропоним как самостоятельную единицу в онимическом пространстве.

К микроантропонимам А.В. Суперанская относит «прозвищные именованья людей с яркой характеристикой: *Косолапый, Пучеглазый, Долговязый* и т.п. К макроантропонимам, очевидно, следует отнести

«групповые именованья определённых коллективов: имена семей, родов, династий» [Суперанская 1973, 169]. Согласно этому утверждению уличные фамилии, коллективные прозвища стоит рассматривать как макроантропонимы. Однако перечисленные именованья функционируют на ограниченной территории, не выходя за её пределы, следовательно, их положение ближе к уровню микроантропонимов по линии «микро» – «макро».

Приставка микро- акцентирует внимание на диапазоне использования имени в речи – в пределах одного говора. Однако не стоит умалять роль микроантропонимов в жизни человека: они являются показателями социальных отношений, вскрывают деривационный механизм языка, отражают культуру и быт носителей говора, поэтому их изучение значимо для постижения жизни народа.

С точки зрения семной структуры [см. параграф 1.1.], на наш взгляд, в прозвищах комплекс сем реализуется через функционирование в речевой ситуации (через потенциальную сему), через возникающие ассоциации, дополняется коннотативной и (иногда) имплицитной (вероятностной) семами. Семная структура микроантропонима имеет следующий вид:

- классема – ‘предметность’;
- лексограммы – ‘проприальность’, ‘прозвищность’, ‘единичность’, ‘одушевлённость’;
- гиперсема – ‘человек’;
- гипосемы (например, ‘мужчина’, ‘женщина’, ‘девочка’, ‘мальчик’, ‘сильный’, ‘лысый’, ‘худой’) и гипосемные комплексы, отражающие конкретные характерные черты прозываемого (например, ‘большого роста’, ‘крупного телосложения’);
- ассоциативная сема;
- потенциальная сема;
- имплицитная сема;

- коннотативные семы: эмоциональная; оценочная (оценка прозываемого); экспрессивная (выражение степени качества).

Подобная семная структура реализуется во всех микроантропонимах. Так, значение прозвища реализуется в локальной среде: в конкретном говоре, в определённом языковом коллективе, в привязанности к тексту, речи – вне текста, речи семантика прозвища не представлена полностью, так как прозвищная номинанта вне дефиниции может быть воспринята людьми, не являющимися носителями говора, как апеллатив или оним, не имеющие никакого отношения к прозываемому. Стоит ещё раз подчеркнуть, что в семантике прозвищ осуществляется связь с понятием о реалии, которая дала прозвище.

В диалектной картине мира прозвищная номинанта является естественным языковым знаком, отражающим взаимоотношения людей. Обладая особой экспрессией, мотивированностью и ассоциативностью, прозвища чаще всего носят отрицательный характер, служат насмешливым, обидным именованием, иронически представляющим носителя.

1.6. Прозвища в диахроническом и синхроническом аспектах

Современное толкование термина «прозвище» является общепринятым, общеупотребительным. Однако с момента своего возникновения термин претерпел изменения. Историческое (диахроническое) развитие прозвищ тесно связано с мирскими, неканоническими именами.

У восточных славян в древности (вплоть до X века) основной антропонимической единицей было личное имя. В древнерусском языке «личное имя (рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование) – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с другими» [Сулова, Суперанская 1991, 4]. Каждый славянин имел не одно, а два имени: первое – настоящее

давалось ему при рождении и держалось на протяжении всей жизни человека в строжайшем секрете, второе – вымышленное, тоже давалось при рождении или в детстве за определённую черту и использовалось для именованя человека на протяжении всей его жизни. Первое считалось оберегом, талисманом: ему приписывались магические силы. Если кто-нибудь из недругов выводывал имя, то мог наслать на именуемого порчу, сглаз. Второе имя являлось обиходно-бытовым, по происхождению – прозвищным [см.: Казаков 2007, 5-6; Гейко 2008].

В основу личных языческих имён до Крещения Руси мог быть положен один из экстралингвистических факторов (см. ниже классификации прозвищ по семантическим группам А.М. Селищева и В.К. Чичагова), причём такой фактор, как место происхождения, носил характер дополнительного знака описания человека.

После принятия христианства в X – XI веках на Руси вводятся греческие (христианские, канонические, крестильные) имена, которые не могли сразу вытеснить «прежние русские имена эпохи языческих верований, складывавшихся в течение ряда веков на основе родного и привычного языкового материала» [Чичагов 1959, 12]. В связи с этим у русских людей в обиходе оказываются как минимум два имени – крестильное и мирское. С течением времени крестильное имя ставится на первое место, некрестильное – на второе.

В XIV веке христианские имена начинают преобладать «в документах официального характера, имена дохристианские всё более оттесняются на второй план, хотя ещё долго будут служить русским людям в качестве «вторых» личных имён и ещё больше и шире – в качестве базы для образования многих русских фамилий» [Бондалетов 1983, 104].

Как отмечает Н.М. Тупиков, к XV веку двуимённость (использование крестильных и мирских имён) сохраняется лишь у низших слоёв – крестьян, причём некрестильное имя уже теряет своё назначение и начинает восприниматься как прозвище [см.: Тупиков 1903, 7].

Со временем (к XV – XVII векам) некрестильное имя переходит только в устную сферу употребления в речи. «Все русские имена (за исключением тех, которые попали в святцы) имели в XV – XVII веках значение прозвищ, а все греческие имена имели значение личных имён» [Чичагов 1959, 25-26]. В это время активно образуются отчества и фамилии на базе прежних прозвищных (мирских, неканонических) имён: появляются так называемые прозвищные отчества и прозвищные фамилии. Именно прозвищные отчества на начальном этапе формирования русских фамильных прозваний в XVII–XVIII вв. легли в основу современных фамилий. Провести четкую границу между прозвищными отчествами и первыми русскими фамильными прозваниями сложно» [Зинин 1994, 191]. Формальным показателем отчества могли выступать слова *сын, дочь, дети*, в их использовании не было строгого единообразия (Пётр Алексеев сын, Сёмка Григорьев сын Говорухина). «Появление фамильных прозваний в русском обществе нейтрализовало самостоятельные признаки у отчеств, постепенно отчества стали переходить в разряд уточняющих компонентов при именовании лица» [Зинин 1994, 192].

Как отмечает С.И. Зинин, в XVII – XVIII веках большое количество фамилий образуется от прозвищ:

- подчёркивающих какие-нибудь особенности внешнего вида, физические данные, чаще всего недостатки (это характерно и для современных прозвищ) – *Беззубов, Безносов*;
- указывающих на особенности характера, привычки, душевные свойства («возможно, что в этом случае прозвища присваивались в иронических целях и выражали не действительный признак, а его противоположность» [Зинин 1972, 207]) – *Баламутов, Безделин*.

Во второй группе фамильных прозваний лингвист выделил несколько подгрупп прозваний, образованных в результате метафорического переноса: от названий домашних животных (*Баранов, Быков*), от названий диких животных (*Барсуков, Белкин*), от названий птиц (*Воробьёв, Галкин*), от названий насекомых и рыб (*Комаров, Окунев*), от названий растений (*Арбузов, Горохов*),

от названий бытовых предметов (*Боронов, Квасов*), от названий одежды, обуви, материалов, из которых они сделаны (*Лыков, Шапкин*), от названий посуды (*Ковшов, Ступин*) и так далее [см.: Зинин 1972, 207-208].

Последующая трансформация прозвища происходит в связи с ещё большей локализацией использования и преобладанием в обиходе канонических имён. До XVIII века «в роли мирских имён могли выступать существительные, прилагательные, числительные и даже глагольные формы» [Зинин 1972, 115]. Так, в «Арзамасских поместных актах» (региональном памятнике деловой письменности конца XVI – начала XVII веков) функционируют разнообразные некалендарные имена в памятнике в разных позициях и сочетаниях [Мачалова 2001, 2003]. В связи с этим возникает вопрос о статусе двусложных именовании, например, *Олекей Лисица*: каноническое имя + мирское; *Жук Филиппев*: мирское имя + притяжательное прилагательное (от мирского имени или канонического); *Первушка Ситник*: мирское имя + мирское имя. Ономастический материал данного документа иллюстрирует переходную ступень между «личными мирскими именами» и «прозвищными именованиами» [Мачалова 2005, 183].

Далее происходят качественные изменения в прозвищных именах: они возникают уже не как дополнительное бытовое имя, а как знак, отличающий прозываемого от других в узком кругу людей – носителей одного диалекта.

К XVIII веку неканонические имена заканчивают своё существование в прежнем качестве, изменив свой статус на прозвища, которые стали бытовать только в устной речи, приобрели нынешнее значение дополнительного именованиа человека, данное по какой-либо характерной черте и содержащее эмоционально-экспрессивную окраску. Сменился также состав прозвищ и условия их употребления. В XVIII веке, по мнению В.К. Чичагова, прозвища стали даваться:

- по сходству человека с внешним видом предмета, название которого стало его прозвищем;
- по сходству характера человека со свойствами того или иного предмета;

- по особенностям речи;
- прозвища могут быть простыми определениями [см.: Чичагов 1959, 37-38].

В генезисе антропонимической системы наблюдается динамика: мирские, неканонические имена людей (личные имена) с дохристианского периода до XVIII века существовали как прозвищные, которые послужили материалом для образования отчеств, фамилий и собственно прозвищ. Прозвищные личные имена с прозвищами роднит то, что давались по факту или за какую-либо черту.

В настоящее время прозвища продолжают оставаться ярким идентификатором личности в определённом языковом коллективе – обладают корпоративностью. Первоначальная функция номинации в современных прозвищах дополняется другими функциями, характеризующими прозываемого (идентифицирующей, адресной, дейктической, социальной, эмоционально-экспрессивно-оценочной). Можно сказать, что современные прозвища изобразительно-выразительны: они подчёркивают индивидуальные характерные черты прозываемых, создают их образы посредством метафор, метонимий и ассоциаций, а также выражают социальную роль именуемых, отношение номинаторов к ним.

Как и мирское имя ранее, современное прозвище даётся человеку другими людьми в целях идентификации, выделения характерных черт, «профилактики» – соответствия нравственному показателю «норма-ненорма» в обществе. Иногда человек сам даёт себе прозвищную номинанту, которая закрепляется за ним при условии её принятия и одобрения языковым коллективом. Благодаря подобному явлению в речи стало возможным появление ников, используемых в социальных сетях. Соответственно, ники – порождение прозвищной номинации, новая ступень её развития.

Современное состояние прозвищ, их возникновение, функционирование и трансформацию в речи можно проследить в русских народных говорах. В «онтогенезе» современных прозвищ в говорах наблюдается повторяемость их

«филогенеза» – прозвищные номинаты, данные за определённые характерные черты, становятся базой для образования уличных фамилий.

Итак, развитие процесса именованя людей в языковой культуре можно представить в виде цепочки: мирские имена (ср.: у Зинина – прозвищные личные имена) → христианские канонические имена → борьба мирских и канонических имён, их совмещение в наименовании → формирование отчеств → прозвищное отчество на базе имени мирского → фамилии. В современных русских народных говорах наблюдается своеобразная обратная картина, основанная на экспрессии: фамилии, личные имена и отчества являются базой для образования прозвищ; знаменателен факт существования в связи с прозвищами уличных фамилий.

1.7. История изучения прозвищ

Прозвища являются ещё до конца не изученным пластом антропонимов, что связано с появлением исследований в данной области лишь в последнее десятилетие. Это обусловлено тем, что антропонимика – сравнительно молодая наука (раздел ономастики), оформившаяся во второй половине XX века.

Интерес к прозвищам активизировался в 50-70-е годы прошлого столетия, они рассматривались в тесной связи с другими видами антропонимов. По изучению истории возникновения и развития прозвищ, фамилий и отчеств одними из первых являются работы А.М. Селищева и В.К. Чичагова.

А.М. Селищев рассматривает историю появления русских прозвищ в тесной связи с фамилиями: лингвист выделяет несколько этапов формирования русских фамилий, на самом раннем из которых существовали «фамильно-словесные знаки», появившиеся из-за феодально-владельческой тенденции к определению принадлежности феодала к своему роду или территории его владений [см.: Селищев 2003, 387]. Позднее у служилых, торговых и промышленных людей, а также у некоторых крестьян, осевших на новых местах жительства, появляются именованя с суффиксами -ЫЦ (-ЕЦ), -ИН, -ЯК,

указывающие на территориальное происхождение лица. Такие микроантропонимы послужили базой для образования фамилий с суффиксами -ОВ, -ЕВ, -ИН: Казанец – Казанцев, Муромец – Муромцев, Пермь – Пермьков и т.п.

А.М. Селищев вскрывает неразрывную связь прозвища с фамилией, отчеством, именем, иллюстрирует его синкретичный характер, отражающий наличие таких единиц, как собственно «прозвище» и «прозвище-фамилия». Эти явления объясняются тем, что прозвища были типичными именованиями людей до XIX века, заменявшими фамилию или способствовавшими её образованию, скрывающими настоящий (церковный) персоним человека от сглаза, указывающими на отца, родовую линию. А.М. Селищев проводит классификацию личных имён и прозвищ, от которых были образованы затем фамилии, группируя их по значению основы и по суффиксальным элементам. Остановимся подробнее на первой классификации, где лингвист выделяет 19 групп мирских личных имён и прозвищ, отражающих причины появления:

1. обстоятельства появления нового члена семьи (*Найден, Ненаш*); выражение ожидания и неожиданности появления нового члена (*Жданка, Неждан*); чувство родителей (*Любим, Милюк*);
2. профилактика (*Бессон, Захвораи*);
3. семейные отношения, порядок и время рождения (*Первой, Одинец*);
4. внешний вид, физические недостатки (*Беззуб, Износок, Клык*);
5. свойства (*Баламут, Вертоголов*);
6. социальное и экономическое положение (*Боярин, Скоробогат*);
7. профессия, занятия, должность (*Гончар, Трубник*);
8. пришельцы, место происхождения (*Чужой, Москвитин*);
9. церковные отношения и элементы (*Аминь, Попадья*);
10. насмешливые клички (*Беспортошник, Олух*);
11. животные (*Баран, Свинья*);
12. птицы (*Воробей, Сова, Сокол*);
13. насекомые (*Блоха, Гадинка*);

14. рыбы (*Линь, Судак*);
15. растения (*Калина, Хрен, Качан*);
16. пища (*Блин, Говядина*);
17. имена и прозвища по разным предметам (*Алмаз, Кошель*);
18. татарские имена (*Ахмат, Касим*);
19. имя народа (*Казарин, Русин*) [см.: Селищев 2003, 399-406].

Как видим, группы именовании в данной классификации разнообразные, включающие в себя именовании животного и растительного мира, мира неживой природы, которые употреблялись как типичные имена или прозвища людей: «в старое время не стеснялись в отношении прозвищ никакими значениями слов» [там же, 406].

В советское время «много лиц, недовольных своими фамилиями и именами, заменяют их другими <...> заявляют протесты против фамильных названий, данных в прошлом, как насмешек, оскорбительных прозвищ» [Селищев 2003, 423]. «Чаще всего раздаются голоса протеста против фамилий, этимологическое значение которых неприятно для носителей их – неприятно в бытовом отношении» [там же, 424] (например, против фамилий, данных по имени животных – А.Г.).

В.К. Чичагов также освещает историю возникновения прозвищ. Аналогично мнению А.М. Селищева, лингвист признаёт долгий срок существования прозвищ, подмечая двойственность природы их происхождения: одни прозвища XV – XVI веков восходят к древнерусским именам, другие – появились сразу как прозвища. Автор, анализируя классификацию А.М. Селищева, приходит к выводу о её неполноте, поскольку:

- в ней смешиваются имена славянского и неславянского происхождения,
- «за имена собственные принимаются иногда слова, которые именами собственными не являются» [Чичагов 1959, 31];
- ставится под сомнение статус прозвищ, восходящих к названиям народов или происхождению человека.

В.К. Чичагов отмечает, что номинации по месту происхождения

возникают в XVI веке не как прозвища, а как «дополнительный знак описания того или иного человека, как указание на прямое место происхождения» [там же, 33], причём подобные имена, как и имена тематических групп «Профессия, занятие, должность» и «Социальное и экономическое положение», даются только взрослым людям.

Исследователь говорит о слабой изученности прозвищ на современном (для него) этапе развития диалектологии. В русских говорах середины XX века В.К. Чичагов частично вслед за А.М. Селищевым выделяет следующие семантические группы прозвищ, отражающие их мотивировочную базу:

1. обстоятельства появления нового члена семьи, выражение ожидания и неожиданности появления нового члена, чувство родителей, семейные отношения, порядок и время рождения (*Третуха, Меньшута*);

2. внешний вид:

а) фигура (*Буруз*),

б) цвет лица, тела (*Красноносый*);

3. свойства, черты характера (*Басалай – озорник*);

4. социальное и экономическое положение (*Гольши, Селянин*);

5. профессия, занятия, должность (*Бочкарь, Дугарь*);

6. пришельцы, место происхождения (*Новожил*);

7. животные (*Бизон, Бык, Быня*) [Чичагов 1959, 35-36].

Современные прозвища, по мнению В.К. Чичагова, даются человеку:

- по сходству с внешним видом предмета, название которого является прозвищем (*Ваня Челночек*);

- по сходству характера человека со свойствами того или иного предмета (*Макар-Горчица*);

- по особенностям речи (*Анка Хебя – так просила хлеба*);

- простые определения (*Петя Безносый*) [см.: Чичагов 1959, 37-38].

Итак, первые работы, посвящённые исследованию антропонимов, акцентированы на истории их возникновения и развития до современности.

С.И. Зинин, обращаясь к вопросу о происхождении русских фамилий, также указывает на прозвища как отправной пункт в образовании фамилий. В отличие от В.К. Чичагова, лингвист делает акцент на социальный характер русских фамилий, выделяя несколько периодов в их образовании, каждый из которых связан с прозваниями:

1. XIV – XVI века – образование княжеских и боярских фамилий, восходящих к родовым прозваниям;
2. XVI – XVII века – образование дворянских и купеческих фамильных прозваний [о формировании прозвищ в XVII веке см.: Фролов 1980, 76-80];
3. XVII – XVIII века – образование фамильных прозваний у городских мещан и зажиточных крестьян;
4. XVIII – XIX века – образование фамилий у русского духовенства;
5. XIX век – образование фамильных прозваний у крестьян, слуг, солдат.

С.И. Зинин отмечает, что данная периодизация является относительной, более характерной для центральной части Российского государства, так как образование фамильных прозваний в городах и сёлах, расположенных на окраинах, отставало от указанных сроков [см.: Зинин 1972, 158-165].

Социальный характер фамилий связан с социальным характером прозваний, которые имели богатую производящую базу. Как отмечал Е.П. Карнович, «едва ли в каком-нибудь европейском государстве родовые или фамильные прозвания представляют такое разнообразие и в отношении слов, от которых они произведены, и в отношении их окончаний, какое представляют они в русском государстве, вследствие разноплеменного его состава» [Карнович 1991, 3].

А.В. Суперанская полагает, что фамилии образовались только от прозвищ, только через стадию прозвищ: «фамилии, то есть семейные имена, являются непосредственными преемниками родовых имён» [Суперанская 1973, 178].

В последние десятилетия продолжают исследования прозвищ через призму различных аспектов языка и речи. Например, актуальным остаётся

вопрос о статусе прозвищ. Так, О.В. Махниборода отмечает, что прозвища занимают пограничный статус между именем собственным и нарицательным: благодаря экспрессивности и другим свойствам есть «большая качественная разнородность и зыбкость границ между отдельными группами этих единиц» [Махниборода 2010, 9]. Существующие группы прозвищной лексики обладают своей спецификой (функциональной, семантической и стилистической) и могут изучаться и описываться отдельно [см.: там же, 10].

М.Ю. Стрельцова расширяет границы прозвища по отношению к именуемым объектам и вводит термин «прозвищное именование». «Прозвищное именование – это более широкое понятие, чем собственно прозвище, включающее как имена собственные, так и имена нарицательные, как антропонимы, так и другие разряды имён собственных. Они обладают следующими категориальными признаками: факультативность, вторичность номинации, неофициальность, непринуждённость, повышенная экспрессивность, мотивированность» [Стрельцова 2010, 7]. С позиции объекта прозывания лингвист выделяет следующие виды прозвищных именовании:

1. антропонимические прозвищные именовании (индивидуальные и коллективные прозвищные именовании лиц), которые в зависимости от функционирования делятся на:

- а) традиционные деревенские и городские,
- б) школьные и студенческие,
- в) прозвищные именовании известных деятелей и знаменитостей,
- г) прозвищные именовании преступников,
- д) коллективные, представляющие собой шутливо-иронические

прозвищные именовании представителей разных народностей;

2. зоонимические прозвищные именовании;

3. топонимические прозвищные именовании, которые имеют подгруппы в соответствии с видом топонима;

4. прагматонимические – прозвищные именовании предметов материальной культуры:

- а) средств передвижения,
- б) предметов быта,
- в) предметов личной гигиены,
- г) блюд, напитков;

5. эвентонимические – прозвищные именованя событий (игр, телевизионных передач) [см.: Стрельцова 2010, 18-33].

На наш взгляд, расширение термина прозвища до прозвищного именованя, приведённая классификация прозвищных именованя не целесообразны: М.Ю. Стрельцова предпринимает попытку систематизации «прозвищных именованя», которые включают в себя названия существующих видов онимов. Получается, что перед нами классификация онимов по называемому объекту, предложенная А.В. Суперанской [см. выше, параграф 1.2], только ключевым здесь оказывается словосочетание «прозвищное именоване», загромождающее классификацию. Каждый из видов онимов возникает первоначально в речи благодаря называнию людьми в неофициальной среде (потом единица может перекочевать и в официальное именоване), при непринуждённом общении, локальном функционировании, обладает мотивированностью и повышенной экспрессивностью, то есть возникновение любого вида онима имеет сходство с появлением прозвища – происходит процесс называния (для прозвищ – прозывания), тесно связанный с мотивацией, ассоциацией и деривацией.

О.В. Фельде, проводя анализ прозвищ современных политических деятелей, трактует процесс «карнавализации» русского национального языка, что находит отражение в феномене языковой игры. Политические прозвища, по мнению лингвиста, – «яркое свидетельство народного мнения о современной шоу-культуре и шоу-политике, о людях, которые достигли вершин власти. В политических прозвищах отражён лик постсоветской России с присущей ей рассеянностью и спутанностью ценностей» [Фельде 2010, 27].

Х. Вальтер, В.М. Мокиенко выделяют несколько групп прозвищ и кличек:

- традиционные русские деревенские и городские прозвища (генетически предшествовали русским фамилиям);
- прозвища учителей, учеников, преподавателей и студентов, профессиональные клички и т.п. (как и первая группа, отличается анонимностью и окказиональностью объектов наименования);
- прозвища политических деятелей;
- коллективные прозвища (обобщённые обозначения лиц разных народностей, жителей отдельных местностей и представителей отдельных профессий) [см.: Вальтер, Мокиенко 2007, 8-19].

В последнее время продолжают появляться работы, посвящённые анализу детских и молодёжных прозвищ [Астахова 2012, Гейко 2008, Родина 2014 и другие].

Неоспоримым на сегодняшний день остаётся факт незавершённости ономастических исследований, модернизации терминологической базы этой области исследования и важности изучения единиц ономастического пространства в том числе как элемента диалектной картины мира.

Выводы по главе I

Имена существительные в русском языке с давних пор являются объектом пристального изучения. Особый интерес составляет оппозиция оним – апеллятив. Имена собственные и нарицательные обладают рядом дифференциальных признаков: семантических (остаётся открытым вопрос о наличии значения у онимов, о соотношении «слово – понятие» в них), парадигматических, синтагматических, ассоциативно-деривационных, функциональных и внешних графических.

Граница между именами собственными и нарицательными непостоянна и подвижна: имена нарицательные легко становятся собственными наименованиями, прозвищами и кличками. Имена собственные часто

используются для обобщенного обозначения однородных предметов и становятся при этом нарицательными.

Проприальная лексика далеко не однородна по своему составу: существуют разные параметры, по которым можно рассматривать и классифицировать имена собственные. Для обозначения всего многообразия онимов в языке введено понятие «онимическое пространство», которое в соответствии с именуемыми объектами делится на секторы (топонимическое пространство – топонимия, антропонимическое пространство – антропонимия, мифонимическое пространство – мифонимия, зоонимическое пространство – зоонимия и т.д.), зоны, обладающие полевой организацией, включающие в себя ядерные и периферийные составляющие. Определить чёткую границу онимического пространства непросто: некоторые разряды имён по различным признакам сходны с проприальной лексикой, но часто выводятся за её пределы.

Изучением имён собственных в языке занимается ономастика, которая прошла три этапа развития, а в последние два десятилетия сохранила тенденцию к комплексному исследованию онимов. До сих пор остаются актуальными работы по ономастической терминологии.

В 60-70-е годы XX века происходит активизация антропонимических исследований: расширяется их проблематика, уточняются принципы и методы работы. Но несмотря на вековое развитие интереса к антропонимам, их изучение остаётся актуальным, проблематика антропонимических исследований не исчерпана.

Современное именование русского человека представлено официальной (трёхкомпонентной – фамилия, личное имя, отчество) и неофициальной структурами, становление которых является долгим историческим процессом. Ещё до принятия христианства существовали «прозвищные личные имена» (С.И. Зинин), после Крещения Руси мирские (прозвищные) личные имена стали использоваться наряду с каноническими. Затем к ним прибавляются отчества (патронимические формы именованного лица), которые до XVII века могли образовываться как от мирских (прозвищные отчества), так и от христианских

(собственно отчества) имён. Расщепление антропонимической системы на два типа структур связано с появлением фамилий и происходит к XV веку. Официальная структура именования окончательно складывается к XVII веку, а в XIX веке проникает в среду рабочих и крестьян, женщины же трёхчленную структуру именования получают после 1917 года. В настоящее время под влиянием западной традиции трёхчленная формула именования в современном мире, особенно в средствах массовой информации преобразуется, всё чаще заменяясь двучленной (личное имя + фамилия), а то и одночленной (личное имя в полной и даже усеченной форме) безотносительно к возрасту именуемого.

Неофициальная структура именования русского человека является более развитой и подвижной по причине свободного, не фиксированного на письме функционирования в устной речи. Появляются новые компоненты неофициальной структуры именования, например, ники, связанные с прозвищной номинацией.

Прозвищная номинация как компонент территориальных диалектов живо реагирует на общественные изменения. Прозвища возникают и функционируют в узкой среде – в пределах одного языкового коллектива, в частности одного говора, являясь показателем отношений между его членами; это активно используемый в речи языковой знак прозываемого, его «визитная карточка», отличающая от других, выделяющая человека из общей массы и в то же время указывающая на принадлежность к конкретному языковому коллективу. Прозвища являются вторичными единицами даже на фоне других онимов.

Интерес к прозвищам активизировался в 50-70-е годы прошлого столетия, они рассматривались в тесной связи с другими видами антропонимов. По изучению истории возникновения и развития прозвищ, фамилий и отчеств одними из первых являются работы А.М. Селищева и В.К. Чичагова. В последние десятилетия продолжаются исследования прозвищ через призму разных аспектов языка и речи. Актуальным остаётся и вопрос о статусе прозвищ.

Современное толкование термина «прозвище» является общепринятым, общеупотребительным. Однако с момента своего возникновения термин претерпел содержательное, денотативное изменение. В русской антропонимической системе наблюдается динамика: мирские, неканонические имена людей до XVIII века существовали как прозвищные, которые послужили материалом для образования отчеств, фамилий и собственно прозвищ. В современных русских народных говорах наблюдается своеобразный обратный процесс, реэтимологизация: фамилии, личные имена и отчества являются базой для образования прозвищ; знаменателен факт существования в связи с прозвищами уличных фамилий.

ГЛАВА II. ПРОЗВИЩА В СОВРЕМЕННЫХ АРЗАМАССКИХ ГОВОРАХ: АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ

2.1. Прозвища в арзамасских говорах: ономаσιологический аспект

2.1.1. Предварение. Микроантропонимический комплекс как единица

Арзамасские говоры – это говоры административно-территориальной единицы – Арзамасского района, расположенного в сельскохозяйственной зоне юга Нижегородской области, в Правобережье её, в бассейне р. Оки. Арзамасский район занимает площадь в 2 017 кв.км, включает в себя 13 административных единиц (в том числе 12 сельских администраций и 1 поселковую) [Арзамасский район]. Стоит обратить внимание, что в 50-х годах XX века как самостоятельный субъект существовала Арзамасская область, включающая в себя 27 административно-территориальных единиц с общей площадью – 30 000 кв.км., населением около 826 000 человек (по данным на 1996 год): вокруг Арзамаса были сгруппированы г. Саров и 25 районов: Ардатовский, Арзамасский, Большеболдинский, Большемурашкинский, Бутурлинский, Вадский, Вознесенский, Выксунский, Гагинский, Дальнеконстантиновский, Дивеевский, Княгининский, Краснооктябрьский, Кулебакский, Лукояновский, Навашинский, Первомайский, Перевозский, Пильнинский, Починковский, Сергачский, Сеченовский, Сосновский, Спасский, Шатковский [см.: Кузнецов, Титков 2002, 7-8].

По административно-территориальному делению Нижегородской области 1992 г. в Арзамасском районе насчитывалось 20 сельсоветов (Абрамовский, Балахонихинский, Бебяевский, Берёзовский, Большетумановский, Водоватовский, Волчихинский, Коваксинский, Красносельский, Ленинский, Ломовский, Морозовский, Мотовиловский, Новоусадский, Пустынский, Саблуковский, Селемский, Слизневский, Чернухинский, Шатовский) и рабочий посёлок Выездное [Нижегородская область 1993, 13-16]. В настоящее время на

территории расположено 103 населённых пункта (из них 58 сёл, 30 деревень, 10 посёлков) [Арзамасский район] (см. Приложение 1). Численность населения на 1 января 2013 года составляет 42 852 человека [Численность 2013, табл. 33].

Арзамасские говоры входят в состав Нижегородских говоров – говоров Окско-Волжско-Сурского междуречья, представляя собой систему, состоящую из отдельных микросистем – говоров отдельных населённых пунктов (см. Приложение 3).

Микроантропонимическое пространство [ср.: микротопонимическое пространство: Климкова 2008, 304-312], обслуживающее «небольшой говорящий коллектив на вполне определённой, конкретной территории в условиях непосредственной устной коммуникации при отсутствии письменной закреплённости» [там же, 304], в арзамасских говорах составляют совокупность и система микроантропонимических комплексов. В данной работе прозвища даны в составе микроантропонимических комплексов, которые представляют единицу организации прозвищ в составе микроантропонимического сектора (пространства).

Микроантропонимический комплекс включает в себя сам микроантропоним; обозначение его вида (прозвище); грамматические и коннотативные показатели; дефиницию в виде официального онима или апеллятива, представляющих лицо, к которому относится прозвище; дискурсную часть (тексты к прозвищу и/или с прозвищем, вскрывающие маршрут номинации, путь рождения слова и его жизнь в микросистеме, мотивацию или отсутствие таковой, коннотативность), адрес микросистемы через ойконим [ср.: микротопонимический комплекс: там же, 304-312]. Дефинитивная часть микроантропонимного комплекса при видовом обозначении *прозвище* в картотеке прозвищ в арзамасских говорах представлена по-разному:

- только фамилия прозываемого: **Мышóнок** – прозвище Петрова [*у-м'ен'á брат был/ у-н'евó мáлы глазá бы́л'и и дл'и́нный нос/ вот за-э́ть и ста́л'и зват' мышóн'к//*] (с. Водоватово), **Ю́ся** – прозвище Юшкова [*йóму*

фам'ілій-ть йушкóф/ вот роб'ать нь-фам'іліи прóзв'єлі//] (с. Криуша);

- фамилия + имя прозываемого: **Афóня** – прозвище Аникина Владимира [*п'чóму-ть вот афóн'ьй зовут/ н'є-знáй п'чóму//*] (с. Абрамово);

- фамилия + имя прозываемого: **Ушáстик** – прозвище Вашанина Александра [*у-сáн'и вашáн'инь ушы бóл'нь дл'інны/ йевó и зовут ушáс'т'ик/ а он уб'ижáц'ць//*] (с. Водоватово);

- фамилия + имя + отчество прозываемого: **Áли** – прозвище Обрезкиной Клавдии Павловны [*онá с'о вр'єм'и áл'и г'євор'ит/ áл'и мóжа к-н'ей сход'ит'/ áл'и так// ч'овó н'и-нач'нóт г'євор'ит'/ с'о вр'єм'и с-áл'и н'ьч'инáт//*] (с. Веригино); **Цар'ица** – прозвище Глебовой Валентины Михайловны [*а как вáл'у-ть ул'єб'єву прозвáл'и// цар'иц'ь/ г'євор'ат/ как цар'иц'ь ид'от// тóк'ь эт'ь м'єжду нáм'и/ ты уш н'икóму н'и-г'євор'и//*] (с. Замятино);

- фамилия + инициалы прозываемого: **Блохá** – прозвище Блохина Н.А. [*от-фам'іліи пошлó/ н'є-л'уб'ь йему//*] (с. Каменка); **Шкаф** – прозвище Блохина Л.А. [*шкаф/ ругáт'ьл'нь прóзв'иш'ш'ь/ похóш нав'єр'нь на-шкáф/ н'є-знáйу//*] (д. Пиявочное);

- обозначение лица только по полу, возрасту: **Аб'ыс** – прозвище мужчины [*данó за-груб'ый/ фсп'ыл'ч'ив'ьй харáкт'ьр*] (с. Мотовилово); **Ал'и-Бабá** – прозвище мальчика [*озорн'ик был/ он и'г'ьр'/ а звáл'и ал'и-бáбá*] (с. Чернуха); **Вагóн** – прозвище девушки [*онá уш бóл'нь здорóв'ь/ вот и'јó и зовут вагóн//*] (д. Лидовка); **Шлагбáум** – прозвище мальчика [*он тóнк'ий да дл'інный/ как шлагбáум//*] (с. Мерлино).

Стоит отметить, что иногда в дефинитивной части указывается год рождения прозываемого при фамилии, имени, отчестве или фамилии и инициалах, например: **Жукáлка** – прозвище Крюковой Н.С., 1920 г.р. [*онá в-д'єфк'ьх крас'єв'ь была/ вóльсы-ть чóрны б'ыл'и/ вот и прóзв'єлі так// н'єт/ н'ь-об'ижáц'ць//*] (с. Чернуха); **Удвáк** – прозвище Мартьянова Алексея

Ивановича, 1961 г.р. [*лѹбѹл он сѹмолѹты/ а осѹбѹ у-двѹ// звѹлѹ в-глазѹ//*] (с. Кичанзино).

Наиболее представлены микроантропонимные комплексы с дефинитивной частью «обозначение лица только по полу, возрасту», что связано с недоработкой собирателей полевого материала, который представлен в картотеке, а также, вероятно, с нежеланием носителей говора посвящать посторонних людей (собирателей) во все подробности прозвищной номинации данного языкового коллектива, чтобы информация не вышла за его пределы, не утратила локальности использования.

Прозвища обладают корпоративностью: ограниченной сферой употребления в пределах одного языкового коллектива, неофициальностью, малой степенью известности и узким диапазоном функционирования. Корпоративность прозвищ обусловлена также их значением. Значение прозвища складывается из нескольких компонентов: номинативного (денотативного, денотат как референт), мотивационного, деривационного, ассоциативного и коннотативного. В семантике прозвищ наблюдается связь с понятием о реалии, которая дала номинанту, единичность – названия, выражения, проявления качеств.

Прозвища (микроантропонимы, прозвищные номинанты) в арзамасских говорах далеко не однородны по своему составу: различаются принципами, способами и типами номинации, наличием/отсутствием мотивированности, при наличии – её степенью, деривацией.

2.1.2. Принципы, способы и типы прозвищной номинации

а) Общая информация

Человек живёт в окружающем его мире в постоянном взаимодействии, создавая культуру, определяя своё место и предназначение, отношение к действительности. Человек является создателем языковой картины мира, творцом имён всему существующему, номинатором. Действительность, «сама

ситуация, её составляющие и её результат, проходя через сознание человека, через осознание им, выражается в языке» [Климкова 2007, 83]. Отражённая действительность номинируется, приобретает план языкового выражения.

«Номинация (от лат. *nominatio* – (на)именование) – 1) образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу. 2) совокупность проблем, охватывающих изучение динамического аспекта актов наименования в форме предложения и образующих его частей, рассматриваемых в теории референции; противопоставляется семантике; 3) суммарное обозначение лингвистических проблем, связанных с именованием, а также словообразованием, полисемией, фразеологией, рассматриваемыми в номинативном аспекте» [БЭС 1998, 336]. Учитывая многозначность термина, определение его и как процесса и как результата, стоит отметить, что в данной работе для обозначения процесса именованья используется термин «номинация», а для называния результата процесса именованья – термин «номинанта».

Онимическая номинация (в том числе и антропонимическая) является «языковой, речевой, элементной (обозначает объект как элемент действительности) и в то же время имеет отношение к событийной (ситуационной)» [Климкова 2007, 99]. Прозвищная номинация – процесс называния прозвищем, важный компонент онимического пространства, языковой (диалектной) картины мира, содержащий сведения о быте, культуре, взаимоотношениях жителей сельской местности – носителей говора.

На микроантропонимную номинацию влияют языковые и внеязыковые факторы: прозвища по-разному представляют именуемые лица, отображают их признаки, характерные черты, род деятельности, родство с кем-либо, пропущенные через субъективное восприятие носителями говора [ср.: об

экстралингвистических факторах номинации микропонимов: Климкова 2007, 85-90]. Всё это находит отражение в принципах, способах и типах номинации.

Под принципом номинации понимается «путь, направление создания наименований, общее исходное основание, обобщенное правило номинации как процесса отражения связи названия и денотата» [Климкова 1985, 43]; это общий характер представленности материала, способ представления общей информации о лице как объекте номинации [ср.: Голев 1972, 94-99]. Способ номинации – это «непосредственное языковое воплощение связи названия и денотата» [Климкова 1985, 43]. Тип номинации – представление конкретного лица по конкретным признакам.

С точки зрения принципов, микроантропонимическая номинация является элементной, обозначающей прозываемого как элемент действительности; языковой (речевой); событийной, возникающей в определённой ситуации; самостоятельной; непосредственной, оформляющейся знаменательным словом-именем (номинация осуществляется словами или эквивалентами слов); квалификативной (отражающей собственные признаки объекта), например: **Авдóтъя** – прозвище Колосова Якова Петровича [*он с'о кто н'и-јéд'ит/ кто н'и-ид'óт/ фс'ех крыч'ит/ авдóт'йъ// одна ногá у-н'евó д'р'ев'áннь/ а чудáк с'о авдóт'йъ и авдóт'йъ// и йавó так пръзывáйт//*] (с. Новый Усад); релятивной (фиксирующей связи с другими объектами), например: **Жандáриха** – прозвище женщины [*жону' жандáрмъ звáли жандáр'ихъй// кон'ешнь об'юднь//*] (с. Красное); или совмещённой (смешанной), например: **Ню́рка Муж'ик** – прозвище Киселёвой Анны Ивановны, 1933 г.р. [*уш бóлнь она нь-мужыкá похóжъ// од'ивáццъ как мужы'к/ кúр'ит да н'јóт// в-глазá йејó так нь-зову'т/ об'юд'ццъ//*] (д. Пологовка) [ср.: микроантропонимическая номинация: Климкова 2007, 100-102]; образной, отражающей конкретно-чувственные представления прозываемого о прозываемом:

- метафорической, основанной на сходстве объектов (прозываемого и реалии, породившей прозвище), например: **Пет'ух** – прозвище мужчины

[фс'егда п'яный д'ер'оцъ/ как п'етуx// йему фс'о равно// он фс'егда п'яный//] (с. Рож. Майдан); **Пятáк** – прозвище юноши *[р'ожъ кру́гль/ да бл'ест'и́т/ вот и п'атáк//]* (с. Чернуха);

- метонимической, основанной на смежности объектов, например: **Глаз** – прозвище Авдони́на А.А. *[как нап'яоцъ/ так глас у-н'ево́ морга́т/ п'тому́ и глас//]* (с. Успенское) – человек, у которого моргает глаз → Глаз (прозвище); **Сопли́вый** – прозвище Кукряхина Леони́да Фёдоровича *[соплáми швы́ркът фс'егда/ и з'имой и л'етъм-ти/ и сам в'ес' ф-соплáх//]* (с. Мотовилово) – человек с соплями → сопливый нос у человека → человек сопливый → Сопливый (прозвище); **Ус** – прозвище мужчины *[он фс'егда нос'ил усы//]* (с. Н. Усад) – человек с усами (который носит усы) → Ус (прозвище).

- ассоциативной, основанной на ассоциативных связях номинанты прозываемого и реалии, породившей прозвище, например: **Дизель** – прозвище Симакова *[в-тръктора́х он бо́льнъ р'зб'ира́цъ/ ф-шко́ль уро́ки по-ни́м в'ед'от//]* (с. Абрамово); **Ржа́вый** – прозвище Ростунова Евге́ния Александровича, 1950 г.р. *[жэ́нкъ-тъ ры́жий/ ры́жих-тъ нав'ёрнь фс'ех у-нас ржа́вым'и зову́т// так об'ижа́лс'ъ он//]* (с. Чернуха).

Прозвищная номинация является образной [об образной номинации в антропонимии см.: Рут 2008, 69-80], отражающей конкретно-чувственные представления прозывающего о прозываемом. В основу прозывания положена какая-либо яркая отличительная черта человека, выделяющая его среди других носителей говора, создающая его определённый образ. Особую роль в прозвищной номинации играет ассоциативность. Прозвища ассоциативны и обладают широким спектром выражаемых чувств. [Об ассоциативном способе образования и употребления языковых единиц в художественном тексте см.: Климкова 1991, 45-54]. Ассоциациям принадлежит огромная роль в отражении объективного мира. Ассоциация как психический феномен представляет собой обусловленную «предшествующим опытом связь представлений, благодаря которой одно представление, появившись в сознании, вызывает по сходству,

смежности или противоположности другое» [Словарь иностранных слов в русском языке 1997, 73]. Как правило, прозывание на основе возникающих ассоциаций связано с подчёркиванием какой-либо характерной черты человека – отрицательной (чаще) или положительной (реже), – выбивающейся из общепринятых норм. Соответственно прозвище является показателем характерной особенности человека, его визитной карточкой, ярлыком, выделяющим его среди остальных жителей населённого пункта, например: **Учёлка** – прозвище Саляевой Зинаиды Александровны [*пъуч'ат фс'у жыс'/ вот л'уд'и и празв'ал'и/ уч'ёлк'ъ/ а ей и б'ол'нь х'раш'о'/ аткл'ика'ц'ъ ан'а фс'о вр'ем'ъ//*] (с. Новый Усад); **Филин** – прозвище Балагурова Ивана [*о'н-шишь в-д'ец'тв'ъ п'ь-ноц'ам з'ов'ал'/ а д'н'ом спал'/ как ф'ил'ин//*] (с. Абрамово).

С принципами номинации тесно связаны способы номинации. В микроантропонимии способ номинации бывает неразвёрнутым и развёрнутым. При неразвёрнутом способе номинация осуществляется одним словом, например: **Кочубей** – прозвище мужчины [*а хто йово' знат'/ коч'уб'ей пр'ост'ъ//*] (с. Лидовка), **Л'апа** – прозвище женщины [*у-н'ей пох'отк'ъ ин'т'ер'есн'ъ/ вот и л'ап'ъ зов'ут//*] (с. Лидовка), **Мазок** – прозвище Молодкина Вениамина [*тр'ьхтор'ист он'/ с'о вр'ем'ъ с-тр'ьхтор'ам'и в'оз'и'ц'ъ// од'ож'ь фс'а б'ол'нь с'ал'нь//*] (с. Абрамово) и многие другие. Номинация одним словом является яркой, метафоричной и ассоциативно наполненной. Данный факт обуславливается и тем, что разговорная речь стремится к экономии языковых средств. Как отмечает В.Д. Девкин, «для достижения максимального эффекта сообщения при минимальной затрате сил происходит не только сокращение кода, то есть экономия количественного характера, но и экономия качественного порядка» [Девкин 1979, 249]. Развёрнутый способ номинации также используется для сокращения больших и сложных предложений до более малых, но информативных и понятных выражений (словосочетаний или фраз): «разговорная речь идет в ряде случаев на удлинение речевой цепи, на предпочтение многословия, если этим

заменяется более сложная мыслительная деятельность по обобщению и абстрагизации» [Девкин 1979, 249]. Таким образом, оба способа номинации находятся в русле одной тенденции, отличаясь количественной вербальной реализацией.

При развёрнутом способе прозвищная номинация осуществляется составным наименованием, тождественным по форме словосочетанию или фразе, например: **Лесная кукушка** – прозвище женщины [*она́ до́лгъ вре́мъ в-лѣсу жыво́т//*] (д. Бебяево), **Велосипед с моторчиком** – прозвище девочки [*бѣгѣт вѣчнѣ/ так и прозвѣли/ вѣлѣсипѣт с-моторчикѣм//*] (с. Чернуха), **Косой Заяц** – прозвище мужчины [*глаза́ у-нѣво́ косыйѣ/ как у-за́йць//*] (с. Семёново), **Дай огня, не кури́л четы́ре дня** – прозвище мужчины [*данó за-то́/ што когда́ про́сит кури́т/ гѣворѣт э́ти слова́//*] (с. Мотовилово), **Иди́ нога́, швыря́й песо́к** – прозвище Козунова Михаила Юрьевича [*у-нѣво́ нога́ при́цапывѣт/ как фѣо равно́ швыря́т цово́// длѣ-нѣво́ обѣднѣ//*] (с. Ковакса) и другие.

Способ номинации обуславливает структурно-грамматическую оформленность прозвищ, исходя из которой можно провести классификацию прозвищ на простые и составные [см. параграф 2.1.4]. Способ номинации связан с принципами и типами номинации.

Внутри неразвёрнутого и развёрнутого способов номинации действуют типы номинации, которые различаются характером представления конкретного лица по конкретным признакам, способствующим идентификации прозываемого. Так, относительно квалификативного принципа номинации выделяются типы:

- по внешнему виду, например: **Крѣндель** – прозвище мужчины [*идѣт/ а но́ги-тъ у-нѣво́/ как крѣндѣл'/ кру́гли//*] (д. Берёзовка); **Са́ло** – прозвище мальчика [*жы́рный он/ вот и прозвѣли са́ль//*] (с. Чернуха); **Хомя́к** – прозвище девочки [*шѣшѣкѣ ну́хлы у-нѣѣо́/ вот и хомѣ́к//*] (с. Ковакса);
- по чертам характера, манере поведения: **Ю́ра Ба́ба** – прозвище мужчины [*он бѣсхарáктърнѣй//*] (с. Пешелань); **Юхля́й** – прозвище Головкина

Николая Николаевича, 1931 г.р. [*хужы бабы мужык// йухла́й и жес' йухла́й/ и начáлству угаждáт/ и мужыкáм/ да н'и-пр'ич'ом астајо́ццъ// н'и-л'уб'ят йив'о/ а на-пр'озв'иш'ишь н'и-аб'ижáццъ//*] (с. Хватовка); **Сач'ок** – прозвище Рушина Александра [*сáшкъ фс'у жыс' сач'куит/ н'и-л'уб'ит раб'от'ът/ вот йив'о сач'к'ом и зав'ом/ а йиму' н'и-нр'áв'иццъ//*] (с. Новый Усад); **Хвост** – прозвище Бантурова Григория Дмитриевича [*л'ут'ой/ как хвост в'езд'е́ йули́ццъ// сам г'вор'ит/ ја хвост/ хвост*] (д. Пологовка);

- по речевой характеристике: **Лалá** – прозвище мужчины [*он фс'егдá мн'огъ г'вор'ил и б'столк'овъ//*] (с. Селёма); **Тыщик** – прозвище Хабузова Алексея [*когда́ ф-фудб'ол игрáл/ по-мáч'ику удар'áл и г'вор'ил/ тыш'и// н'ет/ н'ь-об'идн'ь эт'ь йому'//*] (с. Селякино).

Релятивный принцип номинации представлен типами:

- по роду деятельности, профессии прозываемого: **Ф'ермер** – прозвище Бородича Владимира [*так он сáмый н'ерв'ый ут-колх'озъ утсыид'ин'илс'ь/ н'ерв'ый ф'ерм'ър у-нáс//*] (с. Абрамово);

- по социальному статусу, роли: **Солдáт** – прозвище мужчины [*пр'иш'ол из-áрм'ии/ так и звáли солдáт/ солдáт// так фс'у жыс' солдáт'ъм и остáлс'ь//*] (с. Бестужево);

- по месту проживания: **Банная** – прозвище Мигуновой Катерины [*кáт'ь бáнн'ь былá/ м'игун'овъ// д'омъ у-н'ей н'е-был'ь/ в-бáн'ь жылá// н'е-ч'о об'идн'ьв'ь-т'ь//*] (с. Красное); **Угловáя** – прозвище женщины [*онá жив'от н'ь-н'вор'от'ь//*] (с. Мотовилово);

- по фамилии: **Козли́ха** – прозвище женщины [*н'ь-фам'ил'ии козл'овъ//*] (с. Пешелань); **Римля́н** – прозвище Грекова Александра [*фам'ил'ий'ь у-н'ов'о гр'ек'ф/ а зов'ом р'имл'ьн'ъм//*] (с. Волчиха); **Утя** – прозвище Сутягиной [*фам'ил'ий'ь жей сут'áг'ин'ь/ вот и прозвáли ут'ь//*] (с. Ковакса) – содержит фонетическую ассоциацию;

- по персониму (неразвёрнутый способ номинации): **Дука** – прозвище Рулёвой Евдокии [*хот' дунъ она/ а скол' йејо помнѹ/ фсѡ врѣмъ дукъ*] (с. Абрамово); **Любочкин** – прозвище Горшкова Н.В. [*лѹбъчкѣным клѣчѹт за-тѡ/ што от-жэны с-лѹбъчкѣй гул'ал// он внѣманѣй нѣ-обрашѣат//*] (с. В. Враг); **Фрѡська** – прозвище девочки [*у-нас дѡфчѡнкѣ јес// у-нѣјо ѹмъ окс'анъ/ а мы йејо фрѡскѣй зѡѡм// почѣмѹ ꙗ плох' она//*] (д. Успенское);

Совмещѣнный принцип номинации, где большую роль играют не только связи с другими объектами, но и ассоциации по собственным характерным признакам прозываемых, реализуется в типах:

- по персониму (развёрнутый способ номинации): **В'аля Бибѣка** – прозвище Романовой Валентины Васильевны [*дѣф'кѣ надрѹшкѣ празв'али йејо// ана/ гат/ нѣснѹ нѣль/ такѹ бѣбѣ да бѣбѣ// в-глаз'а нѣ-завѹт/ абѣж'ацѣ//*] (с. Хватовка); **Дѹня Голуб'ая** – прозвище Самсоновой Евдокии [*вѣино нѣла она зр'а/ прѣ-гълубѹѹ шал' сѡ-нѣль//*] (д. Мерлино); **Лѣнька Балѡн** – прозвище мужчины [*он пѡлный/ лѹбит посп'ат//*] (с. Семѣново);

- по прецедентному имени: **Клѣпа** – прозвище Ермохина Владимира [*вот была р'анѣшъ нѣрѣд'ацѣ абѣвѣг'эдѣѣкѣ/ там тѡжѣ была клѡпѣ/ а наѣшѣт похѡш нѣ-нѡвѡ//*] (с. Ковакса); **Магад'ан** – прозвище мальчика [*д'адѣ у-нѣвѡ из-мѣгад'анъ прѣйеж'ж'ал/ вот и прозв'али мѣгад'анѣм//*] (с. Чернуха);

- по этнической характеристике: **Хохлѹшка** – прозвище женщины [*она цѹж'айѣ/ нѣ-наѣшѣ/ вот и ст'алѣ зват' хохлѹшкѣй//*] (с. Никольское); **Кит'аец** – прозвище Селѣдкина Алексея [*у-нѣвѡ глаз'а ѹск'ийѣ/ как ѹ-кѣт'айцѣ//*] (с. Абрамово); **Чув'ашка** – прозвище Болотовой Надежды Степановны [*так она нѣ-прѣисхождѣнѣѹ чув'ашкѣ/ абѣж'ацѣ она/ плох'айѣ эт нацѣѣѣ-тѣ//*] (с. Котиха).

Наиболее продуктивными являются типы номинации по внешнему виду, по характеру или поведению и по речевой характеристике лица, так как именно

они являются ярким показателем, выделителем прозываемого, его визитной карточкой, подчёркивающей индивидуальный признак. Данные типы являются также исторически сложившимися в ходе становления русской антропонимической системы [см. главу 1, параграфы 1.6. – 1.7.], а также они хорошо описаны в ономастической литературе на примере отдельных говоров [см., например: Бахвалова 1993, 2001; Волкова 2003; Воронцова 2002; Денисова 2007; Калущков 2007; Неврова 2007; Стрельцова 2010]. Типы номинации по роду деятельности, профессии, по социальному статусу или роли и по месту жительства менее продуктивны в арзамасских говорах, потому что названные параметры являются второстепенным определителем прозываемого, слабо указывающим на внешнюю или внутреннюю характеристику (соответственно релятивный принцип номинации также менее продуктивен).

Деление по названным принципам и типам номинации осуществляется не только по формальной стороне прозвища, но и по содержательной (внутренней наполненности), так как есть прозвища, которые по форме соответствуют одному принципу или типу, а мотивированность вскрывает совсем другой, например: **Колюся** – прозвище мужчины [*колюсо нь-выговаривъл/ кода малънкий был// фсе йиво так тунёр' зовут// ласкъвъ прозвѣишъ/ нь-обижацъ//*] (с. Беговатово) – формально соответствует деминутиву, но реализуется тип номинации по речевой характеристике; либо наблюдается совмещение в себе (синкретизм) нескольких принципов и типов, например: **Костыль** – прозвище Трошина Ивана Кузмича, 1939 г.р. [*длинный он/ как костыл'/ так и зовут// не-нравѣицъ йому/ как зовут/ убижацъ//*] (с. Ковакса) – микроантропоним обладает совмещённым принципом номинации: отражающим собственный признак именуемого – «длинный», высокого роста (квалификативный); релятивным – фиксирует связи с предметом (костыль). В данном прозвище реализуются способы номинации – метафорический (сравнение прозываемого с костылём содержится в словах информанта), ассоциативный (акцентирование внимание на высоком росте, что вызывает ассоциацию с костылём); отражён тип номинации по внешнему виду.

Совмещение типов номинации, например: **Волк** – прозвище мужчины [*звѣли волкъм/ разговор у-н'евó был такóй грубый/ да гóльву он пѣдн'имáл/ да глазá ф'с'егда вытарáш'и'ивъл//*] (с. Шатовка) – по речевой характеристике и по внешнему виду; **Сорóка** – прозвище Сорокиной Марии [*търатор'ит она́/ как сорóкъ/ да и самá сорóк'инъ//*] (д. Мерлино) – по речевой характеристике и по фамилии. Подобное соединение принципов, способов и типов в одной прозвищной номинанте не редкость в арзамасских говорах, поэтому чёткую границу между названными принципами, способами и типами иногда провести нельзя.

Особый интерес представляют типы номинации по фамилии, персониму, прецедентному имени или этнониму: они возникают от официальных именовании или слов антропонимического притяжения. Основой номинации в них является внешняя или внутренняя характеристика прозываемого, вызывающая определённые ассоциации с прозываемым, то есть наблюдается переключки с типами номинации по внешнему виду, по характеру, поведению и по речевой характеристике и даже их совмещение. Именно поэтому мы на них подробно останавливаемся.

б) Прозвищная номинация по фамилии

Фамилии и прозвища имеют сходные черты возникновения: «почти все фамилии [как и прозвища – А.Г.] не выбирались носителями, а даны им со стороны. И, конечно же, никто не может отвечать за фамилию, полученную когда-то его предком» [Ганжина 2001, 4]. В арзамасских гворах одним из компонентов структуры именовании человека являются отфамильные прозвища. Большая часть отфамильных прозвищ в них представляет собой одно слово: **Абра́м, Афóня, Голова́стик, Кара́сик, Матрós, Рóмка** и т.д. – неразвёрнутый способ номинации. При развёрнутом способе номинация осуществляется составной единицей, тождественной по форме словосочетанию, например, **Бра́тец Лис, Кули́к болóтный, Решето́ худóе** и др.

Отфамильный фрагмент может быть равен апеллятиву, при этом частотны обидные ассоциации, исходящие от коннотативности соответствующего апеллятива. Например: **Барáн** – прозвище Баранова [*фам'ілійъ йему́ барáньф/ а прозв'а́ли барáньм*] (с. Чернуха) – ассоциация с пренебрежительным просторечным словом «баран» (ср., например: баран – *разг., пренебр.* «тот, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем или чем-нибудь» [Ожегов, Шведова 2010]; «нехристианское личное имя *Баран* было очень распространено на Руси, как и многие другие имена по названиям животных» [Ганжина 2001, 51]), **Говору́шка** – прозвище Говорухиной Екатерины Сергеевны [*јей фам'ілійъ гъворух'инь/ вот и зовут гъворушкь/ зъ-глаза́ так//*] (с. Бебяево) – ассоциация с разговорчивым, болтливым человеком, причём информант отмечает заочное, «заглазное» употребление прозвища.

Иногда происходит намеренная ассоциативная трансформация фамильной основы: **Гусáр** – прозвище Гуськова Виктора [*он гус'кóф/ а роб'аты гусáрьм зовут//*] (с. Абрамово), **Гусь, Гусáк** – Гусев [*нь-фам'іліи йевó так прозв'а́ли/ снач'аль гус'/ а потóm гусáк// фам'ілійъ йевó гус'ьф//*] (с. Ветошкино), причём в данном примере информатор называет словообразовательную цепочку прозвища; **Жеребѐц** – прозвище Жеребятъева Тимофея [*фам'ілійъ жър'еб'ат'йьф/ а нь'см'ешн'ейъ да нькарóчъ лучшь жър'еб'ец// здърав'енн'ый ишó/ как жър'еб'ец// мужык'и так заут//*] (с. Новый Усад) – прозвище возникло на основе ассоциации с животным.

Производящие фамилии вызывают ассоциации и с наименованиями предметов реальной действительности: **Головáстик** – Голованов [*фам'ілійъ гъловáньф/ вот и прозв'а́ли гъловáст'икьм//*] (с. Чернуха), **Горшóк** – Горшков [*сáшку горшкóвъ горшкóм зовут/ нь-фам'іліи нав'ёрнь/ он нь-уб'ижáцъ//*] (с. Водоватово), **Горбу́н** – Горбунчиков [*горбу́нч'икьф он/ от-фам'іліи так и пошлó/ ч'овó об'ижáцъ-ть//*] (с. Каменка) и другие.

Многие из образованных по этой модели отфамильных прозвищ являются необходимыми в силу отсутствия отрицательной семы в лексическом значении. Например: **Балон** – прозвище Балова [*фам'илийъ мнѣ балов/ а реб'ать нъзывайт балонъм//*] (с. Мотовилово), **Зима** – прозвище девочки [*жей з'имонкъвъ фам'ил'йъ/ и прозвал'и з'има//*] (с. Б. Туманово), **Гусь** – прозвище мальчика [*фам'илийъ йевó гус'ф/ а прозвал'и гус'//*] (с. Чернуха) и др.

Ассоциативность при образовании отфамильных прозвищ проявляет себя и на фонетическом уровне, например: **Горхо-Перхо** (Горшкова), **Лэка-Стрэка** (Стрелова), **Чудо-Юдо** (Юдин) – ещё и лексическая ассоциация со сказочным чудовищем (Чудо-юдо Рыба-кит); в приведённых прозвищах появляется дополнительный компонент – пара по созвучности; **Жираф** – Жирненков [*фам'илийъ жырн'енкоф/ а прозвал'и жырафъм//*] (с. Чернуха) – звуковая ассоциация, основанная на общности первого слога и др.

Отфамильные прозвища могут возникать и по модели отчества, например: **Савелич** – Савельев, **Степановна** – Степанова, **Устимыч** – Устимов, **Фёич** – Ерофеев (усечение производящего слова до компонента фе + ич). Подобные прозвища даются обычно носителями языка лицам пожилого возраста и служат показателем уважительного отношения к ним.

Отфамильные прозвища широко распространены в арзамасских говорах, ассоциативный же принцип номинации при прозывании играет важную роль.

в) Прозвищная номинация по персониму

В арзамасских говорах базой для образования квалитативов – «имён со значением любой субъективной оценки, образованных от полной или сокращённой основы» [Подольская 1988, 71], и прозвищ, в частности составных (с персонимом и словом – характеристикой), служат личные имена. И те и другие, реализуясь в говоре как микросистеме языка, обладают

номинативностью, экспрессивностью, эмоциональностью, поэтому возникает вопрос их разграничения.

В антропонимической системе арзамасских говоров функционируют простые (состоящих из одного слова) антропонимы, по форме представляющие трансформированные личные имена, причём большая их часть обладает положительной окраской, что связано с наличием у анализируемых единиц уменьшительно-ласкательных суффиксов, использование которых является особенностью менталитета русского человека. Положительный оттенок значения присущ деминутивам (деминутив – «вид квалитатива, имя с уменьшительно-ласкательным оттенком значения в данном контексте, созданное с помощью деминутивного суффикса» [Подольская 1988, 54]). Разница между деминутивом и прозвищем кроется в широте использования: прозвище является индивидуализирующим именованием определённого человека, закреплённым за ним; деминутив реализуется как именование разных людей с одинаковыми персонимами.

Как правило, деминутивы образуются от полных личных имён или гипокористик (гипокористика – «имя, имеющее сокращённую форму основы или одну полную основу вместо двуосновной формы» [Подольская 1988, 69]) при помощи суффиксов. В арзамасских говорах встречаются деминутивы общеупотребительные с суффиксами -к-: **Ка́тька, Ва́нька**; -ок-/-ёк-: **Ленóк, Васёк, Санёк**; -ушк-/-юшк-, -яшк-: **Зинúшка, Варю́шка, Маня́шка**; -еньк-: **Да́шенька, Ма́шенька, Ка́тенька, Са́шенька**; -очк-/-ечк-: **Ве́рочка, А́нечка**; -ан-/-ян-: **Димáн, Коля́н**; и региональные с суффиксами -ан-: **Верáня** – Вера (д. Берёзовка); -атк-/-ятк- **Ваня́тка** (с. Каменка), **Вася́тка** (с. Хватовка); -ышк-, -яшк-: **Вань́шка** (с. Ленинское); **Ваня́шка** (с. Пешелань); -ёнушк-: **Васёнушка** – от Василий (д. Бебьяево); -ёнк-: **Катёнка** (с. Заречное); -ейк-, -яйк-: **Надэ́йка, Надя́йка** (д. Берёзовка). И те, и другие антропонимы не закреплены за определённым лицом, а характерны для всех носителей данного полного имени.

Региональные деминутивы при функционировании в говорах сопровождаются словосочетанием «звать по имени», что не даёт права

утверждать о появлении прозвища, применяемого по отношению только к конкретному лицу: **Ванчурка** – именование мужчины Василия [*а вас'улийъ у-нас ванчуркый звал'и/ этъ ласкъвъ дажъ//*] (с. Красное) – нет указания на то, что только одного этого Василия зовут так. Ср., например: **Васёна** – прозвище Василисы Ивановны Волковой [*зовут-тъ йејо въс'ил'исъ/ вот и прозвал'и вас'онъ/ ласкъвъ//*] (д. Шатовка) – в словах информатора указание на ласковое прозывание лица, данное по персониму Василиса. Возможно, базой для образования данного имени послужила гипокористика, к которой добавляется суффикс: Вася → Вас-ён-а. **Ваняга** – прозвище Подрядова Ивана Петровича [*ван'агъ сáмый рóслый нъ-селé пар'н'/ пьтому йевó нъ-ивáнъм/ а ван'агый кличут//*] (с. Булдаково) – указание на то, что только данного мужчину так зовут («кличут»).

Квалитатив или гипокористика может стать прозвищем, если будет обладать корпоративностью, но этот процесс не спонтанный, а постепенный, может проходить в несколько этапов, например: **Кузьмёнок** – прозвище мужчины [*фам'улийъ у-йевó д'едушк'и была куз'м'ин// вот а йевó зов'ом куз'м'онък// он млáтшый ф-с'ем'јé//*] (с. Замятино) – предположительно в диахронии выстраивается цепочка: персоним предка Кузьма → фамилия Кузьмин → прозвище дедушки Кузьма → прозвище внука Кузьмёнок (уменьшительный суффикс -ёнок- подчёркивает возраст, статус младшего в семье). Определённый ответ на вопрос о том, как на самом деле происходило образование прозвища, может дать только взгляд изнутри системы [о микропонимах в том же плане см.: Климкова 2007, 69-70].

Встречаются также прозвища, формально соответствующие деминутиву, но не связанные с ним при номинации: **Колюся** – прозвище мужчины [*кол'исó нъ-выговáр'ивъл/ кодá мал'н'кий был// фс'е йивó так т'ип'ёр' зовут// ласкъвъ прóзв'иш'ш'ъ/ нъ-об'ижа'ццъ//*] (с. Беговатово) – тип номинации дан по речевой характеристике.

Прозвища, образованные от деминутивных имён, могут носить в говорах и отрицательный характер, несмотря на уменьшительно-ласкательный суффикс

производящего имени с соответствующей коннотацией, например: **Васёныш** – прозвище Шершова Василия Ивановича [*в-д'эцтв'ь был м'ан'ьн'к'им да-стра'шным/ и зва'т'-ть йово' так и-ста'ли/ н'и-ва'ск'ьй/ а васо'ныш'ьм*] (с. Абрамово) – подчёркивается отрицательное отношение к прозываемому: даётся характеристика внешности, усиливающаяся, возможно, возникающей звуковой и визуальной ассоциацией со словами «гадёныш», «заморыш». Суффикс -ёныш- в русской грамматике образует имена существительные – названия детёнышей животных (гусёныш, змеёныш, а также слов гадёныш, детёныш и т.п.).

Трансформированные по корню имена также выступают в роли прозвищ, например: **Дука** – прозвище Рулёвой Евдокии [*хот' дун'ь она'/ а скол' йејо' помну'/ фсо' вре'м'ь дук'ь*] (с. Абрамово); **Аляка** – прозвище мальчика [*когда' был мал'ьн'к'ий/ он својо' им'ь н'ь-выгов'арив'ъл, г'вор'ыл н'ь-ол'ек/ а ал'ак'ь*] (с. Казаково); **Вака** – прозвище мальчика [*ва'дик'ь аг'ап'ьв'ь ва'к'ь зов'ом*] (с. Б.Туманово). В данных примерах представлен тип номинации не только по персониму, но и по речевой характеристике, причём именно последний признак выходит на первый план.

В пользу прозвищного статуса единиц свидетельствует факт отнесённости женских имён-гипокористик (типа **Зина**, **Вика**) к лицам мужского пола. Такая гендерная дисгармония прозвищ усиливает их коннотативный (эмоционально-экспрессивный) потенциал.

Итак, личные имена служат базой для образования вторичных имён: гипокористик, квалитативов и прозвищ. При их разграничении необходимо учитывать индивидуализацию, диапазон функционирования в кругу носителей говора, эмоционально-экспрессивную составляющую и характер мотивированности. Показателем статуса прозвища является его заглазное использование (наличие объяснительных, мотивирующих компонентов [*в-глаза' н'е-ска'жут/ в-глаза' н'ь-зову'т/ зь-глаза' зов'ом*] и т.п.) и корпоративность.

Личные имена участвуют и в развёрнутом способе прозвищной номинации в арзамасских говорах, результатом которой является двучленная прозвищная формула именования, реализующаяся в составных, двухкомпонентных прозвищах, где первые компоненты – персонимы в полном или трансформированном виде: **Иван Дóлгий** – прозвище мужчины: [*рост у-негó óч'ен' высóк'ий*] (с. Семёново); **А́нка За́дня** – прозвище Корноуховой Анны Ивановны [*са́ма кра́йн'а она́ жыво́т/ нь-отшы́бу/ по́этьму и-за́дн'а*] (д. Слезавка); **А́нка Зо́нкина** [*мужы́к-та же́йнай вит' ис-ту́рмы пр'ишо́л/ из-зо́ны*] (с. Абрамово).

Второй компонент составных прозвищных именовании, образованных от персонимов, является так называемой «характеризующей биркой», отражающей яркие черты прозываемого человека, его атрибутом. Базой для образования второго компонента выступают апеллятивы в основном трёх лексико-грамматических разрядов:

- имя существительное: **Анатолий Сне́гирь** [*так празва́ли зь-лу́боф' к-пті́цьм*] (с.Семёново); **Ва́ська Губа́н** – прозвище Василия Козлова [*у-ниво́ губы бо́льнь здоро́выйь/ вот и прозва́ли губа́н//*] (с.Абрамово);

- имя прилагательное: **Бо́ренька Золо́той** [*йово́ мат' с-ма́лых годо́ф так звалá/ а топ'ер' фс'е так и зову́т дь-с'их-но́р// ка́г-жы́/ об'ижа́цьцъ//*] (с.Чернуха); **Ва́ська Ле́вый** – прозвище Белкина В.И. [*он фс'о д'ёлъл ле́вый руко́й/ вот и прозва́ли ва́скъ ле́вый//*] (с. В. Враг);

- местоимение: **Ви́тя Наш** – прозвище Ирхина Виктора Ивановича [*р'обáты йему́ дьв'ер'áл'и ф-шко́ль/ во-фс'е и́гры и́гра́т' зва́ли/ над'о́жньй он па́р'ин'*] (с. Абрамово).

Второй компонент составного именования может отражать такие особенности прозываемого, как:

- место жительства: **Ви́тенька Моги́лышнай** – прозвище Бочкарёва Виктора Васильевич [*он ф-сосе́дъх с-моги́лн'икъм'и жыво́т/ јово́ и ньзыва́јут моги́лышнъм*] (с. Абрамово); **Ива́н Подго́рный** [*жыво́т он*

под-куз'инъй горой] (Кузина гора – возвышенное место в селе, бывший берег реки; с. Семёново); **Ивѧн Центральнѧй** [*живѧт он в цѧнтрѧ сѧлѧ*] (с. Семёново);

- внешний вид: **Вѧрка Косѧя** – прозвище Дрожжиной Веры [*косѧја она и-јес' глазѧ рѧзны какѧ-та/ нѧ-поймѧш кудѧ глѧдѧт//*] (с. Абрамово); **Гѧнка Золотѧй** – прозвище Караулова [*рѧжай он зрѧ/ прѧма зѧлотѧй//*] (с. Абрамово);

- род деятельности: **Вѧтъка Бригадѧр** – прозвище Постникова Виктора Васильевича [*он дѧлгѧ в-бригадѧрах ходѧл/ лѧбѧл'и јовѧ фсѧ/ так и остѧлсѧ бригадѧрам*] (с. Абрамово); **Грѧня Водолаз** – прозвище Аникина Григория [*грѧнѧ вѧдолѧс в-дѧцтвѧ фсѧм раскѧзывает/ штѧ у-нѧвѧ дѧт служѧл вѧдолѧзм// он нѧ-обѧжѧйцѧ/когда јевѧ так зовѧт//*] (с. Мотовилово); **Ивѧн Руль** [*јевѧ вѧнкѧй зовѧт/ а прозвѧли ивѧн рул' ѧтѧ фсѧ рѧбѧтѧшѧ/ ал' мушѧны/ он на-машѧнѧ работѧт*] (с. Туманово);

- характер, поведение: **Вѧська Кѧска** – прозвище мужчины [*данѧ за-чѧрты харѧктѧрѧ/ хѧтрѧст' лѧстѧвѧст'*] (с. Мотовилово); **Вѧтя Бѧка** – прозвище Прибылова Виктора Михайловича [*мужѧк-тѧ он бѧлнѧ прѧтѧвнѧй/ вот и-прозвѧли вѧтѧ бѧкѧ/ зѧ-глазѧ тѧлѧкѧ*] (с. Бебяево); **Дѧнька Овчѧрка** – прозвище Евдокии Ивановны Савиновой [*злѧйѧ/ рѧнѧ кѧк собѧкѧ/ ругѧлсѧ со-фсѧм'и/ вот прозвѧли офчѧркѧй*] (с. Мотовилово); **Зѧнка Козѧ** – прозвище Зинаиды Дмитриевны [*она такѧйѧ была бѧсѧийѧ/ лѧзилѧ/ ташѧйлѧ фсѧ/ была бѧлнѧ бѧйкѧй/ ијѧ брѧтѧйѧ козѧй и-прозвѧли/ а јей уш как нѧлѧбѧ*] (с. Котиха); **Гѧлька Пискѧлька** [*нѧшѧшѧлѧ фсѧгдѧ дѧ-плѧкѧлѧ//*] (с. Котиха);

- речь: **ѧнка Пулемѧтчица** [*она бѧлнѧ бѧстрѧ гѧворѧт вот-ы прозвѧли пулемѧчѧицѧй/ зѧ-дѧцтвѧ зовѧт*] (с. Селѧма); **Вѧнька Балѧнда** [*ѧзыком многѧ трѧплѧт/ бѧландѧт*] (с. Мотовилово); **Костѧ Ента** –

прозвище Люшина Константина Викторовича [*пѣтому-штѣ у-н'ово пр'ивыцкѣ йес' ты йѣтъ/йѣтъ*] (с. Ковакса).

Второй компонент выражает ассоциативную связь производящего апеллиатива и личностных качеств прозываемого, что наблюдается в мотивированности появления и функционирования единиц данного типа. Данный принцип номинации явно перекликается с другими принципами номинации, в основу которых положены перечисленные особенности второго компонента прозвища.

Среди двучленных формул именования следует отметить фонетические ассоциативные образования типа **А́ля-Бу́бя** – прозвище Бубновой Ольги [*та́к съкраш'ш'о́ннѣ зовут бубнѣву о́лу/ она́ н'и-уб'ижа́ццѣ*], **Га́ля-Бу́ля** – прозвище Бубновой Галины [*э́т так съкраш'ш'о́ннѣ зовут бубнѣву га́лку/ она́ н'и-уб'ижа́ццѣ*], **Ле́ка-Стре́ка** – прозвище Стреловой Елены [*н'е-стрѣлѣвъ лѣнка гѣвор'а́т/ а ле́ка-стрѣ́ка*] (с. Абрамово); **Ва́дик-Та́дик** [*ф'с'е йево́ так зовут/ а он об'ижа́й'ццѣ*] (с.Рож. Майдан); **Да́шка-Ша́рашка** – прозвище Тюлькиной Дарьи Михайловны [*так она́ ша́рагѣ кака́-тъ/ глаза́ срóду вы́лун'ит да б'е́гѣм вдол' пор'а́тку// да скла́днѣ/ вот так и зовут*] (с. Котиха) – наряду со звуковой ассоциацией наблюдается ассоциация лексическая, образная: прозываемая ассоциируется с *шарагой* («кривляка, ломака, корчила, дергун» [Даль 1978]). Второй компонент представляет собой окказиональное звуковое подражание первому компоненту.

Среди составных прозвищ с личными именами в арзамасских говорах следует отметить прозвища, в которых в качестве первого компонента выступает термин родства: **Ба́ба Гру́ня** – прозвище Мартыновой Аграфены Ивановны [*у-агроф'ѣны вну́къф бы́ль ку́цѣ/ jejó так и-ста́ли зват'-та уш ба́ба гру́на*] (с. Абрамово); **Де́да Ко́ля** – прозвище Сазонова Николая Михайловича [*кто знат йово́/ д'е́дѣ ко́лѣ зав'о́м/ в'ѣтр'ун'а́р он//*] (с. Веригино). Термины родства предстают как обозначение не только и не столько родственных отношений, сколько возрастных и функционируют как вежливая форма обращения к определённом лицу.

Итак, в арзамасских говорах в двучленной прозвищной формуле именования первый (редко второй) компонент представляет собой аналог однокомпонентной персонимной единицы. Составные прозвища отражают индивидуальные особенности определённого человека, указывая на место жительства, внешний вид, род деятельности, характер, поведение, речь прозываемого, и чаще всего имеют негативную коннотацию.

г) Прозвищная номинация по прецедентному имени

В арзамасских говорах одним из типов прозвищной номинации является номинация, возникшая от прецедентных имён [о семантике прецедентных имён см.: Долозова], где особую роль играет биологический фактор: за личным именем знаменитости кроется определённая модель поведения, характер, имидж, которые становятся основой для сравнения с ними подобных черт людей – носителей говора и, следовательно, базой для образования прозвищ, например: **Али-Баба́** – прозвище мальчика [*озорнѣк был/ он ѣгър'/ а звѣли али-баба́*] (с. Чернуха): Али-Баба – персонаж арабского фольклора; **Гитлер** – прозвище Гришина Алексея Ивановича [*болнь хулиган/ ѣему и-кошку зарѣзт' ницо не-стоит// вот и гитлер//*], [*нет/ ѣему не-нравѣицѣ/ коды так гворѣт// а сосѣдѣм што/ нравѣицѣ/ как вѣнѣт/ с-ним и сладу нет// борзоѣ софсѣм//*], [*он как фашист/ злоѣ/ как собака/ взглѣт у-ново звѣрскѣѣ//*] (д. Мерлино): фюрер Германии; **Гоголь** – прозвище Куманина Сергея Сергеевича [*похош нь-писатѣль/ нос тожѣ тонкѣѣ//*] (с. Новый Усад): Гоголь – писатель; **Колчак** – прозвище мужчины [*похош он нь-ново/ вот и колчак//*] (п. Черемас): Колчак – адмирал.

Личные имена знаменитостей или героев художественных произведений (широко известные благодаря какой-либо отличительной черте) переносятся на других людей, обладающих идентичными чертами, подвергаясь при этом трансонимизации. Кроме приведённых выше примеров, см. также: **Гагарин** – прозвище Ледина Михаила [*нь-снѣгу ѣово мат' родѣль/крѣпкѣѣ он*

рос'с'от//] (д. Марьевка): Гагарин - космонавт; **Гитлер** – прозвище мальчика [*у-него прич'оскъ на-л'евуу стор'ну/ как у-г'итл'рь//*] (с. Волчиха) и др.

В названных и подобных случаях носители говоров, как правило, дают обоснование причины прозывания человека, указывая на сходные черты с первообладателем антропонима. Таковы: **Винни-Пух** – прозвище мальчика [*он такой толст'й/ н'йз'н'к'й/ вот и зовут в'ин'и-пух//*] (с. Б. Туманово): Винни-Пух – персонаж повестей, стихов и мультфильмов; **Буратино** – прозвище мальчика [*вал'ерку от'инь бурат'ин'й зовут/ у-нов'о нос дл'инн'й/ как у-бурат'ин'ь н'ь-карт'ин'к'и*] (с. Водоватово): Буратино – главный герой сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». В качестве черт сближения отмечают внешность, характер, поведение. Однако биологическая характеристика не единственный ассоциативный признак при образовании прозвищ.

В арзамасских говорах при образовании прозвищ в качестве ассоциата может выступать личное имя или личное имя в связке с отчеством, при этом создаётся параллель «имя прозываемого ← имя знаменитости», а трансонимизации подлежит прецедентная фамилия: **Валентина Терешкова** – прозвище женщины [*вал'къ// зовут вал'къ/ а мы jej'о провал'и в'л'ент'ин'ь т'р'ешк'ов'ь/ пр'ост'ь на'с'м'ьх/ пр'ызывал'и м'ьш-соб'ой/ э'т'ь ф'с'о-т'ьк'и зн'м'ен'ит'ый ч'лов'ек//*] (с. Чернуха): Валентина Владимировна Терешкова – первая в мире женщина-космонавт; **Гагарин** – прозвище юноши [*им'ь и оч'ств'ь у-нав'о/ как у-гагар'ин'ь//*] (д. Вадское); **Гагарин** – прозвище Карпова Юрия Александровича [*жур'к'й зовут/ ну-как късмон'афт'ь вот и провал'и//*] (с. Мотовилово).

В этом плане интерес вызывают, например, прозвища супружеской пары в селе Булдакове: **Вера Крупская и Ленин** – прозвище супругов Золиных [*муж'ь-т'ь у-nej'о л'ен'ин'ым провал'и/ а уш jej'о круп'ск'й в'л'ич'айут//*], [*хоз'аин'ь-т'ь jej'о л'ен'ин'ым провал'и/ а jej'о уш з'одн'о/ вон л'ен'ин он'ат' в'еру круп'ску руг'ат//*] – прозвищная пара от

прецедентных имён супружеской пары (В.И. Ленина и его жены Н.К. Крупской). Парность усиливает экспрессию и того и другого прозвища, их ироническую окраску.

В основе прозвищной номинации от прецедентного имени выступают:

- профессия, род деятельности прозываемого и носителя прецедентного имени: **Ваку́ла** – прозвище мужчины [*ваку́ль рабо́тът кузн'ецо́м/ вот јово́ так и прозва́ли/ как ф-к'ин'е́//*] (с. Кирилловка): кузнец Вакула – герой повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»;

- родственная связь прозываемого и носителя прецедентного имени: **Гага́рин** – прозвище Казарина Николая Петровича (1928 г.р.) [*а вот чу́дь-ть како́й у-нас јес'/ родно́й гага́ринъ жив'от/ вот и прозва́ли так// нъ-об'иднь*] (с. Кичанзино);

- известность, слава носителя прецедентного имени: **Гага́рин** – прозвище Пижина Александра Фёдоровича (1955 г.р.) [*мат' йаво́ нъ-сабра́н'йи сказа́ль/ э́тъ он ш'ш'ас пло́хъ учы́цъ/ вот сматр'йт'ь/ гага́риным ста́н'ът//*], [*он с'т'ес'на́лс'и/ но нъ-аб'ижáлс'и//*] (с. Новый Усад).

В качестве производящей базы могут выступать имена героев художественных произведений, фильмов и мультфильмов. При возникновении прозвища происходит метафорический перенос – перенесение имени одного лица на другое на основе того или иного сходства [о метафоризации см.: Телия В.Н. 1988, 173-203]: **Гомес** – прозвище Кротова Юрия Ивановича [*да эт ис-с'ир'иáль вз'áли/ там како́й-ть врач был гом'ьс/ и јур' ва́ныч' л'эч'ит/ так иво́ мужык'и зову́т//*] (с. Котиха) – общность рода деятельности: Гомес – герой бразильского сериала; **Доце́нт** – прозвище Болотова Ивана Анатольевича [*эт про́зв'иш'ш'ь ис-к'иноф'и́л'мъ/ он нъсмотр'елс'ь и стал г'в'ор'ит'/ нас'т' порву́/ морга́лы вы́к'л'у//*] (с. Котиха) – перенос на основе речевой характеристики; **Доце́нт** – прозвище Мурасина Романа Викторовича (1970 г.р.) [*к'ино́ прошло́ тако́й'ь// он грóзн'ый был/ драчу́н// да/ об'ижа́цъ//*] (с. Семёново) – перенос по поведению: Доцент – герой фильма «Джентельмены удачи».

При данном типе номинации иногда происходит трансформация прецедентного имени при превращении его в прозвище, например: **Бурати́на** – прозвище Шадриной Валентины Николаевны [*нос у-н'е́й д'л'инный/ кр'иво́й/ за-э́ть бурат'и́нъй пр'озв'ли*] (с. Бебяево) – прецедентное имя Буратино мужского рода, а образованное прозвище Буратина – женского рода. При деривации произошла смена родовой характеристики и оформления имени: Буратино → Буратина.

Образование прозвищ от прецедентных имён может проходить в несколько этапов, например: **Годуно́в** – прозвище Александра Усинова [*йово́ фсе́ зв'ли бор'ис/ бор'искъ/ а по́жжъ гьдун'овым//*] (с. Водоватово). Сначала Александру дали прозвище Борис (мотивация утрачена – информанты не могли объяснить, почему так стали прозывать Александра), используя иногда производное с суффиксом -к- (Борис-к-а), придающим фамильярный оттенок слову; это прозвище вызвало ассоциацию с двукомпонентным именем исторической личности – Борис Годунов, при этом фамилия послужила базой для образования прозвища Годунов: антропоним Александр Усинов → прозвище Борис/ Бориска (фамильярн.) → Борис Годунов → прозвище Годунов (Борис Годунов – русский царь с 1598 по 1605 гг.).

В арзамасских говорах функционируют прозвища, образованные от прецедентных имён, связанных с религиозными личностями: **Бо́женька** – прозвище мужчины [*он в'ит' т'их'ий/ н'јот б'езбо́жнъ/ отрас'т'ил бо́рьду/ хо́дит как бо́жън'къ/ ну и зову́т бо́жън'къ//*] (с. Беговатово) – метафорический перенос по поведению (*т'их'ий/ хо́дит как бо́жън'къ*), хотя носители говора отмечают черту, противопоставленную лексеме Бог (Боженька – ласкательное от Бог) (*н'јот б'езбо́жнъ*) – это подчёркивает отрицательный характер прозвища. **Ису́с** – прозвище Назарова Виктора [*высо́кый он/ то́ш'и'й/ как ису́с//*] (с. Абрамово) – метафорический перенос по внешнему виду, но с негативной окраской из-за чрезмерной худобы. Следует предположить, что отрицательная коннотация в таких прозвищах является отголоском прошлого: либо когда христианство насильно насаждалось

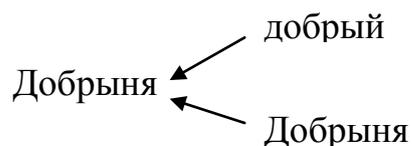
славянам-язычникам, которые не желали отказываться от политеизма и негативно относились к крещению (после 988 г.), либо когда шла активная политическая пропаганда атеизма в СССР (XX век). И то, и другое могло повлиять на отрицательный характер употребления трансонимизированных антропонимов.

Носителями говора чаще всего даётся объяснение причины происхождения (возникновения ассоциации) прозвища от precedentного имени: **Клим** – прозвище мальчика [*он нъ-пълковѡтъцъ клѣм'ѣнтъ вѣрошылъвъ похѡш/ вот ѣвѡ и прозвѡли клѣмъм//*] (с. Чернуха): precedentное имя *Климент Ворошилов* → персоним *Климент* → сокращённая форма основы персонима (гипокористика) *Клим* → прозвище *Клим*.

Однако в некоторых случаях носители говора не могут объяснить (не знают или не помнят) причину возникновения прозвища от precedentного имени. Например: **Колчак** – прозвище мужчины [*кто их знатъ фс'о колч'ак дъ-колч'ак/ а пъч'ему/ н'е-знѡйу//*] (с. Шатовка). Непосредственный мотив появления прозвища в таком случае восстановить сложно или даже невозможно. Для носителей говора прозвище семантически демотивировано при всей очевидности деривационной пары *Колчак* → *Колчак* на основе фоновых знаний precedentта и precedentного имени.

В арзамасских говорах есть прозвища, имеющие мотивировочный признак, передающийся апеллятивом, а соотнесённость с precedentным именем остаётся на фонетическом уровне и на уровне фоновых знаний содержания precedentта, например: **Добрыня** – прозвище мужчины [*ф'ѣткъ-тъ/ он слѣшкъм дѡбрыѣ был/ фс'о давѡл фс'ѣгда фс'ѣм/ вот и стѡли нъзывѡт' дѡбрын'ѣй//*] (с. Водоватово). Носители говора отмечают, что прозвали человека так за доброту, поэтому способ образования данного прозвища – суффиксальный (суффикс -ы[н']-): *добрый* → *Добр-ы[н'-а]*. В то же время на фонетическом уровне прозвище ассоциируется с именем былинного героя – *Добрыня Никитич*. Таким образом, прозвище является

полимотивированным, а способ образования его – синкретичным (суффиксация и трансонимизация):

В зоне прозвищ, образованных на базе прецедентных имён, можно проследить следующую закономерность: бóльшая часть прозвищ, образованных от имён исторических личностей принадлежит людям зрелого возраста, а прозвища, образованные от имён героев художественных произведений, фильмов и мультфильмов, относятся преимущественно к людям подросткового и юношеского возраста. При этом прозвище, полученное в детстве, может сопровождать человека всю жизнь, например: **В́инни-Пух** – прозвище Швецова Александра Николаевича (1977 г.р.) [*јово́ прѳзв'иш'иъ в'и́н'н'и-пух/ ма́н'н'к'ѳй был то́лст'ѳй/ мо́жъ поэт'му/ и ш'и'ас зову́т/ уб'ижа́й'ѳц'ѳ//*] (с. М. Туманово).

Прозвища от прецедентных имён неоднородны также относительно коннотации. Среди них:

- **необидные**, на которые прозываемые реагируют спокойно, хотя, будучи вторичными по отношению к прецедентным именам, и в силу этой вторичности являются экспрессивно окрашенными, однако не унижают и не высмеивают своего обладателя: **Колча́к** – прозвище Козлова Василия Сергеевича [*а он у-на́с тако́й др'евн'ий/ што г'вар'ат к'лч'ака́ в'и́д'ъл/ так и пр'ил'ипль к-н'иму́/ калч'ак дъ-калч'ак/ он уш пр'ивы́к у-на́с//*] (с. Н. Усад);
- **обидные**, отрицательные, имеющие насмешливый, иронический, неодобрительный, презрительный характер, унижающие своего обладателя, например: **Дон-Кихо́т** – прозвище Тимина Саши [*он с'а́д'ит на-ло́ш'ѳт'/ и но́г'и д'ѳстају́т поч'т'и́ дъ-з'емл'и́//*] (д. Волчиха): Дон-Кихот – герой романа М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»; **Ги́тлер** – прозвище Бурдакова М.И., 1927 г.р. [*он злой был/ не'го́дн'ѳй/ и д'ет'ей у-нево́ срѳду не'-быль// жэсто́к'ѳй/ в-глаза́-т'ѳ н'икто́ н'и-зв'ал/ и не'-с'в'азыв'ѳс'ѳ//*] (с. Каменка);

- есть и положительно окрашенные единицы, но их мало, например: **Левита́н** – прозвище мужчины [*дъ-вы́ знáт'и эт хтоꝛ эт л'в'ита́н/ он фс'о знат/ хто нъ-камбо́джу нъпада́т/ нъ-кампу́чу//*] (с. Заречное): Левитан – диктор всесоюзного радио.

Прозвищ с отрицательной коннотацией значительно больше, чем прозвищ необидных, тем более положительно окрашенных. Первопричиной этого является отношение носителей говора и соответственно неофициальных антропонимов (именно через них) к явлениям норма-ненорма: то, что соответствует норме, не оценивается, а отрицательная черта соответствует антинорме, поэтому замечается в коллективе. Плохая черта отрицательно сказывается на коллективе и не может остаться незамеченной: её подмечают и подвергают осуждению или высмеиванию. Хорошая черта есть проявление нормы, а на фоне отрицательных черт она акцентируется как подчёркнуто положительная, оказывая благоприятное воздействие на коллектив, что отмечается носителями говора прозвищем с коннотацией одобрения.

Таким образом, трансонимизация именованных знаменитостей или героев художественных произведений, фильмов, мультфильмов происходит благодаря ассоциативности: номинаторы ассоциируют отличительные качества прозываемого с качествами носителя прецедентного имени, в результате чего в говоре появляется антропоним как закреплённое за определённым человеком прозвище. Окраска прозвищ от прецедентных имён определяется статусом, характером носителя прецедентного имени.

д) Прозвищная номинация по этнониму

В силу существования характерных черт, присущих любой этнической общности, этнонимы как маркёры служат базой для образования прозвищ.

В арзамасских говорах зафиксировано около 70 прозвищ, которые возникли на базе этнонимов. Подобная прозвищная номинация далеко не однородна по своему составу.

Производящей основой для исследуемых единиц послужили 19 этнонимов (армяне, афганцы, грузины, евреи, джигиты, индейцы, казаки, киргизы, китайцы, кубанцы, негры, немцы, поляки, французы, хохлы, цыгане, чувашаи, шведы, якуты), причём производные от них в макросистеме (совокупности микросистем в пределах административно-территориальной единицы – района) обладают гендерной характеристикой (разграничение «прозвище мужчины – прозвище женщины»), например: **Нéмец** – прозвище Родионова Виктора Ивановича [*фаши́ст/ он и јес' фаши́ст/ злой да пар'áдьк уш-бóлнь лúб'ит//*] (с. Хватовка); **Нéмка** – прозвище женщины [*от'ец у-н'ей был н'ём'ъц/ вот и прозв'али йејо н'ёмк'ъ//*] (с. Ковакса) – возможно **Нéмец** по отношению к её отцу было тоже прозвищем; **Хохóл** – прозвище мужчины [*пъ-нъцыона́лньс'т'и он украин'ъц//*] (с. Мотовилово); **Хохлúшка** – прозвище Марсавиной Валентины [*она-в'ит' н'е-з'д'ешн'ъ/ с-укра́ины к-нам с'уды приј'ех'ль//*] (с. Абрамово).

В арзамасских говорах в прозвищах, образованных от этнонимов, связь названия и денотата прослеживается на основе мотивированности, вскрываемой информантом, способом же образования их является онимизация. Отэтнонимная номинация осуществляется по нескольким типам.

1. По сходству характерных черт прозываемого и представителей определённого этноса. В говорах в этой области наблюдаются две тенденции:

- сходство по внешнему виду, например: **Индéец** – прозвище юноши [*ин'д'ей'ъц п'тому-шть вóльсы длúнный//*] (с. Чернуха); **Цыгáн** – прозвище мужчины [*грúшын'ь ал'икъ цыгáн'ъм зовут/ вóльсы у-н'овó чóрны/ как у-цыгáн'ъ/ вот нав'ёрн'ъ и зовут по'этьму//*] (с. Водоватово), **Китáец** – прозвище Селёдкина Алексея [*у-н'евó глазá ускúй'ь/ как у-кúтáй'ць//*] (с. Абрамово);

- сходство по чертам характера: **Нéмец** – прозвище Родионова Владимира Алексеевича [*у-вóф'к'и н'е-знáш/ как óк'ль дварá/ кругóм дóмь фс'о чúст'ъ/ акурáтн'ъ/ как у-нъстајáш'ш'въ н'ём'ъц/ и завут н'ём'ъц//*] (с. Хватовка).

2. По месту службы, например: **Джигит** – прозвище Садова Михаила Ивановича [*нъ-кафкázь служыл/ в-горáх/ смуглый пришóл-ть с-áрм'ии-ть/ вот и звáли джыг'ит//*] (с. Мотовилово); **Хохól** – прозвище мужчины [*служыл нъ-украин'ь//*] (с. Заречное).

3. По сходству рода деятельности прозываемого и представителя социальной общности, например: **Грузин** – прозвище мальчика [*он нъ-базáр'ь jáбл'к'и пр'дајóт/ вот грузин'ьм и зовут//*] (с. Водоватово).

4. По речевой характеристике: **Армян** – прозвище парня [*г'эвор'ит н'еч'ист'ь/ мног'ийь звук'и пр'изно'сит с-акц'ент'ьм//*] (с. Казаково); **Француз** – прозвище Блинова Василия Алексеевича [*фс'у áзбуку сломáл/ рэ да лэ плóх'ь г'эвор'ит//*] (с. Веригино); **Француз** – прозвище мужчины [*прóзв'иш'и'ьф у-нас полно' / и француз жес'т' / эт'ь м'ишк'ь кал'ин'ин/ он пр'ид'от в-гарáш и г'эвор'ит/ ну ч'о французы; йевó и прозвáли француз//*] (с. Б. Туманово).

5. По родственным связям: **Хохлúшка** – прозвище женщины [*данó за-тó/ шт'ь муш был украин'ьц'// муш ум'ър/ а прóзв'иш'и'ь остáл'ьс'//*] (с. Мотовилово) – выстраивается цепочка: хохол («украинец», национальность мужа) → Хохол (прозвище мужа по национальности) → Хохл-ушк-а (андроним – прозвище жены по мужу, образованное при помощи суффикса -УШК-); **Кубáнец** – прозвище Ерофеева Андрея Алексеевича [*д'ь г'эвор'ат/ д'ет йевó был с-кубáн'и//*] (с. Никольское) – пара: кубанец (дед с Кубани) → Кубанец (патроним – прозвище от прозвища предков по отцовской линии).

6. По национальности: **Чувáшка** – прозвище Болотовой Надежды Степановны [*так она нъ-пр'исхожд'ен'ийу чувáшк'ь/ об'ижáц'ць она/ плохáй'ь эт нац'ий'ь-ть//*] (с. Котиха); **Хохól** – прозвище мужчины [*нъ-нъц'ионáл'н'ьс'т'и он украин'ьц'//*] (с. Мотовилово).

7. По имени, характерному для этноса: **Джóнсон** – прозвище Тарасова Сергея Викторовича [*он нъ-м'ир'икáн'ць здóр'ьвь похóш/ а штó за-джóнс'ьн/ н'и-знáй/ он н'и-уб'ижáц'ць/ пр'ив'ык под'и//*] (с. Котиха) – информант не знает и не понимает связи имени-прозвища с этнонимом

американец, но указывает на сильное сходство прозываемого с американцем. Однако данный факт не мешает выстроить цепочку: Тарасов С.В. (носитель говора) → американец (сходство с американцем) → Джонсон (американский персоним) → Джонсон (прозвище Тарасова С.В.). Можно предположить, что второе звено цепочки когда-то выступало в качестве прозвища, но со временем его заменил и затем совсем вытеснил персоним Джонсон, ставший прозвищем, – это и повлияло на мотивированность. **Ганц** – прозвище Ильина Михаила [*ч'óбрн'ьй он/ как цыгáн/ а јéсл'и ч'áсть г'ьвор'йт' цыгáн/ пол'уч'ицц'ь ганц//*] (с. Абрамово) – образовано путём звуковой ассоциации, на что указывает информант. Формально прозвище напоминает персоним, характерный для немцев, однако мотивировка подчёркивает внешнее сходство прозываемого с цыганом. **Ахмёт** – прозвище мужчины [*он похóш н'ь- татáр'ин'ь и служ'ыл в áрм'ии с-татáр'ьм'и/ а им'á йевó вас'и́л'ий//*] (с. Ветошкино) – отперсонимная номинация выделяет прозываемого среди обладателей русских имён, отделяет от них, мотивация вскрывает взаимосвязь с татарским этносом посредством внешнего сходства и ситуации службы в армии. Персоним Ахмет не является типичным татарским именем, поэтому, возможно, прозывание произошло по принципу «русский – нерусский», «свой – чужой», где непохожий на других стал именоваться нерусским именем.

Наиболее многочисленным является первый тип номинации (по сходству характерных черт прозываемого и представителей определённого этноса), остальные – менее представлены. Единицы седьмого типа номинации (по имени) внешне похожи на имена, присущие определённой национальной общности людей: подобные персонимы становятся маркёрами этноса, то есть в их значении происходит этнонимический сдвиг, поэтому под ними начинает мыслиться всякий человек определённой нации. На данное явление среди некоторых фамилий обращает внимание Е.С. Отин, говоря о типичных национальных антропонимах [Русская ономастика... 1994, 91] и о возможности некоторых имён выступать «в функции вторичного, ассоциативно-образного именованья людей, чаще русской национальности» [там же, 85], а также

В.И. Супрун при анализе наиболее популярных волгоградских фамилий [Супрун 2000, 38]. Вероятность этнонимического сдвига в значениях некоторых антропонимов позволяет им стать базой для образования прозвищ. В основе – сходство характерных черт прозываемого и представителей определённого этноса, так что седьмой тип номинации тесно связан с первым.

Ассоциация при образовании прозвищ от этнонимов может проходить несколько этапов, например: **Немец** – прозвище парня [*н'ёмцъм назв'али п'тому-штъ ф'илм смотр'ели пръ-фашистъф/ там пар'н'/ то'жъ вал'ёркъ/ за-н'ёмцъф д'ейств'вл//*] (с. Волчиха) – в качестве ассоциата выступает герой фильма про войну – парень Валерка, сражающийся на стороне немцев. Словообразовательная цепочка: Валерка (имя героя) → немец (пособник немцев, предатель) → Валерка (имя парня) → Немец (прозвище парня).

Стоит также обратить внимание на прозвища, по форме похожие на этнонимы, но образованные от фамилий, например: **Немец** – прозвище мальчика [*а колъ н'ёмцъф у-нас н'ём'ц/ ну этъ мы пр'остъ так зов'ом/ а он об'иж'ай'цъ//*] (с. Чернуха); **Поляк** – прозвище юноши [*фам'у'лийъ йему п'л'ак'оф/ вот и прозв'али пол'акъм//*] (с. Чернуха), **Казак** (см. ниже). Ассоциативный принцип номинации реализуется на уровне фамилии: прозвище образуется путём усечения основы фамилии до фрагмента-этнонима.

Примечателен факт, что в арзамасских говорах не встретилось ни одного прозвища, образованного от этнонимов «русский» или «россиянин» (российский гражданин, житель). Этноним «россиянин» отражает отношение к России, к её территории – носители арзамасских говоров равны по данному показателю, так как их всех объединяет Российская Федерация. Этноним «русский» выражает значение «свой», отсутствие дериватов-прозвищ от него является знаком единения людей по данному этническому показателю, идентификации друг друга как близких людей, не отличающихся от общества, от коренного народа.

Прозвища, образованные от этнонимов, в арзамасских говорах по своей структуре простые – состоят из одного слова (однокомпонентные), хотя есть единичный случай функционирования составного именованя: **Ванька Цыган** – прозвище Авдеева Ивана Павловича [*ч'орный он б'олнъ-уш како́й-ть/ да з-бъродо́й//*] (с. Забелино) – номинация включает гипокористику *Ванька* и этноним *цыган* по принципу сходства внешнего вида прозываемого с типичными чертами представителей народа. Возможно, со временем отэтнонимный компонент прозвища, содержащий характеристику и, соответственно, несущий смысловую нагрузку, вытеснит персоним из номинации, что обуславливается действием закона экономии языковых средств, – составное именование сменится однословным прозвищем.

Таким образом, в основе прозвищной номинации по этнониму лежат сходство характерных черт прозываемого и представителей определённого этноса, место службы, сходство рода деятельности прозываемого и представителя социальной общности, речевая характеристика, родственные связи, национальность, имя, характерное для этноса. Прозвища от этнонимов формируют пласт экспрессивных номинаций, чаще всего отрицательных, так как они воспринимаются носителями говора как классификатор «несвой, чужой», где «чужой», не похожий на всех, оценивается негативно.

2.1.3. Отношение к внутренней форме. Мотивированность – немотивированность, степень мотивированности

«Первоначально номинация, осуществляемая на материале и средствами данного языка, а не путём заимствования, происходит всегда с опорой на какое-то слово, то есть первоначально все слова бывают мотивированными, и лишь с течением времени, в процессе развития языка ряд имён утрачивает опору, мотивацию» [Климкова 1985, 51]. Мотивация вместе с деривацией являются компонентами номинации. «Мотивация номинации – это поиск названия через событийный ряд и ситуационный комплекс, куда входит и момент

актуализации самого объекта» [Климкова 2007, 98]. В результате мотивации, мотивационных отношений появляется мотивированность как признак слова и его значения. Мотивированность – это «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [Блинова 1975, 29]. Мотивированность выражается в соотношении мотивант (мотивирующий, производящий компонент – слово) – мотиват (мотивированное, производное слово).

Мотивационные отношения пронизывают всю лексику языка, в том числе антропонирию, включающую в себя микроантропонирию – прозвища как систему дополнительного неофициального именования лиц. В каждой региональной микросистеме и в целом в макросистеме, в частности в системе арзамасских (части нижегородских) говоров прозвища делятся на мотивированные и немотивированные. Мотивация как проявление мотивационных отношений при реализации подхода к микроантропонимам изнутри системы содержится в словах информанта: информант объясняет причину появления прозвища, рассказывает о времени и условиях его появления [*так прозвѣлѣи за нѣтому-штѣ*], [*так и прозвѣлѣи*] и другие. При отсутствии мотивационных отношений информант не знает или затрудняется объяснить причину возникновения прозвищной номинации [*нѣ-знѣи/ што так зовѣт/прозвѣлѣи*], например: **Денѣи** – прозвище мужчины [*дѣенѣи да дѣенѣи/ а нѣчѣму нѣ-знѣм// мѣлѣнѣим так звѣлѣи и до-сѣи порѣи зоѣт//*] (с. Кирилловка); **Земѣля** – прозвище Малышева Владимира [*да нѣи-знѣи ја/ нѣчѣму/ но нѣи-абѣжѣлѣсѣ//*] (с. Новый Усад).

Мотивированные прозвища имеют содержательную наполненность, представленную пояснением причины появления данной номинации и возникающим ассоциативным рядом. Содержательная наполненность микроантропонимов – это семантика прозвища, складывающаяся из номинативного (назывного), мотивационного, ассоциативного, деривационного и коннотативного компонентов значения. В них налицо выводимость значения,

структуры и звуковой оболочки деривата из предшествующего слова через его соответствующие компоненты: «мотивированные имена имеют внутреннюю форму как средство выражения семантики и звукового облика данного слова через семантику и звуковой облик другого слова (предыдущего, мотиванта)» [Климкова 1985, 51].

В арзамасских говорах мотивированных прозвищ значительно больше, чем немотивированных (примерное соотношение 10 к 1). Они обладают внешней оболочкой и структурой, вскрывающими внутреннюю форму микроантропонимов.

Для антропонимов в целом и для прозвищ в частности «основными факторами, определяющими их мотивировку, служат физическая, психическая, биологическая, моральная, интеллектуальная характеристика лица, его социальная, национальная, территориальная принадлежность, родственные связи» [Суперанская 1973, 245] и другие, соответственно принципам, способам и типам номинации. Мотивированные микроантропонимы имеют живую внутреннюю форму, под которой понимается «характер связи звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесённость составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка» [Климкова 1985, 51].

Мотиванты проецируют отдельные семы на значение мотиватов, но не оставляют за вторичной номинацией прежнего понятия (значения), отодвигают его на задний план или включают в значение последующей номинанты на уровне ассоциации. Например, **Зелёный** – прозвище Комкова Василия [*мълодо́вь жыр'опца́ објэжжывъл и з'ол'онъм йово́ звал фс'егда́/ а уш потóm и съмово́ зват' так стáл'и//*] (с. Абрамово) – мотивационная цепочка прозвища «молодой, неопытный, необъезженный, «зелёный» жеребец → Зелёный (кличка жеребца) → Зелёный (прозвище человека, который объезжал жеребца)»; **Индеец** – прозвище юноши [*ин'д'ейца́/ п'тому'-ить во́льсы дл'инныйь//*] (с. Чернуха) – слово *индеец* обозначает представителя коренных племён и народностей Южной и Северной Америки; при номинации

носителя говора этим словом утрачивается его понятийная составляющая, на первый план выходит характеризующий компонент (потенциальный семный комплекс «длинные волосы»), подчёркивающийся информантом [*пѣтому-штѣ вольсы длѣнныйь*]; **Стáлин** – прозвище мужчины [*эть нѣпрѣбивной мужык-тѣ/ фсѣо одно штѣ-сталной// он нѣ-лѣбит эть прѣзвѣшшѣ//*] (с. Костылиха) – мотивация через особенности характера (сила характера – непробивной, стальной). Мотивация данного прозвища основана на прецедентности, на ассоциации с именем советского политического деятеля И.В. Сталина, который обладал сильным, непоколебимым характером.

Яркая, объёмная мотивированность присуща составным прозвищам, которые по форме представляют собой фразу, как например: **Идѣ ногá, швырѣй песѣк** – прозвище Козунова Михаила Юрьевича [*у-нѣовѣ ногá прѣцáпывѣт/ как фсѣо равно швырѣт цѣовѣ// длѣ-нѣовѣ обѣднѣ//*] (с. Ковакса) – обидная номинация по своеобразной, неуклюжей походке.

Прозвище представляет собой характеристику конкретного лица, подчеркивающую ту или иную индивидуальную особенность прозываемого: **Запрѣднѣй** – прозвище мужчины [*жывѣт он за-прѣдѣм//*] (с. Четвертаково), **Козá** – прозвище женщины [*в-дѣцтвѣ йејѣ ругáли мánкѣ козá/ ногѣи длѣнны у-јѣй былѣи/ как у-козы//*] (с. Беговатово), **Нáстенкá Безнѣса** – прозвище Курбаковой Анастасии [*у-нѣјѣ и прáвдѣ нѣсѣ нѣт//*] (с. Веригино), **Никонѣр** – прозвище юноши [*ѣчѣствѣ йему нѣконѣрыч/ а прѣзвáли нѣконѣрѣм//*] (с. Чернуха).

Одинаковые по форме прозвища в разных говорах могут выражать разные характеристики, а соответственно и разные мотивационные отношения с одним и тем же мотивантом: **Барабáн** – прозвище мальчика [*ѣчѣн он пѣлнѣй/ круглѣнкѣий/ как бѣрабáн//*] (с. Семѣново) – номинация-характеристика по внешнему виду; **Барабáн** – прозвище Федотова Владимира Ивановича [*он/ когдá мánнѣнкѣий был/ фсѣо з-бѣрабáнѣм ходѣл/ вот бѣрабáнѣм и прѣзвѣли/ в-глазá нѣ-нѣзовѣт/ убѣжáцѣ//*] (с. Бебяево) – характеристика по предмету; **Барабáн** – прозвище Ульянова Николая

Алексеевича [*он кал'акът/ н'пон'атнъ/ брл-брл// вот и прозв'али йово б'раб'ан/ уб'иж'ацъ он/ кон'ешнъ//*] (с. Водоватово) – номинация по характеристике речи; **Бараб'ан** – прозвище мужчины [*бубн'ит и бубн'ит фс'о вр'емъ/ как б'раб'ан//*] (с. Чернуха) – номинация по характеристике речи; **Бараб'ан** – прозвище женщины [*уш кол'и она возм'оцъ р'згов'ар'ивът'/ так н'кто н'в'аж'ыс'/ как б'раб'ан гр'ем'ит*] (с. Костылиха) – характеристика по особенности речи.

В прозвищной номинации закреплено не понятие, а характеристика, содержащая коннотацию, вызывающая определённые ассоциации, что реализуется в определённом языковом коллективе. В другой микросистеме может существовать похожий или такой же звуковой комплекс, но именование уже является другим, с другой мотивацией и коннотацией. Ср.: **Лохм'атый** (неодобр.) – прозвище мальчика [*в'ольсы у-н'ев'о дл'инны//*] (с. Волчиха), **Лохм'атый** (иронич.) – прозвище мальчика [*в'аску-ть мы лохм'атым зов'ом/ п'тому-штъ он лысый и ф-ш'ап'къ х'од'ит//*] (с. Б. Туманово).

В арзамасских говорах есть ряд прозвищ, которые по форме представляют собой женские имена, но являются номинацией мужчин, например, **З'ина**, **В'ика**. Подобные прозвища подтверждают роль мотивированности и отсутствие во внутренней форме понятийного комплекса: внешняя форма мотивата противоречит гендерной характеристике прозываемого [о гендерной номинации см.: Рут 2001].

Различаются *типы мотивации* прозвища (качественный показатель соотношения мотиванта и мотивата) – семантический, структурно-семантический, фонетический и другие [подробнее о типах мотивации см.: Блинова 2007, 72-79] и *степень мотивированности* (количественная характеристика проявления мотивационных отношений в прозвище) – абсолютная, полная, безусловная мотивированность, полная, но не безусловная мотивированность, опосредованная и гипотетическая.

Семантическая мотивация – это та, при которой мотивант в качестве внутренней формы входит в значение микроантропонима целиком и определяет

основную отличительную черту прозываемого (мотивант и мотиват по форме и семной структуре значения совпадают), например: **Ворожѣя** – прозвище женщины [*в-наро́дъ гъвор'а́т/ што она́ върожы́т' мо́жыт//*] (с. Мотовилово) – внутренняя форма раскрывается через указанный в мотивации глагол *ворожить* («колдуя, гадать»), мотивант – апеллятив *ворожея* («гадалка, женщина, занимающаяся ворожбой»); **Синя́к** – прозвище мальчика [*одна́жды он уна́л и нъ-ушы́бл'ннѣм м'ѣс'тѣ был у-н'ево́ бол'шой с'ин'а́к//*] (с. Семёново) – мотивант – апеллятив *синяк* определяет мотивировочный признак номинации прозываемого.

Суть структурно-семантической мотивации – в том, что мотивированность создаётся лишь основой мотиванта при отличии формы (мотивант и мотиват не совпадают по форме): **Запрудо́шка** – прозвище женщины [*она́ жыла́ зъ-прудо́м/ вот ѳејо́ и зову́т зъпрудо́шкѣ //*] (с. Бестужево) – пруд; **И́нька** – прозвище Кудинова Ивана [*ѳово́ ва́нкѣй зову́т/ а так и́нкѣ// ива́н/ и́нкѣ/ одно́ и то́-жѣ//*] (с. Абрамово) – Иван; **Кособо́кий** – прозвище мужчины [*дано́ зъ-похо́тку/ хо́дит/ нѣклон'а́с' нѣ-од'и́н бок//*] (с. Мотовилово) – косо́й бок.

Фонетическая мотивация – это тип мотивации, при котором мотивированность создаётся фонетической ассоциацией мотиванта с другим словом, например: **Рю́ри-рю́ри** – прозвище мужчины [*в-де́цтвѣ нѣ-выговáр'ивѣл л'у́л'и-л'у́л'и//*] (с. Пешелань).

Мотивированность может быть образной, то есть микроантропоним содержит внутреннюю форму, представляющую образное отношение названия к другому на основе сравнения, метафорического или метонимического сближения признаков, ассоциаций и так далее, например: **Бегемо́т** – прозвище мужчины [*он нѣпъворо́тливѣй/ шыръкол'и́цѣй//*] (с. Замятино) – ассоциативно с бегемотом – неповоротливым животным больших размеров; **Гнило́й** – прозвище Маркова В.М. [*он фс'у жызн' чэво́-тѣ хвор'а́т/ худо́й/ оди́и ко́с'ти/ пѣтому́ и гнило́й//*] (с. Булдаково) – метафорический перенос по внутренней характеристике; **Коса́я** – прозвище Башкировой Нины Петровны

[у-н'и́нк'и глас од'и́н косо́й/ од'и́н на-на́с/ друго́й нь-арзамáс// д'а-н'е́й эт об'и́днъ//] (с. Водоватово) – метонимический перенос [об образной номинации, основанной на мотивированном восприятии предмета как символа другого предмета см.: Алексеева 2013, 29-34].

В составных прозвищах мотивированность неоднородная, созданная на основе совмещения принципов номинации, например: **Качáн Голова́** – прозвище мужчины [когда́ он нь-гармо́н'и игра́т/ г'лово́й фс'егда́ кач'áт//] (с. Ковакса) – мотиванты – существительное *голова* и глагол *качать*; второй компонент прозвища отражает образную номинацию человека через часть – *голова* (метонимический перенос), первый компонент содержит основу мотиванта – от глагола *качать*, отражающего характерный признак прозываемого, образуется существительное *качан* при помощи суффикса -АН-. Без мотивационного текста, экспликации мотивационных отношений возможна другая ассоциация с просторечным словом *кОчан* (качан и кочан – омофоны) – о глупом человеке, а также о человеке с большой взлохмаченной головой. Яркой образностью обладают составные прозвища, особенно прозвища-предложения, например: **Ва́нька д'ли́нный лом проглот'и́л** – прозвище Гущина Ивана [как д'лото́ пр'глот'и́л хо́дит/ ин'т'ер'есный зра́// р'ба́т'и́шк'и г'вор'áт/ он как лом пр'глот'и́л//] (д. Майна).

Прозвища в арзамасских говорах обладают разной степенью мотивированности. Различаются:

- абсолютная мотивированность (полная, безусловная): **Голова́** – прозвище мальчика [сла́фку мы г'лова́ зов'ом/ у-н'ево́ г'лова́ бол'ша́ да у́мнъ//] (с. Б. Туманово) – мотив прозывания сохраняется в мотивате в полном виде (происходит онимизация апеллятива *голова*), информант знает и поясняет причину появления прозвища;
- полная, но не безусловная мотивированность, при которой мотивационный признак сохранён, но при передаче его носителем говора выражается значение неуверенности, реализуется сема неопределённости в той или иной степени, поскольку мотивационная связь возникла давно и передаётся

последующим поколениям по традиции: **Дрѣня Вася́нин** – прозвище Морозова Андрея [*в-іхъм рѡдъ ктѡ-тѣ вѣсѣй был/ вот он и стал вася́нинъм//*] (с. Забелино), **Кондра́т** – прозвище Щеголева Игоря Кондратьевича, 1935 г.р. [*оцѣ́а у-нѣво кондра́тѣм зѡлѣи/ и йѣво пѣцѣму-тѣ зѡвѣт/ уважѣлѣи вѣ́днѣ оцѣ́а-тѣ//*] (с. Никольское). Данный тип мотивации соответствует началу процесса утраты мотивированности – демотивации [см.: Блинова 2007, 237], которая ведёт к потере мотивационных отношений. Демотивация ведёт к появлению немотивированных прозвищ, например: **Дюньдя́к** – прозвище мужчины [*фсѣгда́ дѣун'дако́м был/ а што/ хто знат// да фсѣ так зѡлѣи и нѣ-ѣбѣжѣлѣсѣ//*] (с. Красное); **Чи́бис** – прозвище Цыбакова Виктора [*вѣ́тѣу цыбако́въ чи́бисѣм зѡвѣт/ а пѣчѡму/ нѣ-зна́м/ фсѣ так зѡвѣт//*] (с. Водоватово). Утрата мотивированности прозвища связано с уходом носителей говора, знавших причину прозывания, но не передавших данное знание другому поколению.

- опосредованная мотивированность в рамках полной, то есть без экспликации мотиванта, например: **Мазо́к** – прозвище Молодкина Вениамина [*трѣхторѣ́ст он/ сѡ вре́мѣ с-трѣхторѣ́ми во́зѣцѣ// одѡ́жѣ фсѣ́а бо́лнѣ са́лнѣ//*] (с. Абрамово) – номинация человека по одежде: тракторист, который всегда ремонтирует трактор → человек в грязной, измазанной до блеска, сальной одежде → Мазок (прозвище); в мотивационной части микроантропонимического комплекса мотивант (мазать) отсутствует, имплицитный, а введена опосредованная смысловая экспликация через признак как результат действия: сальный = грязный, измазанный до блеска, до блеска сала, масла; замасленный, (за)измазанный – (за)измазать – мазать.

- гипотетическая мотивированность, при которой мотивационный признак указывается носителем говора на уровне предположения: **Жопѣ́н** – прозвище Лѣзина Виктора [*нѣ-зна́й/ пѣчѡму́ так зѡвѣт/ вродѣ́ и нѣ-бо́лнѣ здо́ро́вьѣ//*] (д. Слезавка) – информант делает попытку связать мотив появления прозвища с внешним видом прозываемого; **Капу́стник** – прозвище Шмелёва Александра Ивановича [*йѣво́ нѣ-зна́йу пѣцѣму́ так заву́т/*

мо́жъ чэво с-капу́стѣй св'а́знь//] (д. Беговатово) – в основе гипотезы – возникшая у информанта лексическая ассоциация со словом *капуста*.

В арзамасских говорах встречаются так называемые прозвища-перевертыши, или прозвища-антиподы, в которых мотивационные отношения проецируются как переименование мотива: **Зоркий Сокол** – прозвище Ирхина Николая [*сл'опой он/ соф'с'ем почти н'чово н'е-в'идит/ а на-см'ех зорким сокльм зовут//*] (с. Абрамово); **Клоп** – прозвище Иванова Геннадия [*здоровый был/ болшой/ а на-см'ех клопом прозвали//*] (д. Мерлино); **Малыш** – прозвище Куклина А.А., 1950 г.р. [*ф-софхозъ у-нас был здоровый такой мужык// он болшой/ а йово малыш// он н'е-обижаецъ//*]; [*он здоровый мужык-эт/ а йово так нас'м'ех зовут// обижаецъ кон'ешнь//*] (с. Чернуха). Утрата мотивированности в таких прозвищах приводит к иному восприятию и интерпретации прозвищной номинации слушателем или исследователем, то есть к замене первоначальных мотивационных отношений.

Мотивированность онимов, а соответственно и микроантропонимов, носит комплексный характер – лингвистический и экстралингвистический: все факты, связанные с возникновением прозвища и описываемые информантом, – это внеязыковой фактор («нечто вроде энциклопедического значения»), через который «устанавливаются связи слов и значений» (языковой фактор) [ср.: Климкова 1985, 54].

Таким образом, мотивированность прозвищ как наличие в них живой внутренней формы обусловлена принципами, способами и типами номинации, которые отражают характерные черты прозываемого. Мотивационные отношения проявляют связь мотиванта и мотивата и реализуются в типах мотивации (семантическая, структурно-семантическая, фонетическая и другие) и степени мотивированности (абсолютная, полная, но не безусловная, опосредованная, гипотетическая). Утрата мотивационных отношений ведёт к демотивации, появлению немотивированных прозвищ.

2.1.4. Структурно-грамматическая оформленность

Освоение окружающей действительности человек осуществляет посредством «пропускания» происходящего через своё сознание, что сопровождается наложением на отображение реалии отпечатка индивидуальности каждого: личность «вносит» в отражаемый мир «какие-то изменения в соответствии со своими целями, задачами» [Климкова 2007, 83]. То же касается и коллективной языковой личности. Процесс фильтрации сознанием реальности отражается в языке. Результатом отражения окружающей действительности, осуществляющегося через осознание происходящего, являются прозвища.

В качестве параметра классификации микроантропонимов может выступать их структурно-грамматическая оформленность, которая вытекает из способа номинации.

Однословные прозвищные именованья как результат неразвёрнутой номинации представляют собой один компонент, имеющий простую или сложную основу, оформленный по нескольким лексико-грамматическим моделям.

1. Имя существительное мужского рода для обозначения лица мужского пола, например: **Бабáн** – прозвище мужчины [*в-д'эцт'в'ь чово-н'ето н'и-выговáр'ивъл/ вот и-бáбáн//*] (с. Заречное); **Капрóн** – прозвище мужчины [*п'ь-фам'илии капрóн'ф/ вот и зовут капрóн//*] (с. Шатовка).

2. Имя существительное женского рода для обозначения лица мужского пола, например: **Авдóтъя** – прозвище Колосова Якова Петровича [*он с'о кто н'и-жéд'ът/ кто н'ь-ид'от/ фс'ех крыч'ит/ авдóт'й'ь// аднá нагá у-н'евó д'р'евáнн'ь/ а чудáк/ с'о авдóт'й'ь и авдóт'й'ь// и йавó так пръзывáйут//*] (с. Новый Усад); **Авóська** – прозвище Пижина Бориса Алексеевича [*вм'ест'ь жéсл'и г'вар'ил авóс'/ он и стал авóск'ь// кагдá тáк завут/ сам с'м'е'жóц'ь*] (с. Новый Усад); **Бáбушка** – прозвище мальчика [*он у-бáбушк'и фс'о вр'ем'ъ жывóт/ вот и прозвáли бáбушк'й'//*] (с.

Чернуха); **Коряга** – прозвище мужчины [*у-н'евó нóг'и кр'ивы́й'ь//*] (с. Семёново).

3. Имя существительное среднего рода для обозначения лица мужского пола, например: **Очко́** – прозвище мужчины [*он ф-ка́рты игра́т' л'уб'ит//*] (с. Замятино); **Пузо** – прозвище Белкина Ю.В. [*он ма́л'н'к'ый з-бол'шы́м пу́зъм ход'ыл/ да и с'ич'ас ход'ит/ пу́зъм и прозва́ли//*] (с. В. Враг); **Решето́** – прозвище мужчины [*ро́жъ у-н'евó шыро́къ/ как р'шато́// н'ь-абу́жа́цъ/ а чо́ йему аб'ужа́цъ-тъ//*] (с. Мотовилово).

4. Имя существительное женского рода для обозначения лица женского пола, например: **Козочка** – прозвище Купряхиной Анны Степановны [*п'ры́ткъ да бо́йкъ/ фс'уду проле́з'ът/ как коза́ б'ьловна́й'ь//*] (с. Мотовилово); **Варежка** – прозвище Бантуровой Варвары Васильевны [*сы́зм'ьл'ьс'т'и// она́ варва́рь/ вот и ва́р'шкъ// н'икогда́ н'ь-уб'ужа́л'ьс'//*] (д. Пологовка).

5. Имя существительное мужского рода для обозначения лица женского пола, например: **Карандаш** – прозвище женщины [*ро́стъм-тъ она́ фс'евó с-къранда́ш// къранда́ш зна́чит ма́л'н'к'ый/ н'ьвысо́к'ый/ п'ризе́мист'ый//*] (с. Семёново), **Коток** – прозвище женщины [*она́ уш бо́л'н'ь с'м'отáнку л'уб'иль/ как кот//*] (с. Костылиха), **Кузнечик** – прозвище девочки [*фам'и́лий'ь ей кузн'ецо́въ// она́ аб'ужа́цъ//*] (с. Вол. Майдан).

6. Имя существительное среднего рода для обозначения лица женского пола, например: **Корыто** – прозвище девочки [*фам'и́лий'ь ей коры́т'ин'ь//*] (с. Семёново), **Масло** – прозвище девочки [*у-н'ејо́ фам'и́лий'ь ма́сл'ьвъ// вот мы йејо́ так прозва́ли// аб'ужа́цъ//*] (с. Вол. Майдан); **Полено** – прозвище женщины [*у-н'ей'ь ф'игур'ь инт'ер'есн'ь/ как пол'ен'ь н'ьопт'осн'ь//*] (д. Лидовка)

7. Имя существительное множественного числа для обозначения детей одной семьи (близнецов, двойняшек), семьи, коллектива, например: **Грачата** – прозвище близнецов [*близн'ецы́ он'и́/ вот и зову́т грача́тъ//*] (с. Чернуха), **Дворняжки** – прозвище братьев-двойняшек [*п'тому́-шт'ь дво́йн'ашк'и он'е́/ а п'луч'а́й'ьцъ дво́рн'ашк'и//*] (с. Чернуха); **Гниды** –

прозвище семьи Мартыновых [*быва́ль у-фс'эх фшэй былъ мнóгъ/ а у-н'их так фс'эх бо́льшь//*] (с. Абрамово);

8. Субстантивированные прилагательные мужского или женского рода для обозначения лиц мужского или женского пола, например: **Дико́й** – прозвище Балабина Олега [*он фс'о молцы́т/ с'-н'им н'екто́ нъ-рѣзговáр'ивѣт//*] [*он фс'о молцы́т/ уб'ижáцъ/ да//*] (с. Водоватово), **Ка́янный** – прозвище мужчины [*на-на́шѣй у́лицѣ ка́йнный иш'ш'о јес'// знат' мат' йово́ так бран'иль/ вот и назва́ли// об'ижáцъ с'илнъ/ пр'и-но́м-тъ нъ-зову́т//*] (с. Красное); **Горба́тенькая** – прозвище женщины [*суту́ла она́//*] (с. Мотовилово).

Самыми продуктивными являются первая, четвёртая и восьмая лексико-грамматические модели (т.е. типичные именованья лиц мужского пола словом мужского рода, а лиц женского пола словом женского рода), остальные представлены меньшим количеством прозвищ.

Среди прозвищ в арзамасских говорах единично представлены две модели использования имени числительного для обозначении лица мужского пола: **Еди́н** – прозвище мужчины [*он был од'ин у-ма́т'р'и/ и фс'егда́ гѣвор'ил/ ја од'ин// звук о нъ-выговáр'ивѣл/ и у н'евó пълуч'áльс'/ ја јед'ин//*] (с. Ветошкино), модель использования имени существительного в форме множественного числа для обозначения детей, семьи, коллектива: **Матра́и** – прозвище жителей села Красное [*их фс'е так зову́т// он'и там ф-краснѣм фс'е матра́и//*] (д. Мерлино); **Не́мцы** – прозвище жителей с. Семёново [*он'и уш бо́лнъ жа́дны/ н'ишшым н'и-пѣдаду́т/ с'им'онѣфск'и-т'и// их так и прозва́ли н'ёмцѣм'и//*] (с. Слизнево); **Я́шки** – прозвище семьи Яковлевых [*ч'ай ја́квльвы/ вот и ја́шки// об'ижáцъ с'илнъ//*] (с. Чернуха).

Составные прозвища как результат развёрнутой номинации включают в себя два компонента. В языке, в том числе и в говорах, наблюдается тенденция к экономии языковых средств, а в области прозвищ – к краткой и максимально экспрессивной характеристике того или иного человека. В связи с этим

составные прозвища представляют собой обычно малочисленную группу неофициальной системы именования человека. Так, например, в некоторых смоленских говорах отмечается соотношение составных прозвищ и простых примерно как 1 к 45 [Денисова 2007, 15].

Д.И. Ермолович, анализируя прозвищные единицы, говорит не о составных прозвищах, а о прозвищах смешанного типа, которые «состоят из двух лексических элементов: антропонимического и нарицательного (оценочного, образного или характеризующего)» [Ермолович 2001, 93]. Лингвист разбивает подобные единицы в зависимости от распределения смысловой нагрузки прозвища между его составными частями на подгруппы: эквицентрические (антропонимическому элементу отводится главенствующая роль, апеллятив же дополняет его как характеристика по какому-нибудь внешнему или деятельностному признаку), эндоцентрические (ведущую роль играет антропоним, апеллятив же является его созвучием) и экзоцентрические (первостепенное значение имеет апеллятив-характеристика). Деление является условным, так как одно и то же прозвище смешанного типа может входить в разные подгруппы [см.: Ермолович 2001, 93-94]. Кроме того, составное прозвище, как правило, представляет собой единую, функционально и семантически неделимую номинанту.

В арзамасских говорах функционирует около двухсот составных прозвищ, которые различаются по структуре и семантическому наполнению.

С точки зрения структуры все составные прозвища можно разделить на три группы:

- составные прозвища-словосочетания;
- составные с фонетической трансформацией (составные прозвища, один из компонентов которых – чаще второй – является фонетической трансформацией другого, возникшей в результате ассоциации, например, на основе рифмы);
- фразовые (составные прозвища, представляющие собой высказывание).

Наиболее представленной является первая группа, в которую входят единицы с подчинительной связью, например: **Бра́жный Кувши́н** (с. Н. Усад),

Верста́ Колóменная (с. Веригино) – представляют собой субстантивные словосочетания с согласованием как типом связи; **Велосипéd с моторчи́ком** (с. Чернуха); **Дéвушка с харáктером** (д. Берёзовка) – состоят из словосочетаний с приименным управлением, а последнее имеет ассоциацию с названием фильма «Девушка с характером» и поведением его главной героини, поэтому может рассматриваться как результат онимизации, трансонимизации. К прозвищам-словосочетаниям относятся единицы, идентичные по форме сочетанию приложения и определяемого слова: **Ба́бушка Я́рочка** (с. Н. Усад), **Кача́н Голова́** (с. Ковакса); **Царь Ба́ба** (с. Мотовилово). К этому типу примыкают составные прозвища, похожие по своему облику на сочинительные сочетания, например, в сеченовских говорах: **Крючо́к и Ста́рец** (с. В. Талызино). Деривационной базой для подобных единиц служат словосочетания или сочетания апеллятивов.

В данную группу входят и составные прозвища с персонимами в полном или трансформированном виде: **Анато́лий Сне́гирь** (с. Семёново), **А́нка За́дня** (д. Слезавка), **А́нка Пулемётчи́ца** (с. Селёма), **А́нка Зо́нкина** (с. Абрамово), **Аню́шка Депута́тка** (д. Котиха), **Дре́нька Секре́тный** (с. Ковакса), **Ка́тька Сва́ха** (с. Хватовка), **Ле́шка Кара́сь** (с. Семёново) и др. – второй компонент является ярлыком, характеризующей биркой, отражающей яркие черты прозываемого человека. Можно предположить, что со временем, благодаря действию закона экономии языковых средств, в данных единицах может произойти усечение персонима, а в качестве прозвища останется смысловой характеризующий компонент, производный от апеллятива.

Стоит обратить внимание ещё и на составные прозвища, образованные от прецедентных имён путём трансонимизации, где ведущая роль отводится ассоциациям: за исходным именовани́ем кроется определённая ситуация, обстоятельство, модель поведения, характер, имидж, которые становятся основой для сравнения с ними подобных черт людей – носителей говора. Наряду с ассоциацией происходит переосмысление прецедента носителями говора. Чаще всего информанты мотивируют причину прозывания, например:

Бриллиантовая Рука́ – прозвище Чернова Ивана [*он инвал'ит/ рука вон у-новó вот э́дък во́тъ// да из-бр'ил'я́нтъвъй рук'и-тъ/ к'ино-тъ/ вот зъв'азáли тому/ и жéтъму вот э́дък во́тъ/ вот э́дък рука-тъ// правъ/ лéвъ/ н'е-зна́й котóръ// ну йовó и прозвáли/ бр'ил'я́нтъвъ рука// онó н'ь-об'и́днъ//*] (д. Б. Туманово) – подчёркивается внешний физический недостаток прозываемого и ситуативный – героя фильма по ассоциации с названием фильма; **Пéппи Чуло́к** – прозвище мальчика [*од'и́н мал'ч'и́шкъ пла́вът/ как ч'уло́к/ в'и́тън'ьциъ и плив'óт/ вот и зовут ч'уло́к/ и́ли п'е́пи ч'уло́к//*] (с. Чернуха) – параллель с именем центрального персонажа серии книг шведской писательницы Астрид Линдгрэн, словообразовательная цепочка: чулок (мальчик плавает, как чулок) → Чулок (прозвище мальчика) → Пеппи Чулок (ассоциация с именем героини художественного произведения) → Пеппи Чулок (прозвище мальчика); **Вéчный Зов** – прозвище Ионова Ивана Николаевича [*он фс'о б'ез-у́мълку болта́л/ вот и прозвáли в'е́чный зоф/ зъ-глазá то́лкъ//*] (с. Бебяево), **Дев'ятая Рóта** – прозвище женщины [*она́ уш бо́лнъ бо́йкъ была́/ а што так прозвáли йе́јо/ ч'ем пр'в'ин'и́льс'/ н'е-зна́йу//*] (с. Чернуха) – формально прозвища ассоциируются с кинофильмами «Вечный зов» и «Девятая рота», однако в словах информантов содержатся совсем иные мотивировки: в первом случае акцент делается на речевую характеристику прозываемого – неугомонную (вечную) болтовню (зов), отсюда и номинация; во втором случае информант не знает причины прозывания, но отмечает бойкость как черту характера носительницы прозвища, поэтому связь с номинацией *Девятая Рота* становится очевидной – это фильм про войну и боевой дух солдат. Среди подобных единиц встречается и противоположные по значению номинации: **Зóркий Со́кол** – прозвище Ирхина Николая [*сл'опóй он/ софс'ем почт'и́ н'ьчовó н'е-в'и́дит/ а на-с'м'ъх зóрк'им со́кълъм зовут//*] (с. Абрамово) – внешне составное прозвище похоже на типичное для индейцев имя, подчёркивающее то или иное достоинство своего носителя, образовавшаяся же по контрасту прозвищная номинация является насмешкой над прозываемым.

Прецедентность присуща и ситуативно возникшим составным прозвищам, например: **Шест с бельём** – прозвище женщины [*она ста́дъ-тъ пръспала́/ вы́бъжъль и фсо нь-ходу́ од'ева́ль/ и јунку/ и ко́фту/ так с'-т'ех пор и зов'ом ѱејо шэст з'-бел'јом//*] (с. Б.Туманово) – в мотивации содержится описание ситуации, которая способствовала получению номинации-характеристики.

Среди составных прозвищ-словосочетаний ведущими типами номинации являются:

- по характерной внешней черте, например: **Верста́ Колóменная** – прозвище Горшковой Натальи Геннадьевны [*дл'иннь она́/ вот и зов'ом//*] (с. Веригино) – по росту, **Золотáя Голо́вушка** – прозвище мальчика [*ко́лкъ-тъ у-нас б'лобры́сый/ и мы зов'ом ѱево з'лотой́ голо́вущк'й//*] (с. Б. Туманово) – по цвету волос, **Кача́н Голова́** – прозвище мужчины [*когда́ он нь-гармон'и игра́т/ г'ловой́ фс'егда́ кач'ат//*] (с. Ковакса) – по привычке (качан ← качать), **Косой́ Зая́ц** – прозвище мужчины [*глаза́ у-нево́ кос'ийь/ как у-за́йць//*] (с. Семёново) – по физическому недостатку, **Кра́сная Ша́почка** – прозвище Полянского [*он со в-ва́зньй ша́пчк'ь хо́дит/ и ф-т'опло́ и ф-хол'ът// уш и пр'ивы́к/ нь-об'ижа́ць//*] (с. Чернуха) – по вещи-атрибуту;

- по черте характера: **Ко́шкин Хвост** – прозвище Барина И.И. [*х'итр'ий он/ как кот/ вот ча́й на-с'м'х и прозва́ли э́дак//*] (с. Абрамово); **Лени́вая Соха́** – прозвище женщины [*лен'ив'ийь в-рабо́тъ//*] (с. Мотовилово); **Сарафа́нное Ра́дио** – прозвище мужчины [*о́ч'ьн' он лу́бит ж-жэ́н'ш'ин'ьм'и опсужда́т' посл'едн'и с'ел'с'ки но́вьс'т'и//*] (с. Семёново); **Сухáя Слеза́** – прозвище женщины [*данó за-тв'орд'ьс'т' харáкт'ьрь/ н'икогдá не-пла́ч'ът//*] (с. Мотовилово) – в основе прозывания лежит оксюморон – сочетание противоположных по смыслу слов «слеза» (жидкость) и «сухая» (не содержащая влаги).

Составные прозвища с фонетической трансформацией и наращением единичны в арзамасских говорах [см.: параграф 2.1., б)]: **Го́рхо-Пе́рхо** –

прозвище женщины [*данó нъ-фам'и́лии горшко́въ//*] (с. Пешелань), **Тáси-Вáси** – прозвище Афанасьева Виктора [*эт в'ит' фам'и́лийу йово́ так н'ред'ел'ли/ вм'естъ афанáс'йвъвъ гъвор'ат тáс'и-вáс'и//*] (с. Абрамово) – все они образованы от фамилии или фамилии и имени прозываемого путём сокращения производящей основы, наращеня и фонетической ассоциации. Звуковое сходство элементов составного прозвища может быть обусловлено и парной номинацией двух лиц, например: **Гр'иста-Вáста** – прозвище Болотовых Григория и Василия Васильевичей [*он'е б'ыл'и близн'ецы́/ страс' как похóжы/ так и ф-шутку прозвáли их/ гр'истъй гр'ишку назвáли/ а вáс'ку вáстъ/ а вм'естъ гр'истъ-вáстъ//*] (с. Ковакса) – образовано от персонимов Григорий и Василий: усечение производящих основ до слогового компонента и суффиксация (Гри- + -СТ-; Ва- + -СТ-). Возможно, что в прозвищном элементе Васта усечение производящей основы было до фрагмента Вас-, а потом произошло наложение суффикса -СТ- на конечный основы -с-.

Фразовые составные прозвища в арзамасских говорах представляют собой речевые выражения прозываемых или высказывания носителей говора по отношению к прозываемым и являются экспрессивно насыщенными, развёрнуто образными. Прозывание осуществляется по двум типам номинации:

- по часто употребляемому прозываемым речевому выражению, например: **Дай огня, не кур'ил чет'ыре дня** – прозвище мужчины [*данó за-то́/ што когда прóсит кур'ит'/ гъвор'ит эт'и слова́//*] (с. Мотовилово), **Ёшь-те кóрень** – прозвище мужчины [*нъговóркъ у-н'ово така́й/ још-т'ь кóр'ън' дъ-товó//*] (д. Мерлино), **Зна́ма Цай** – прозвище мужчины [*нъговóркъ у-н'евó така́ была́/ нъпр'им'ёр/ зна́мъ цай н'ицэво́ н'е-з'д'ел'л//*] (с. Семёново), **Кровь с молоко́м** – прозвище мужчины [*мат' ръзговáр'ивель с-одной жэ́н'ш'инъй и сказа́ль о-н'ом/ у-нас в'ет' бо́р'ънкъ-т'ь кроф' с-м'локо́м//*] (с. Новый Усад) – по высказыванию матери;

- по внешним характерным чертам, например: **Иди́ ногá, швыр'яй песо́к** – прозвище Козунова Михаила Юрьевича [*у-н'ово ногá пр'ица́пыв'ът/ как*

фс'о равно швыр'ат цово'// дл'ь-н'ово об'иднь'//] (с. Ковакса); **Не поморай ботиночки** – прозвище Колосова Бориса Григорьевича [*скажут нь-похотк'ь// в-роб'атъх ход'ил на-цып'чк'ъх// об'ижа'цц'ь/ когда в-глаза скаж'ш'//*] (с. Н. Усад).

Наиболее продуктивным является тип номинации по тому или иному речевому выражению носителя прозвища. Отнесённость к группе фразовых составных прозвищ устанавливается по мотивированности: в словах информантов содержатся указания типа [*дак-он фс'егда так г'ввор'ит*], [*ньговорк'ь у-н'ово была так'ай'ь// за-эт'ь и прозвал'и'//*], [*часть ф-сво'ей р'ечи у'п'тр'ебл'ай'т эт'ь выраж'э'ний'ь/ вот и зовут*], [*он фс'егда д'бавл'ал м'жду-т'ь пр'оч'им/ поэт'му и зовут й'ево так/ м'жду-т'ь пр'оч'им'//*] и тому подобные.

При анализе структурно-грамматической оформленности микроантропонимов необходимо учитывать комплекс внешних и внутренних факторов, влияющих на отнесённость данных единиц к той или иной структурной группе. Например: **Дубина Дубова** – прозвище мужчины [*пр'и-р'зговор'ь л'уб'ил у'п'тр'ебл'ат' выраж'э'ний'ь дуб'ин'ь дуб'ова'//*] (с. Семёново) – информант подчёркивает причину образования номинации, указывающую на любимое выражение прозываемого, формально прозвище представляет собой составное прозвище-словосочетание; **Трухло-Барахло** – прозвище мужчины [*нь-конц'э трухло-б'рохло жыл/ был так'ой стар'ик/ он фс'о ругалс'ь трухл'ат'ин'ь-б'рохл'ат'ин'ь/ так иво и прозвал'и/ толк'ь в-глаза-т'ь н'и-г'ввор'ил'и'//*] (с. Степаново) – внешне именование похоже на составное прозвище с фонетической трансформацией компонентов; содержательная сторона, заключённая в мотивированности, отражает принцип номинации по речевой характеристике [*он фс'о ругалс'ь трухл'ат'ин'ь-б'рохл'ат'ин'ь*]: трансформация (усечение) производящей базы, основанной на фонетической переключке, до прозвища Трухло-Барахло.

Среди составных прозвищ арзамасских говоров есть не только индивидуальные, относящиеся к одному лицу, но и парные, называющие двух

людей и равнозначно употребляемые при прозывании обоих лиц, например: **Гри́ста-Ва́ста, Ма́ня-Та́ня, Масля́тина-Иса́ятина** и другие. В качестве производящей основы подобных единиц могут выступать:

- персонимы в полном или трансформированном виде: **Лёнька То́нькин и То́нька Лёнькина** [*у-на́с так'и́ мат' с-сы́нъм жы́вут// так их дру́к по-дру́шкь и зову́т//*] (с. Абрамово) – составные прозвища, образованные от персонимов матери и сына: первые компоненты – персонимы в трансформированном виде, вторые компоненты – суффиксальные отперсонимные образования (суффиксом -ин-), внешне похожие на фамилии; **Ма́ня-Та́ня** – прозвище Духиной Марии Илларионовны [*она́ ма́нъ/ а по-ма́тър'и та́нъ/ он'и́ дво́јом фс'у жыс' жы́ли// да рай пр'амъ-тъ так ска́жут/ то́къ зь-глаза́//*] (с. Котиха) – трансонимизация гипокористик Маня и Таня; нынешнее использование прозвища по отношению только к дочери объясняется уходом из жизни матери;

- фамилии: **Кули́к Болóтный** – прозвище Кулигина Алексея Васильевича [*нъ-фам'и́лии зову́т/ да ишо́ и нъ-болóтъ жыво́т// а бра́тъ йово́ нъ-сел'е́ сухопу́тным нъзыва́ют//*] (с. Ковакса); **Кули́к Сухопу́тный** – прозвище Кулигина Виктора Васильевича [*по-бра́ту йово́ прозва́ли/ бра́тъ прозва́ли кули́к болóтн'ый/ нъ-болóтъ он жыво́т/ а э́тът на-пóль/ вот и сухопу́тн'ый// уш бо́лнъ об'и́дн'ы//*] (с. Ковакса) – от фамилии *Кулигин* образовалось прозвище *Кулик* путём усечения производящей основы и трансформации её до фрагмента-апеллятива, затем для различения в селе родственников с одинаковой фамилией и прозвищем носителя говора уточнили прозвищные номинации, разграничив их характеризующим компонентом по месту жительства (атрибуция); **Масля́тина-Иса́ятина** – прозвище двух подружек [*ја/ ма́слъвъ/ а она́ иса́йвъ// мы фс'егда́ вм'е́с'тъ/ нас и зову́т мас'ла́т'инъ-иса́ја́т'инъ// мы уш пр'ивы́кли//*] (с. Чернуха) – усечение производящих фамилий и суффиксация (Маслова → Масл- + -ЯТИН- → Маслятина; Исаева → Иса[j]- + -ЯТИН- → Исаятина);

• апеллятивы (ср.: в Сеченовском районе): **Крючók и Стáрец** – прозвище братьев [*быль два братъ/ адън был старшы/ друго́й млáтшы//млáтшъй был согнутъй/ как кручók/ их празвáли кручók и старъцъ//*] (с. В. Талызино) – первый элемент возник как внешняя характеристика физического недостатка младшего брата, а второй – как парная характеристика по возрасту старшего брата относительно возраста младшего.

Среди составных прозвищ в арзамасских говорах есть и коллективные прозвища [о коллективных прозвищах см.: Воронцова 2002], адресованные не одному лицу, а применимые к ряду лиц, которым присуща общая характеристика: **Арзамáсская Прáвда** [*бълтунóф тák-ть у-нас зову́т арзамáсскъ прáвдъ//*] (с. Протопоповка).

В арзамасских говорах зафиксирован случай тезоимённости составных прозвищ: **Мать Дорогáя** – прозвище мужчины [*лубъймъ словъ быль у-н'евó мат' дърогáйъ// у́тръм как фстанът/ ба́йът/ мат' дърогáйъ// и сам стал мат' дърогáйъ//*] (с. Чернуха) и **Мать Дорогáя** – прозвище Лоташова Сергея Михайловича [*у-н'евó послóв'ицъ/ мат' дърогáйъ// вон ыдóт мат' дърогáйъ//*] (с. Выездное) – обе прозвищные номинанты были даны носителям по их речевым характеристикам: оба часто употребляют в своей речи словосочетание *мать дорогая*.

Функционируют в говорах параллельные прозвища, производящей базой для которых послужили синонимичные апеллятивы, например: *голова* и *башка*: **Лошадíна Головá** – прозвище Макашина Виктора [*похóш гъловá у-н'овó нь-лъшадъ́ну//*] (с. Абрамово), **Лошадíна Башкá** – прозвище Плохова Василия [*у-йовó бóлнь болъшáйъ гъловá/ зá-гъльву йовó и празвáли//*] (с. Балахониха) – в обоих случаях типом номинации является внешнее сходство с реалией – с головой лошади. Слово *башка* просторечное, что усиливает экспрессивность второго прозвища, несмотря на то, что первые компоненты данных составных прозвищ одинаковые. Возможно рассматривать эти номинанты с точки зрения близости к тезоимённости: неофициальные антропонимы разных людей, живущих в разных населённых пунктах являются

близкими по номинативному, мотивационному, ассоциативному и коннотативному значениям.

Составные прозвища представляют пласт специфической неофициальной номинации, который основывается на развёрнутом способе прозывания человека. В арзамасских говорах количественное соотношение данных единиц с простыми прозвищами составляет примерно 1 к 20. Качественная характеристика составных прозвищ обусловлена принципом, способом и типом номинации, мотивацией, производящей базой и способом деривации.

2.2. Прозвища в арзамасских говорах: словообразовательный аспект

Прозвища – пласт неофициальных антропонимов, который до сих пор остаётся до конца не изученным, в антропонимике существует ряд подходов, через призму которых рассматриваются данные единицы. Немаловажное значение для изучения прозвищ как микроантропонимов имеет словообразовательный аспект [например, о словообразовательной продуктивности славянских имён см.: Бабанина 2011, 75-77].

Образование прозвищ как вторичных, неофициальных наименований (микроантропонимов), содержащих характеристику прозываемого и отношение к нему, необходимо анализировать с точки зрения деривации, что находится в тесной связи с принципами, способами и типами номинации, мотивированностью и структурно-грамматической оформленностью производных единиц. В лингвистике есть работы, посвящённые данной проблеме. Так, например, А.Н. Лангнер анализирует особенности образования прозвищ во французском языке африканских стран, в частности, рассматривает особенности локальных преобразований производящих лексем и выделяет аффиксальный способ и словосложение [см.: Лангнер 2010].

Д.И. Ермолович классифицирует прозвища по составу, выделяя три вида: антропонимические, смешанного типа и несобственные, каждый из которых обладает своими способами образования (например, антропонимические:

усечение фамилии, аббревиация именованья). Однако в двух последних группах словообразование сводится к рассмотрению структуры деривата [см.: Ермолович 2001, 91-96].

В арзамасских говорах микроантропонимы образуются морфологическим и неморфологическим способами [о способах деривации см.: Шанский, Тихонов 1987, 61-71; Земская 1981, 133-239; о словообразовании прозвищ см.: Бабанина 2011, 75-77; Ванюшечкин 1971, 87-88; Гейко 2008; Карпенко 1974, 53-58; Лангнер 2001, 212-216; Поротников 1976, 70-74; Цымбалова 2008, 251-424 и др.]. При морфологическом способе образования прозвищ в них можно выделить следующие его разновидности:

- суффиксация, например: **Коша́тник** – прозвище мужчины [*у-н'евó зрач'к'и коша́ч'иу//*] (с. Семёново), образовалось от основы слова *кошка* при помощи суффикса -АТНИК-; **Крючи́ха** – прозвище Карюхиной Прасковьи [*по-улишн'ьму их кр'учышк'ин'ьм'и зовут/ а иjó кр'учых'ь//*] (с. Абрамово), образовалось от уличной фамилии путём усечения производящей основы до фрагмента *крюч-* и прибавления суффикса -ИХ- со значением лица женского пола, деривационная пара: Крючишкины (уличная фамилия) → Крючиха (прозвище женщины из этой семьи); **Кудри́к** – прозвище мальчика [*ол'эгъ кудр'ашóвъ кудр'ик зов'ом//*] (с. Б. Туманово), образовалось от фамилии путём её усечения до фрагмента *кудр-* и присоединения суффикса -ИК-, и другие;

- аббревиация, например: **КПСС** [капээсэс] – прозвище мужчины [*он в'ет' кургу́нъф н'отр сав'ел'иц/ так по-н'ёрвым букв'ьм и дал'и прозв'иш'ш'ь//*] (с. Котиха), информант указывает на способ образования микроантропонима, но стоит заметить, что дериват имеет не одну букву С, а две, то есть произошло наращение в образуемой единице: возможно на это повлияло прецедентное название советского периода *КПСС* по звуковой ассоциации; **Са́нча** – прозвище Чайкина Александра (с. Семёново) – слоговая аббревиатура: основа гипокористики *Саня* и слог фамилии;

• усечение по аббревиатурному типу, например: **Сéга** – прозвище Соловьёва Сергея Сергеевича [*от'ец ѿво́ звал с'о с'эгъ/ с'эгын'къ//*] (с. Забелино) – сокращение персонима *Сергей* (или квалитатива *Серёга*) с использованием для образования прозвища начального и конечного слогов; **Барáн** – прозвище мужчины [*фам'ил'ийъ ѿему барáнъф/ а прозváли барáнъм//*] (с. Чернуха) – усечение фамилии до фрагмента, равного апеллятиву; **Тарáс** – прозвище мальчика [*фам'ил'ийъ ѿему тарáсъф/ вот и прозváли тарáсъм//*] (с. Чернуха) – усечение фамилии до фрагмента, равного персониму. Кроме того, здесь действует и ассоциативный способ с соответствующими единицами вне прозвищ.

Точно определить способ образования суффиксальных прозвищ поможет только взгляд изнутри региональной системы, если же информация отсутствует, то способ образования остаётся на уровне предположения или признаётся синкретичным, например: **Бандю́га** – прозвище Ерина Михаила Александровича [*м'ладо́й са́мый разбо́йный был// как то́къ так н'заву́т/ срáзу дра́цъ*] (с. Новый Усад) – с одной стороны, оно могло образоваться от апеллятива *бандит* путём присоединения суффикса -ЮГ-, содержащего коннотацию увеличения, с другой – путём перехода апеллятива *бандюга* в прозвище мужчины. Информант не раскрывает способа образования номинации, а лишь указывает на причину его появления [*м'ладо́й са́мый разбо́йный был*].

Большая часть прозвищ образована неморфологическим способом, в частности переходом слов из одного разряда в другой. В этой области наблюдаются два частных, конкретных способа – онимизация и трансонимизация.

Онимизация – «переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов» [Подольская 1988, 91]: **Акадéмик** – прозвище Мухина Петра Алексеевича [*х'рашо́ ф-т'ехн'икъ р'з'бирáлс'ъ// ѿво́ паэ́т'му ф'с'е ф-с'ел'е зна́йут*] (с. Новый Усад); **Банди́т** – прозвище Огородникова Александра

[хул'игáн'ит бóлнъ/ л'итовáннъй бан'д'ит// йему нрáв'иццъ этъ/]
 (с. Водоватово) – апеллятивы *академик*, *бандит* перешли в микроантропонимы благодаря ассоциации, вскрывающейся через мотивацию. «Образование антропонимов от апеллятивов происходит по принципу выделений каких-либо признаков лица или событий, связанных с лицом, в силу чего названия этих признаков или выражение своего отношения к событиям переносится на лицо» [Стрельцова 2010, 13].

Прозвища в арзамасских говорах путём онимизации образуются от:

- имён существительных, например: **Лимон** – прозвище мальчика *[рóжъ у-н'евó фс'егдá к'исль/ вот и прозвáли л'имонъм//]* (с. Чернуха); **Наган** – прозвище Бакулина В.В., 1959 г.р. *[он злой мужы́к-эт/ чут' човó/ фс'ем угрожа́т// н'ет/ нъ-об'ижа́ццъ//]* (с. Чернуха); **Плюшка** – прозвище женщины *[она́ ма́л'н'квъь рóстъ//]* (д. Бебяево);

- имён прилагательных, например: **Золотой** – прозвище Галкина Вячеслава Леонидовича *[в-д'е́цтв'ь мат' прозвáль так/ вот и зову́т йевó так/ нъ-об'ижа́ццъ//]* (с. Морозовка); **Метровый** – прозвище Артемьева Сергея Валерьевича *[а он ма́н'н'кы́й/ как кълабóк/ ну и нарóшнъ празвáли м'итрóвым/ как буттъ он бал'шóй и высóкай// зъ-глаза́ завóм//]* (с. Хватовка); **Пустой** – прозвище мужчины *[он болтл'и́въй/ нъс'ер'јóзнъй//]* (с. Мотовилово);

- глаголов, например: **Допустим** – прозвище Гринина Михаила Михайловича *[а он за-ка́ждъ слóвъ гъвар'ил дапу́с'т'им//]* (с. Н. Усад); **Терят** – прозвище мужчины *[т'ер'áт фс'о фс'егдá/ вот и прозвáли т'ер'áт//]* (с. Шатовка);

- междометий и звукоподражаний, например: **Алё** – прозвище мужчины *[данó п'тому́-штъ этът ч'ловéк къ-фс'ем обраш'шáйць съ-слóвám'и/ эй/ алó//]* (с. Замятино); **Вау-Вау** – прозвище мужчины *[когда́ вы́п'ыт/ тако́й дурáшный/ и фс'егдá пъ-дорóгъ ид'от и ор'от/ вау-вау/ и нъпонáтнъ/ чо́ ор'от/ вот и прозвáли йивó вау-*

ва́у//] (с. Замятино); **Гага́** – прозвище Ганиной Анны [*ja/ гъвор'йт/ гус'ей крич'аль/ га/ га/ га// так и прова́ли гага́ до сих пор//*] (с. Чернуха); **Опа́** – прозвище мужчины [*п'ри-рѣзгов'ръ ч'асть гъвор'йт опа//*] (с. Ветошкино); **Хаха́** – прозвище Боруновой Лидии Васильевны [*эх/ ана́ и с'м'и'ю'ць ва-в'ес' рот// как зака́т'и'ць то́къ/ н'и-аст'на'в'ит// ч'ем н'и-хаха́// ана́ в'ит' н'и-зна́т/ што так заву́т//*] (с. Хватовка).

В основу образования прозвищ от названных частей речи чаще всего положены типы номинации по внешнему виду, по чертам характера, манере поведения, по речевой характеристике, по этнической характеристике.

Прозвища образуются и путём онимизации этнонимов, что становится возможным благодаря нескольким компонентам: номинации – характеристике-ярлыку прозываемого, мотивации – взаимосвязи прозвища и этнонима, ассоциации – взаимосвязи прозываемого с представителями того или иного этноса. Устанавливается взаимосвязь с производящим словом по тому или иному определяющему признаку, выделяющему прозываемого из всего коллектива носителей говора. Например: **Кита́ец** – прозвище Ежкова В. [*он и пра́вдъ нъ-к'ита́йць пох'ош/ л'и'цо́ пл'оскъ/ жо́лтъ/ глаза́ у'з'н'к'и//*] (д. Марьевка) – отэтнонимная номинация выделяет прозываемого, характеризующий признак вскрывается мотивацией: информантом подмечаются присущие Ежкову типичные внешние черты китайцев [*л'и'цо́ пл'оскъ/ жо́лтъ/ глаза́ у'з'н'к'и//*], благодаря которым возникает прямая ассоциация с китайским этносом.

Характерные для каждого народа черты становятся идентификаторами, которые обладают прецедентностью, что и способствует образованию прозвищ от этнонимов. Существует мнение о наличии у отэтнонимных дериватов этноконнотаций, наличествующих ещё у этнонимов благодаря экстралингвистическим факторам: историческим, политическим, религиозным и психологическим показателям [см.: Вайрах 2010, 13].

Способ образования прозвищ от этнонимов иногда сопровождается трансформацией производящей основы, например, **Жиги́т** – прозвище

мужчины [*данó за-с'м'эльс'т' с'йлу/ лóфкьс'т'// в-нарóдъ нъзывáйут жыг'йт вм'естъ джыг'йт//*] (с. Мотовилово) – усечение начального звука. Образуются прозвища от этнонимов и морфологическим способом (суффиксацией): **Цыгúшка** – прозвище женщины [*онá мán'ин'кь/ ды цóрнъ/ как цыгáнкь// вот и цыгушкь// она нъ-уб'ижáццъ/ кол'и так нъзывáйут//*] (с. Костылиха) – этноним + суффикс -УШК- (усечение производящей основы); **Цыганёнок** – прозвище Царькова Алексея Васильевича [*у-н'авó вóльсы б'ыл'и чóрны/ кудр'áвы// нъ-аб'ижáлс'ъ/ дáжъ цыгáнчкьу стал т'нцывáт'//*] (с. Н. Усад) – этноним цыган + суффикс -ЁНОК-; **Цыгáночка** – прозвище Мурзиной Анны Ивановны [*анá крас'ивъ былá/ вóльсы чóрны/ глазá чóрны/ как цыгáнчкь// ей нрáв'илс'ь/ кагдá йејó так звáл'и//*] (с. Н. Усад) – уменьшительное от *цыганка*. Последние два прозвища также могут быть интерпретированы как образованные от этнонимов *цыганёнок* (ребёнок цыган) и *цыганочка* (уменьшительное от женского этнонима *цыганка*) путём онимизации, то есть следует признать множественность словообразовательной структуры. Уменьшительные суффиксы обуславливают наличие положительной коннотации у прозвищ.

Интересны в плане образования прозвища, содержащие характеристику, противоположную этнониму (прозвища, данные по контрасту): **Негр** – прозвище мальчика [*нъ-л'ицó сл'йшк'м б'елый/ вот йевó ф-шутку и прозвáл'и н'егр'м//*] (с. Чернуха); **Цыгáн** – прозвище мальчика [*н'тому-ить он б'ел'й/ пóлнъ пр'тив'полóжн'с'т'// вот и цыгáн//*] (с. Ковакса) – ассоциация по контрасту используется для создания комического эффекта.

Частным способом онимизации является синтагматический способ образования [о синтагматическом способе образования, или атрибуции микропонимов см.: Климкова 2008, 261-266]. В качестве производящей базы выступают словосочетания или даже фразы, причём последние начинают функционировать как онимизированное неделимое целое, смысл которого вскрывается через мотивированность информантом, например: **Не знай, не**

пóмню – прозвище Муханова Дмитрия Романовича [*дак-о́н фс'огда́ так гъвор'ит/ чово́ нъ-спрос'и́ у н'ово́/ н'е-зна́й/ н'е-пóмну́//*] (с. Веригино); **Не помора́й бот'иночки** – прозвище Колосова Бориса Григорьевича [*ска́жут нъ-похо́ткъ// в-роб'а́тѣх ход'ил на-цы́пч'кѣх// обижа́ццѣ/ когда́ в-глаза́ ска́жѣш//*] (с. Новый Усад); **Шумéл камы́ш** – прозвище мужчины [*во-вр'емъ с'еа́нсъ ф-клубъ зап'ёл/ шум'ёл камы́ш//*] (с. Замятино) – онимизация целого словосочетания или фразы; **Яблочко Румя́ное** – прозвище женщины [*йе́jó так в-д'е́цтвѣ ба́бушкѣ нъзыва́ль//*] (с. Семёново) – фиксированный порядок слов в прозвище свидетельствует о переходе предложения в микроантропоним (Яблочко румяное).

Деривация прозвищ синтагматическим способом может осуществляться и от персонимов в полном или трансформированном виде, например, в составных прозвищах персоним выступает как компонент, при котором содержится апеллатив-характеристика: **Анатóлий Сне́гирь** – прозвище мужчины [*так прозва́ли зѣ-л'убо́ф' к-пт'и́цѣм//*] (с. Семёново); **Ванька Бык** – прозвище Огородникова Ивана Васильевича [*тѣлстоло́бый он/ здоро́вь/ вот быко́м прозва́ли йово́/ убижа́ццѣ он/ је́сли нъзово́м так ва́нку-тѣ//*] (с. Водоватово); **Аню́шка Депута́тка** – прозвище Егоровой А.Д. [*она́ была́ у-на́с д'ипута́ткѣй ра́ншы//*] (д. Котиха). В арзамасских говорах встречаются случаи образований прозвищ от персонимов путём добавлением части предложения (синтагмы), например: **Лёнька казы́ де́ньги** – прозвище Заброкина Алексея Михайловича [*у-на́с тут је́с' л'о́нкѣ казы́ д'е́н'ги/ он нъ-выговар'ивъл кажы́/ а звал казы́// кон'ешнѣ оби́днѣ така́йѣ про́зв'иш'иѣ//*] (с. Б. Туманово).

Частным проявлением синтагматического способа образования прозвищ является атрибуция, суть которой состоит в присоединении к существительному прилагательного-конкретизатора (дифференциатора, атрибута, микроантропонимического эпитета), например: **Бéлая Ша́почка** – прозвище Старниковой Татьяны Николаевны [*си́д'а́йѣ/ з'имо́й фс'игда́ хо́дит в'-ва́зньѣй б'е́льѣй ша́пч'к'и/ зѣ-глаза́ так заву́т/ а то*

аб'ижáццъ//] (с. Хватовка); **Бóйка Бáба** – прозвище Чиркуновой Ольги Васильевны [*б'ыстръ б'эгът/ вот так йејó и прозвáли/ н'и-нъ-ковó нъ-об'ижáццъ онá//*] (с. Чернуха); **Дíкая Дивíзия** – прозвище семьи Лобановых [*д'ет'ей у-н'их мнóгъ/ да фс'е арут/ нóсьццъ// фс'е их так завут/ а скажы в-лицó/ р'заб'уд'яццъ//*] (с. Хватовка); **Сíзый Нос** – прозвище Наумова П.Л. [*цай он фс'ó вр'емъ п'јáнъй хóдит/ с-нóсьм крáсным// зов'ом йевó/ эй/ с'узый нос/ он'ат' п'јóш//*] (с. Котиха); **Сухóй Ботíнок** – прозвище мужчины [*т'онк'ий был/ съпог'и нъ-ног'е болтáйуццá/ как лóшкъ ф-стакáнъ/ вот и прозвáли сухóй бот'инък//*] (с. Шатовка).

В арзамасских говорах прозвища образуются и путём трансонимизации – «переходом онима из одного разряда в другой» [Подольская 1988, 138]. Производящей базой служат прецедентные имена исторических личностей, героев художественных произведений, фильмов, мультфильмов, например: **Кутúзов** – прозвище Трушина Александра [*кр'ивóй он нъ-од'йн глас/ вот и кут'узъф//*] (с. Абрамово); **Мичúрин** – прозвище мужчины [*вот п'ч'ему-т'ь прозвáли/ а п'ч'ему н'и-знáм// фс'е йевó так зовут/ а он нъ-об'ижáццъ///*] (с. Беговатово); **Пúшкин** – прозвище юноши [*а он у-нас фс'егда с'т'их'и с'ч'ин'ат/ вот и пушк'ин// он кудр'áв'ый/ на-пушк'инъ похóш//*] (с. Б. Туманово); **Кощ'ей** – прозвище мужчины [*он худош'ш'áв'ый//*] (с. Замятино); **Крáсная Шáпочка** – прозвище Полянского [*он с'о в-в'áзьн'ый шáп'чк'ъ хóдит/ и ф-т'оплó и ф-хóлт// уш и пр'ивык/ нъ-об'ижáццъ//*] (с. Чернуха); **Крокодíl Г'ена** – прозвище мальчика [*зват' м'енá г'енъ/ а р'еб'ат'ь зовут кр'ькод'ил г'енъ//*] (с. Волчиха); **Пáпа Рíмский** – прозвище мужчины [*б'ол'нь уш он вáжн'ый да ч'инн'ый/ как пáпъ р'имск'ый//*] (с. Мотовилово); а также топонимы: **Магадán** – прозвище мальчика [*д'áд'ь у-н'евó из-м'ьгадáнъ пр'ийеж'ж'áл/ вот и прозвáли м'ьгадáнъм//*] (с. Чернуха); **Мадрíd** – прозвище Романова Виктора Степановича [*испáнскъ былá война/он уч'áств'л//*] (с. Ленинское); **Порт Артúр** – прозвище Борисова Алексея Ивановича, 1927 г.р. [*служыл ф-*

к'ита́йь у-э́тъвъ м'э́сть/ вот так и назва́ли// н'ь-об'и́днъ//
(с. Кичанзино).

При деривации прозвищ трансонимизируются и персонимы: **Никита** - прозвище Кувырзина Алексея Евгеньевича, 1935 г.р. [*н'ик'и́тъ/ н'ик'и́тъ/ да он ф'со д'э́цтвъ н'ик'и́тъ// пр'ивы́к//*] (д. Пологовка); **Оле́ся** – прозвище юноши [*до́брый он тако́й/ как оле́съ// вот зь-дэ́броту́ души́ йево́ так и прозва́ли//*] (с. Мотовилово).

Образование прозвищ как и принципы, способы, типы номинации, мотивированность тесно связано с ассоциативностью. Например, отфамильная номинация как процесс тесно связан с возникающими ассоциациями, сближенностью производящей фамилии, её основы или фрагмента с апеллятивом или личным именем. При образовании отфамильных прозвищ возникает несколько типов ассоциаций: структурные, словообразовательные, фонетические, лексические, семантические и другие. Например, отфамильные прозвища, образованные путём усечения производящей основы до фрагмента, равного личному имени мужского рода, имеют лексическую ассоциацию с личным именем: **Абра́м** – прозвище Абрамова Михаила [*так бы́стр'ейь г'вар'и́цца/ н'ь-аб'и́жа́лс'ъ/ а т'у́т-уш пр'ивы́к//*] (с. Новый Усад), **Афо́ня** – прозвище Афонина Александра [*он афо́н'ин/ јово́ и-прозва́ли афо́н'ъ//*] (с. Абрамово), **Дави́д** – прозвище Давыдова [*фам'и́лийь мн'е давы́дъф/ а р'еба́тъ зову́т дави́т//*] (с. Мотовилово) и др. Такие прозвища первоначально являются обидными, так как любое прозвище, данное человеку окружающими, сначала воспринимается как что-то лишнее, ненужное прозываемому и встречается неодобрительно. Через некоторое время при отсутствии негативных коннотаций в прозвище и частое его употребление не только «за глаза», но и «в глаза» происходит привыкание, свыкание с именовани́ем [*аб'и́жа́лс'ъ/ н'ь-аб'и́жа́лс'ъ/ а т'у́т-уш пр'ивы́к//*]. Отфамильные прозвища, образованные подобным образом, по форме могут также представлять трансформированное личное имя, например, **Да́нька** – прозвище Данилова [*фам'и́лийь йему́ дан'и́лъф/ а зово́м йево́ да́н'къй//*]

йевó з'-д'эцтвѣ так зовут/ он нѣ-об'ижаццѣ//] (с. Рож. Майдан): Данилов → Дан(ил) + -К- → Данька.

В анализируемом антропонимическом секторе онимического пространства арзамасских говоров есть и более сложные типы ассоциаций, проявляющиеся, например, при усечении фамильной основы и присоединении прилагательного с последующей антропонимизацией словосочетания: **Решетó Худóе** (Решетова) – усечение фамилии до апеллятива «решето», присоединение на основе семантической ассоциации прилагательного «худой»; **Брáтец Лис** (Лисёнков) – усечение фамильной основы до апеллятива «лис», ассоциация со сказочным персонажем. Эти прозвища имеют негативную окраску. Подобные ассоциации могут возникать не только в связи с производящей фамилией, но и в связи с местожительством именуемого: **Кулі́к Болóтний, Кулі́к Сухопúтний** (Куликов) [*нѣ-фам'ил'ии зовут/ да ишиó и нѣ-болóтѣ жывóт// а брáтъ йовó нѣ-селé сухопúтным нѣзывáйут//]* (с. Ковакса) или в связи с особенностями характера человека: **Брáтец Лис** [*йему́ фам'ил'ийѣ лис'онкѣф/ х'итр'ый он/ вот и стáл'и зват' брáццѣм л'исѣм//]* (с. Абрамово).

Непростым остаётся вопрос разграничения отперсонимных образований: деминутивов или квалитативов и прозвищ. Отперсонимный дериват лишь тогда становится прозвищем, когда его функционирование происходит в рамках одной микросистемы, при этом он используется в качестве номинации одного конкретного лица и ничьей больше. На такую индивидуализацию указывает мотивированность информантами, например: **Валю́ша** – прозвище Кургуновой Валентины Фёдоровны [*она́ жэниш'инѣ злáйѣ/ с'-л'уд'м'и мáль рѣзговáр'ивѣт// с-к'ем захóцѣт/ нѣг'вор'ит/ а тó и н'и-стáн'ит/ ф'с'е ијó валу́шь да валу́шь/ а в-глазá н'и-скáжут]* (с. Котиха) – выражается негативная характеристика прозываемой. Возможно, прозвище образовалось от персонима *Валя* при помощи суффикса -ЮШ-, однако, этот суффикс носит уменьшительно-ласкательный характер, в деривате же явно выражена негативность, вскрываемая информантом. Негативный оттенок прозвище могло

приобрести и при образовании от деминутива *Валюша*. В таком случае способом деривации является трансантропонимизация – «переход антропонима одного вида в другой» [Подольская 1988, 138]. Здесь наблюдается явление, близкое к расхождению отношений формальной и смысловой производности, свойственное некоторым апеллятивам [см. об этом: Земская 1981, 197-198].

Иногда микроантропонимы претерпевают изменения в процессе функционирования, например: **Саво́н** – прозвище Антонова Николая Владимировича [*в-мо́льдѣстѣи рѣбѣтѣишкѣи прозвѣлѣи// снацѣлѣ был сѣвѣи/ а потѣм саво́нѣм стал// он нѣ-убѣжѣцѣи//*] (с. Ковакса) – первоначальное прозвище *Сава* образовалось путём трансантропонимизации – переходом гипокористики в прозвище, затем со временем к основе деривата добавился суффикс -ОН-, благодаря чему появилось новое прозвище.

Таким образом, при образовании микроантропонимов в говорах как микросистемах языка ведущими способами являются морфологический (суффиксация, усечение по аббревиатурному типу и аббревиация) и неморфологический (онимизация, трансонимизация, синтагматический способ и атрибуция). Установление деривационной базы прозвища напрямую зависит от причины номинации, мотивации информантом и возникшей или возникающей ассоциации. «Если же рассматривать процесс деривации расширительно, как весь процесс создания слова [речь идёт о микропонимах – А.Г.], то он объединяет в себе и номинацию (вместе с номинализацией – присвоением имени), и мотивацию, являясь, по сути дела, процессом – синкретой» [Климкова 2007, 98]. Деривация микроантропонимов аналогична.

Прозвища по образованию являются вторичными, неофициальными антропонимами, но исследование их важно в плане анализа словообразовательной системы говоров для изучения всей словообразовательной системы языка, в том числе через призму менталитета русского народа.

Выводы по главе II

Микроантропонимы – важный компонент онимического пространства, языковой (диалектной) картины мира, содержащий сведения о быте, культуре, взаимоотношениях жителей сельской местности – носителей говора. Микроантропонимическое пространство арзамасских говоров составляют микроантропонимические комплексы. Микроантропонимический комплекс включает в себя сам микроантропоним; обозначение его вида (прозвище); грамматические и коннотативные показатели; дефиницию в виде официального онима или апеллятива, представляющих лицо, к которому относится прозвище; дискурсную часть (тексты к прозвищу и/или с прозвищем, вскрывающие маршрут номинации, путь рождения слова и его жизнь в микросистеме, коннотативность), адрес микросистемы через ойконим. Дефинитивная часть микроантропонимного комплекса при родовом обозначении *прозвище* в картотеке прозвищ в арзамасских говорах представлена по-разному: только фамилия прозываемого; фамилия + имя прозываемого; фамилия + имя + отчество прозываемого; фамилия + инициалы прозываемого; обозначение лица только по полу, возрасту. Иногда в дефинитивной части указывается год рождения прозываемого. Наиболее представлены микроантропонимные комплексы с дефинитивной частью «обозначение лица только по полу, возрасту».

Лингвистические аспекты изучения прозвищ в арзамасских говорах включают в себя ономаσιологическое исследование – анализ прозвищ как компонентов онимического пространства, для чего важным является рассмотрение процесса номинации прозвищами (прозывания), мотивации, структурно-грамматического оформления именованного и деривации.

На микроантропонимную номинацию (в работе для обозначения процесса именованного используется термин «номинация», а для называния результата процесса именованного – термин «номинанта») влияют языковые и внеязыковые факторы: прозвища по-разному представляют именуемые лица, отображают их

признаки, характерные черты, род деятельности, родство с кем-либо, пропущенные через субъективное восприятие носителей говора. Всё это находит отражение в принципах, способах и типах номинации, которые тесно связаны между собой.

Принцип номинации – путь, направление создания наименований, общее исходное основание, обобщенное правило номинации как процесса отражения связи названия и денотата (прозвищная номинация является элементной; языковой (речевой); событийной; самостоятельной; непосредственной; квалификативной, релятивной или совмещённой; образной).

Способ номинации – непосредственное языковое воплощение связи названия и денотата (выделяются развёрнутый (однокомпонентный) и неразвёрнутый (неоднокомпонентный) способы номинации). В арзамасских говорах среди прозвищ преобладает неразвёрнутый способ номинации – прозывание однокомпонентной единицей, что является следствием действия в речи закона экономии языковых средств. Неразвёрнутая и развёрнутая номинация является яркой, метафоричной и ассоциативно наполненной. При развёрнутом способе номинация осуществляется составным наименованием, тождественным по форме словосочетанию или фразе.

Тип номинации – представление конкретного лица по конкретным признакам. В арзамасских говорах прозвищная номинация осуществляется по нескольким типам: по внешнему виду; по чертам характера, манере поведения; по речевой характеристике; по роду деятельности, профессии прозываемого; по социальному статусу, роли; по месту проживания; по фамилии; по персониму; по прецедентному имени; по этнической характеристике.

Наиболее продуктивными являются номинации по внешнему виду, по характеру или поведению и по речевой характеристике лица. Типы номинации по роду деятельности, профессии, по социальному статусу или роли и по месту жительства менее продуктивны в арзамасских говорах. Особое место занимают номинации по фамилии, персониму, прецедентному имени или этнониму: они

возникают от официальных именовании или слов антропонимического притяжения, поэтому в работе они рассмотрены более подробно.

Как правило, прозывание и возникающие ассоциации связаны с подчёркиванием какой-либо характерной черты человека – отрицательной (чаще) или положительной (реже), выбивающейся из общепринятых норм.

Прозывание микроантропонимом может осуществляться опосредованно (через другие слова, ассоциации) и непосредственно (без вспомогательных пояснительных элементов). Первичной является опосредованная прозвищная номинация, содержащая мотивацию, которая с течением времени может утрачиваться, результатом чего прозывание человека осуществляется непосредственно, по традиции, без объяснения причин номинации.

В региональной микросистеме прозвища делятся на мотивированные и немотивированные.

Мотивация содержится в дискурсивной части микроантропонимического комплекса: информант объясняет причину появления прозвища, рассказывает о времени и условиях его появления [*так прозв́али за/нѣтому́-штѣ*], [*так и прозв́али*], или наоборот не объясняет, затрудняется объяснить причину возникновения прозвищной номинации [*нѣ-знáй/ што так зову́т/прозв́али*].

В арзамасских говорах мотивированных прозвищ значительно больше, чем немотивированных (примерное соотношение 10 к 1). Они обладают внешней оболочкой и структурой, которые обусловлены внутренней формой микроантропонимов. Среди мотивированных прозвищ в арзамасских говорах наблюдаются семантический, структурно-семантический, фонетический и другие типы мотивации, раскрывающиеся через связь с мотивантом.

Прозвища в арзамасских говорах обладают разной степенью мотивированности: абсолютной, полной, безусловной мотивированностью; полной, но не безусловной мотивированностью; опосредованной и гипотетической.

Мотивированность прозвищ обусловлена принципами, способами и типами номинации, которые отражают характерные черты прозываемого, помогают определить внутреннюю форму. Внутренняя форма вскрывает связь между мотивантом и мотиватом, иллюстрирует отношение прозвища к мотиву номинации, выраженному соответствующим словом (словами), указывает на тип мотивированности.

С точки зрения структурно-грамматической оформленности прозвища в арзамасских говорах делятся на однословные (простые) и составные. Однословные прозвищные именованья представляют собой один компонент, имеющий простую или сложную основу, оформленный по нескольким лексико-грамматическим моделям: имя существительное мужского рода для обозначения лица мужского пола; имя существительное женского рода для обозначения лица мужского пола; имя существительное среднего рода для обозначения лица мужского пола; имя существительное женского рода для обозначения лица женского пола; имя существительное мужского рода для обозначения лица женского пола; имя существительное среднего рода для обозначения лица женского пола; имя существительное множественного числа для обозначения детей одной семьи (близнецов, двойняшек), семьи, коллектива; субстантивированные прилагательные мужского или женского рода для обозначения лиц мужского или женского пола. Типичными являются именованья лиц мужского пола словом мужского рода, а лиц женского пола словом женского рода, остальные же модели представлены меньшим количеством прозвищ.

Составные прозвища включают в себя два компонента. В языке, в том числе и в говорах, наблюдается тенденция к экономии языковых средств, а в области прозвищ – к краткой и максимально экспрессивной характеристике того или иного человека. В связи с этим составные прозвища представляют собой обычно малочисленную группу неофициальной системы именованья человека. В арзамасских говорах функционирует около двухсот составных прозвищ (количественное соотношение данных единиц с простыми

прозвищами составляет примерно 1 к 20), которые различаются по структуре и семантическому наполнению. С точки зрения структуры все составные прозвища можно разделить на три группы: составные прозвища-словосочетания (наиболее представленная группа); составные с фонетической трансформацией (составные прозвища, один из компонентов которых – чаще второй – является фонетической трансформацией другого, возникшей в результате ассоциации, например, на основе рифмы); фразовые (составные прозвища, представляющие собой высказывание).

При образовании микроантропонимов в говорах как микросистемах языка ведущими способами являются морфологический (суффиксация, усечение по аббревиатурному типу и аббревиация) и неморфологические (онимизация, трансонимизация, синтагматический способ, атрибуция). Установление деривационной базы прозвища напрямую зависит от причины номинации, мотивации информантом и возникшей или возникающей ассоциации. Прозвища по образованию являются вторичными, неофициальными антропонимами, но исследование их важно в плане анализа говоров для изучения всей словообразовательной системы языка, в том числе через призму менталитета русского народа, его творчества.

ГЛАВА III. ПРОЗВИЩА В АРЗАМАССКИХ ГОВОРАХ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

3.1. Прозвища как компонент языковой картины мира

Язык напрямую связан с существованием человека и народа в целом, «все его области, представляя огромный континуум, в котором живут отдельные языковые сущности, связанные с другими сущностями, включающие их и вместе с ними включающиеся в бóльшие, те, в свою очередь, в ещё бóльшие и т.д. вплоть до вхождения (и обзора, хотя трудно обозреть всю её сразу) в макросистему, все вместе они составляют единый огромный организм, функционирующий по общим законам, подчас своеобразно преломляющимся в каждом органе, в каждой клеточке (слове, семеме, морфеме и т.д.), в каждой сущности, частности» [Климкова 2007, 43]. Язык – это зеркало бытия человека: всё, что происходит в обществе, в мире сразу находит отражение в языке, формируя языковую картину мира. Языковая картина мира – это отражение субъективного образа объективного мира. Ю.Н. Шведова даёт комплексное определение языковой картины мира: «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своём строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, всё то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999, 15].

Разновидностью языковой картины мира является диалектная картина мира, которая отражает объективную действительность средствами диалекта, говоров. Необходимо также помнить, что языковая картина мира в целом, как и диалектная в частности, включает в себя компоненты, соответствующие языковым уровням – фонетическому, лексическому, словообразовательному, грамматическому. Лексический фрагмент содержит апеллятивный и

проприальный компоненты. В связи с этим представляется возможным говорить об онимической и уже – антропонимической картине мира как системе всех антропонимов, существующих в языке и участвующих, наряду с другими элементами языка, в «вербализации концептуальной картины мира» [о топонимической картине мира см.: Климкова 2007, 48-53].

Так, прозвища являются полноценным компонентом языковой картины мира, а точнее диалектной картины мира как составной части языковой картины мира.

Прозвищная номинация – явление многогранное, требующее комплексного подхода и всестороннего рассмотрения, так как, однажды возникнув в языке, прозвища продолжают существовать, развиваться и пополняться. Немаловажную роль в образовании прозвищ играет психологическое состояние личности прозывающего и прозываемого: их межличностные отношения, их внутреннее состояние. Например, в ситуации ссоры прозывающий может быть обижен на прозываемого, агрессивен, что найдёт отражении в обидном, оскорбляющем прозвище: **Козёл** – прозвище Антонова А. [*мы йевó козлом зовóм/ когда с'ёрдимс'ь/ а жэнá козá/ вр'еднь бáбь// зь-глазá их так зовóм//*] (д. Пиявочное); **Лярова** – прозвище Бородавкиной Марии Александровны [*йијó прозвáли л'ар'вьй/ п'тáму-шт'ь анá злáй'ь как в'ед'м'ь и с'йл'нь какá-т'ь/ б'лавáль/ как муж'ык// знаиш как аб'ижáцц'ь//*] (с. Хватовка); **Селитёр** – прозвище Селёдкина Алексея Васильевича [*уш бóл'нь вр'ед'ньй он какóй-т'ь/ как с'л'ит'óр фс'ем вр'ед'ит//*] (с. Забелино).

Прозвища – это неотъемлемая часть жизни людей, особенно в сельской местности, плод коллективного отражения окружающего мира, его критического восприятия. Прозвища в арзамасских говорах отражают особенности быта народа, например, прозвище жителей села Красное – **Матраи**, по которому было дано название тайному матрайскому (секретному) языку, придуманному ими для сохранения тайн обработки шерсти, что отражает их прежнюю деятельность: мужчины изготавливали из шерсти шляпы,

валенки, стельки; женщины вязали варежки, чулки, носки. Сейчас жители села названной деятельностью не занимаются, однако прозвище, бывшее и оставшееся коллективным, не утратило своей прежней функции, более того – расширило свои границы бытования и в говорах соседних населённых пунктов дало жизнь индивидуальным прозвищам. Например: **Матра́й** – прозвище Комарова Игоря Николаевича [*у-н'ово́ от'ец ис-кра́снъвъ/ што-ш тут об'иднъвъ/ их фс'е так зову́т// он'и там ф-кра́снъм фс'е матра́и//*] (д. Мерлино); **Матра́й** – прозвище Хотина Романа Николаевича [*у-ро́мк'и-т'и ба́ушкь ф-кра́снъм жыво́т/ а та́м-жъ матра́и/ фс'е ну и йаво́ празва́ли матра́им// н'и-аб'ижáцъ/ в'ит' в-глаза́ то́жъ заву́т//*] (с. Хватовка).

Прозвища в арзамасских говорах формируют пласт неофициальной антропонимической картины мира сельских жителей. С одной стороны, данные единицы характеризуют прозываемого, определяют его место в системе по линии «норма-ненорма» (для носителей говора) и выделяют его изо всего языкового коллектива [см. об этом главу 1, параграф 1.5], например: **Подфа́рник** – прозвище мужчины [*у-н'ево́ болшы́ кру́глы глаза́/ как подфа́рн'ик'и у-машы́ны//*] (с. Семёново) – отмечается характерная отличительная черта прозываемого – большие глаза, не такие, как у всех (в основу прозывания положено сравнение с подфарниками машины); **Попёнок** – прозвище Грошева Ивана Михайловича [*оцá-ть у-н'ово́ попом зва́ли/ а к-ч'ому́/ нъ-могу́ сказа́т//*] (д. Марьевка) – наблюдается преемственность прозвищной номинации, выделение происходит за счёт неофициального именованя отца, прозвище которого утратило мотивированность, об истинной причине его возникновения можно только догадываться; **Забода́й** – прозвище Кузнецова А.Е. [*са́нкъ дра́цъ луб'ыл/ да г'лад'ёл исподло́б'иь фс'егда́ как бык/ вот и прозва́ли йево́ э́дък/ йему́ об'иднъ/ што йево́ так зову́т//*] (с. В. Враг) – прослеживается ассоциация образа носителя говора с быком, что реализуется через связь прозвищной номинанты, отражающей

поведение, характер прозываемого [*глад'ёл исподл'об'йъ фс'егда как бык//*], с мотивантом – действием животного *забодать, бодать*.

С другой стороны, прозвища отражают взаимоотношения между носителями говора, определяют их статусный набор (совокупность социальных статусов и ролей, выполняемых человеком в обществе), например: **Полéщица** – прозвище Скворцовой Анны Ивановны [*так она работ'ят пол'еш'иц'ый/ лес к'раул'ит/ и'ю мал'ь кто н'урк'й-ть зов'от/ фс'е пол'еш'иц'ый//*] (с. Котиха) – прозвище отражает род деятельности, профессию прозываемой, которая занимает б'ольшую часть её жизни, определяет её роль в населённом пункте и диктует мотив номинации: носители говора идентифицируют Анну Ивановну как человека, работающего «полещицей», лесничим. **Поп'ович** – прозвище мужчины [*поп'ов'иц' п'ц'эму/ у-йов'о д'ет поп был/ вот и пр'озв'ли поп'ов'иц'//*] (с. Пятницы) – прозвище указывает на родственную связь прозываемого: его дед был священнослужителем, именуемым в народе пренебрежительно попом. Внук получает прозвище, структура которого напоминает отчество.

Перечисленные выше параметры прозвищ определяются как содержащаяся в них социальная информация, указывающая на статус именуемого в коллективе, на его профессию, среду деятельности и профессиональные качества, определяющая иерархические отношения коммуникантов, сообщающая сведения об имущественном положении именуемого, характеризующая именующих и именуемых и их личностные отношения [см., например: Денисова 2007, 18].

Прозывание человека в социуме не имеет возрастных ограничений: прозвище может быть дано человеку в любом возрасте носителями языка любых возрастных групп в зависимости от определённых обстоятельств, выделяющих прозываемого из языкового коллектива, подчёркивающих его недостатки или (реже) достоинства. Соответственно прозвища как компонент языковой картины мира содержат коннотативные семы – эмоционально-

экспрессивные, оценочные характеристики. Исходя из этого, все прозвища можно разделить на две группы:

- обидные – содержащие негативную, отрицательную, неодобрительную, пренебрежительную окраску, уничижающие своего обладателя, служащие средством заочного употребления, например: **Полéно** – прозвище женщины [*у-н'ей ф'игурь инт'ер'еснь/ как пол'ень н'иопт'обсьнь//*] (д. Лидовка) – обидное прозывание, содержащее характеристику внешнего вида – насмешку в сравнении фигуры прозываемой с поленом; **Раз'иня** – прозвище Горшкова Владимира [*он как'ой-ть стр'анн'ый/ н'ьукл'уж'ьй// как рот роз'ин'ь х'од'ит//*] (с. Забелино) – презрительное именование человека, в словах информанта подчёркивается странное поведение прозываемого, выделяющееся из общепринятого коллективом носителей говора; **Сап'ог** – прозвище мальчика [*сап'ог'ьм мы м'йшку зов'ом/ он сам мал'н'к'ий/ а съпог'и бол'шы н'ос'ит//*] (с. Б. Туманово) – обидная номинация, отражающая отличительную черту прозываемого – маленький рост, но большой размер обуви. Отрицательные прозвища могут иметь и насмешку, например: **Дон-Ких'от** – прозвище Тимина Саши [*он с'ад'ит на-лош'ьт'/ и ног'и д'ьста'ют почт'и д'ь-з'емл'и//*] (д. Волчиха);

- необидные – не содержащие негативных характеристик, которые включают в себя:

- а) положительные прозвища, например: **Саба** – прозвище Живова Александра [*с'ашку жив'ов'ь саб'ьй зва'ли в-д'ецтв'ь// бол'нь х'рош'о ф-футб'ол игр'ал/ а саб'ь изв'есный фудбол'ист был/ вот и прозва'ли//*] (с. Красное) – номинация содержит положительную коннотацию, заключённую в словах информанта; **Нар'одный** – прозвище Шкунова Александра Петровича [*хор'ош'ьй муж'ык/ ф'сем п'ьмог'ат/ хто н'ь-попр'ос'ит// ср'оду ш'оф'ьр'ьм раб'от'ьл/ вот и п'ьдвоз'ил/ то л'ёсу пр'ивез'от/ кому с'ён'ь/ кому йеш'ш'о ч'о-н'ет'о/ кому ч'о пон'ад'ьбиц'ь/ вот и прозва'ли нар'одн'ый/ шу'рк'ь нар'одн'ый/ ср'оду уваж'ал'и йов'о/ и ш'ш'ас уваж'ам/ хор'ош'ьй муж'ык/ срушн'ьй/ д'об'р'ьй/ труд'аг'ь//*] (с. Селякино);

Шурынька – прозвище Шкуновой Александры Васильевны [*а эт жонá народнѣвъ/ тóжъ хорóшь жэниш'инь/ бывáль/ мáмъ скáжът/ сход'и к-шурын'к'ь/ ну там за-ч'ем-н'етó/ тóжъ труд'луб'ивъ/ дóбрь//*] (с. Селякино) – уважительные номинации супругов;

б) фамильярные прозвища, например: **Гусáк** – прозвище мужчины [*нѣ-фам'илии йевó так прозвáли/ сначáль гус'/ а потóм гусáк// фам'илийъ йевó гус'ьф//*] (с. Ветошкино) – очное прозывание человека по фамилии; **Свисту́н** – прозвище мужчины [*фс'о вр'емъ с'вистáл он/ вот и с'висту́н//*] (с. Шатовка) – очное прозывание человека по его увлечению.

Прозвища в большинстве своём имеют негативную окраску, в лучшем случае выражают снисходительность, поэтому чаще используются при разговоре о третьем лице: [*а в-глазá н'е-скáжут*], [*каг-жъ/ об'ижáцъ//*], [*а он уб'ижáцъ*], [*кагда́ и в-лицó так нѣзаву́т/ кагда́ как//*]. Обидных прозвищ в арзамасских говорах значительно больше, чем необидных. Данный факт обусловлен менталитетом и традициями языкового коллектива. Исследователь А.А. Мельникова полагает, что «в русской культуре принято видимым образом проявлять свои эмоции» [Мельникова 2003, 179]. «Упор в осмыслении мира делается не на логике, а на постижении через вчувствование, через настройку на него – через конформизм с миром» [там же, 223], через показатель в линии «норма-ненорма». Тот, кто не подобен всем, кто имеет какую-либо негативную отличительную черту, подлежит осуждению, высмеиванию со стороны коллектива, что находит отражение в языке, в прозвищной картине мира, так как отрицательное мешает жить в коллективе.

С философской точки зрения, язык живёт и передаёт мысли, как народ; отражение окружающей действительности в разных языках требует разного обличия. Алан Джаллит, анализируя работы Бенджамина Ли Уорфа и Карлоса Кастанеды, отмечает, что человек должен обладать языком, чтобы понимать его нюансы: «Man must have a language to comprehend or understand the chaotic perceptions he continuously receives in his experience of reality. Language provides "a specific system" (a set of linguistic patterns) for the organization of experience

"into a consistent and readily communicable universe of ideas. Differing languages, again, will produce different experiences. It follows that each separate culture has a different world view, lives in a different "world," has "a separate reality [Gullette Alan 1975].

Обидные прозвища являются своеобразными единицами: ими происходит заочное, «заглазное» именование человека, использование прозвища третьими лицами между собой, но не для номинации прозываемого в глаза, в лицо, тем не менее носитель такого прозвища знает о нём, о его существовании. Подобные микроантропонимы указывают на недостаток (в широком смысле) прозываемого, высмеивают его, так что у человека возникает желание избавиться от прикреплённого ярлыка. Б.А. Успенский заключает, что «стремление избавиться от прозвища в каких-то случаях может быть связано со стремлением избавиться от тех семантических ассоциаций, которые в нём [прозвище – А.Г.] заложены» [Успенский 1994, 171]. Так, обидные микроантропонимы носят назидательный характер. Необидные прозвища – номены используются в обиходной речи для именованя человека в лицо, для обращения к нему, привлечения его внимания. Такие прозвищные номинации помогают идентифицировать человека, выделить его среди других, самоутвердиться в своей подчёркнутой уникальности и индивидуальности.

Базой для образования прозвищ в диалектной картине мира становятся, как правило, обыденные слова (апеллятивы или онимы), употребляющиеся в быту сельского жителя. Зачастую прозвищем становится именование животного, употребляемое в повседневной речи как просторечное, пренебрежительное, высмеивающее какой-нибудь недостаток прозываемого, например: **Козá** – прозвище Митросовой Нины Ивановны, 1952 г.р. [*о́на бо́йкь/ хо́дит пры́ткь/ прáм как коза́// обижа́цць//*] (с. Водоватово); **Козёл** – прозвище Паутова А.Н., 1953 г.р. [*э́х мужы́к плохо́й/ страх/ проты́внъй/ злой// в-глаза́-ть нъ-зову́т/ помы́луй бох//*] (с. Каменка); **Осе́л** – прозвище мальчика [*у́шы у-нево́ длы́нны/ как у-осла́//*] (с.

Семёново); **Пету́х** – прозвище мужчины [*фс'егда́ п'я́ный д'ер'о́ццъ/ как п'ету́х// йему́ фс'о равно́// он фс'егда́ п'я́ный//*] (с. Рож. Майдан).

Прозвища в арзамасских говорах составляют один из фрагментов языковой картины мира, отражающий мировосприятие сельского жителя, его быт и традиции, реализующийся в разговорной речи. «Разговорный язык [язык вообще, включая устную и письменную формы – А.Г.] есть часть человеческого организма, и он не менее сложен, чем этот организм. Для человека невозможно непосредственно вывести логику языка. Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела» [Витгенштейн, 4.002].

Подобное «переодевание» находит отражение в прозвищах в арзамасских говорах: **Караку́м, Саха́ра** – прозвища девочки [*она́ конф'еты л'уб'и́ль к'раку́м/ вот и проз'а́ли к'раку́м/ а пото́м саха́р'ь ст'а́ли зват'//*] (с. Б. Туманово) – смена номинации за счёт ассоциации с пустыней: Каракум (конфеты) → Каракум (прозвище девочки, любящей конфеты Каракум) → Каракумы (ассоциация с названием пустыни) → Сахара (ассоциация по обозначаемому предмету, тоже пустыня, крупнейшая в мире → самая известная) → Сахара (прозвище девочки, именуемой раньше Каракум). Переодетая мысль кроется практически в каждом прозвище, что обусловлено особенностями самой изучаемой единицы как дополнительного именованного, данного человеку за какую-либо характерную особенность: **Се́кало** – прозвище женщины [*в'е́сть з'е́ркль г'вор'и́т с'е́кль//*] (с. Мотовилово). Получается, что микроантропоним просто облачает индивидуализирующую черту в словесное одеяние, приходящееся по вкусу носителям говора, как «диктаторам моды», которые выступают в роли словесных кутюрье, общественных критиков, изобличающих пороки и недостатки. Прозвища отражают культуру сельских жителей, отдельной личности и тем самым народную культуру.

Н.В. Гоголь в повести «Мёртвые души» подметил: «Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света, и как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое поприще, – ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица». Писатель совершенно справедливо и точно подчёркивает эмоционально-экспрессивную составляющую микроантропонимов. Прозвища есть в каждом сельском коллективе, и не только сельском.

Микроантропонимы репрезентируют человека таким, каким его видят и воспринимают прозывающие носители говора, вынося в прозвищную номинацию те качества и характеристики личности, которые они подмечают, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. В зависимости от места, среды возникновения прозвища складывается его существование в речи, его судьба. Так, индивидуальные (или лично-индивидуальные) прозвища делятся в соответствии со средой, в которой они появляются. Однако, появившись в том или ином узком коллективе (в семье, в школе, профессиональном объединении), они выходят за его пределы и становятся достоянием всех жителей села.

Внутрисемейные прозвища возникают в семье, как правило, даются старшими младшим, родителями детям и носят чаще необидный характер. **Бра́тынька** – прозвище Блохина Петра Ивановича [*бы́ли два бра́ть/ он’и фс’егда с’иб’а бра́ткъм’и зва́ли/ так од’ин и оста́лс’ь бра́тын’къ//*] (с. Ковакса); **Бу́лочка** – прозвище женщины [*ма́т’ в-де́цтв’ь ла́скъвъ зва́ла ѳејо́ бу́льч’къй//*] (с. Мотовилово). Довольно редко встречаются обидные семейные прозвища, которые получают широкое распространение, если о них узнаёт кто-то не из членов семьи, например: **Бакла́н** – прозвище мальчика [*башка́ у-нево́ пустай’ь/ а ма́т’ фс’егда г’вор’ит/ бакла́н пу́стой/ вот и мы бакла́нъм зов’ом//*] (с. Ковакса). Фамильярные, коннотативные внутрисемейные прозвища функционируют лишь в узком семейном кругу, а

вырываясь за его пределы, приживаются в речи носителей говора или не используются вообще. Внутрисемейных прозвищ в арзамасских говорах – около 1%.

Детские прозвища даются языковым коллективом (не семьёй) ребёнку в детстве за особенности речи, например: **Бакарéй** – прозвище мальчика [*бъкал'ейъ нъ-выговáр'ивъл// фс'о бъкар'ейъ да бъкар'ейъ/ вот и прозвáли бъкар'ей//*] (с. Котиха); или за смешные, курьёзные случаи, например: **Барабáн** – прозвище Федотова Владимира Ивановича [*он когдá мán'н'к'ий был/ фс'о з-бърабáнъм ход'ыл/ вот бърабáнъм и прозвъл'и// в-глазá нъ-нъзовут/ уб'ижáццъ//*] (с. Бебяево); **Бáрин** – прозвище Бутусова Александра Ивановича [*когдá был мál'н'к'ый/ пр'ишóл ф-клуп/ лóк на-сцэнъ и орóт/ ја как бáрин// с'ейцáс нъзовут/ нъ-уб'ижáццъ//*] (с. Ковакса).

Подобные прозвища могут пойти с человеком по жизни и использоваться носителями говора, когда прозываемый уже вырос, повзрослел, например: **Абáня** – прозвище мужчины [*он м'эсть пán'н'а звал абáнъ/ вóт и зовут јовó абáн'а//*] (с. Беговатово).

Детских прозвищ в арзамасских говорах насчитывается примерно 3%.

Школьные прозвища образуются в школьной среде и носят чаще отрицательный или реже фамильярный характер, содержат:

- насмешку над внешним видом или чертой характера: **Занóза** – прозвище мальчика [*как занóзь в'езд'е л'эзът//*] (с. Ковакса); **Барс** – прозвище мальчика [*шуркъ барáнъф нп'исáл на-гáлстукъ/ бар//с// пълуч'илъс' барс/ а хот'ел фам'ил'ийу и им'а нп'исáт// вот и зовóм йевó барс//*] (с. Чернуха) – в основе прозывания лежит прецедентный случай.

- похвалу, уважение: **Архимéd** – прозвище мальчика [*съброжáт зóбръвъ/ вот и-арх'им'эт//*] (с. Чернуха);

- отфамильную номинацию: **Нос** – прозвище мальчика [*фам'ил'ийъ йему нóсъф/ вот и прозвáли йевó нос//*] (с. Чернуха).

Школьные прозвища составляют примерно 6,5% от общего количества прозвищ в арзамасских говорах.

Среди детских и школьных прозвищ можно выделить особую группу прозвищ-дразнилок, например: **Бобóнька** – прозвище мальчика [*зову́т йево́ лóнкъ/ а мы лóнкъ-бобóнкъ// склáднъ так// он нъ-обижа́ццъ// мы йево́ так прóстъ дра́жн'им//*] (с. Вол. Майдан).

Профессиональные прозвища появляются в рабочем коллективе, отражают профессиональные качества прозываемых, называют их профессию или указывают на род деятельности, например: **Агронóмка** – прозвище женщины [*а зову́т так пътому́-штъ агронóмъм рабóтълъ// вот и агронóмкъ*] (с. Шатовка); **Батра́к** – прозвище Лиленкова Бориса [*фс'у жы́зн'у рабóтъл/ высóкый/ здарóвый/ уш ум'ър// мнóгъ-мнóгъ рабóтъл/ как батра́к/ пътаму́ так и зва́ли/ но он нъ-аб'ижáлс'ъ//*] (с. Н. Усад); **Бóндарь** – прозвище мужчины [*он бóндър'ъм был//*] (с. Мотовилово).

Профессиональных прозвищ в арзамасских говорах приблизительно 1,5%.

Индивидуальные прозвища возникают в населённом пункте, являясь зеркалом общественного мнения о человеке, иллюстрируют характерные особенности прозываемого, отношение к нему, его статус среди носителей говора, например: **Носорóг** – прозвище Назарова Владимира [*нос у-н'овó бол'шóй/ как у-нъсорóгъ//*] (с. Абрамово); **Ню́халка** – прозвище женщины [*она́ фс'о вр'ёмъ табáк ну́хът/ так и зову́т ну́хълкъ//*] (с. Беговатово). Такие единицы в арзамасских говорах наиболее распространены – приблизительно 88%.

Прозвища – это реализация культурной традиции: в арзамасских говорах функционируют прозвища, образовавшиеся от именовании из языческих верований, народных преданий или сказок, например: **Бараба́шкин** – прозвище мужчины [*он д'ьбошы́р//*] (с. Пешелань) – в основу именовании положена особенность поведения, как у *барабашки* (барабашка в народных суевериях –

«невидимое существо, поселяющееся в доме и оказывающее хозяевам помощь или приносящее вред; домовой» [Толковый словарь... 1998, 75]); **Геркулэс** – прозвище юноши [*г'ъркул'эсьм-тъ во́фку зовут/ он фс'о вр'ёмъ на-т'ошь об'ита́ццъ//*] (с. Б. Туманово) – по имени древнегреческого героя Геркулеса из мифов; **Лэший** – прозвище юноши [*йево́ зовут л'ошьй/ а мы зов'ом л'эшьй//*] (с. Семёново) – по именованию языческого духа леса.

Прозвище возникает только в узком, тесном коллективе людей, является знаком принадлежности к этому коллективу. Даже уничижительные прозвища (а их в микросистеме или нет или они единичны, поскольку имеют очень, резко отрицательную окраску, отрицательную в высшей степени) не исключают прозываемое лицо из коллектива (уничижительные, но не уничтожающие морально, духовно). Прозвища, хотя и отрицательные, но отрицательные, так сказать, по-доброму (как ни парадоксально это звучит), скорее, они отражают критическое отношение к недостаткам именуемых лиц, и в то же время – снисходительность, терпимость, жалость к самим людям (особенно к лицам с физическими недостатками, речевыми дефектами, отражёнными в прозвищах), как к своим, относящимся к своему коллективу. И даже в самом факте «заглазного» употребления прозвищ проявляется щадящее отношение к именуемому.

Таким образом, существование, функционирование прозвищ связано с такими концептами, как «свой», «терпимость», «жалость», причём жалость, как выше отмечено, соотносится с единицами, отмечающими физические недостатки, речевые дефекты, то есть то, что не зависит от самого человека, а ниспослано ему, «терпимость» же – с единицами, отмечающими отрицательные черты характера, поведения, то, что предполагает коррективы со стороны самого человека, искоренение таких недостатков его усилиями, пока же – вынужденное примирение коллектива с отмеченными тем или иным прозвищем недостатками [ср. взгляд на «терпимость»: Павлов 2008, 81].

Итак, в диалектной картине мира прозвища являются естественным языковым знаком, отражающим взаимоотношения людей. Прозвища в своём

создании и в своём употреблении являются показателем культуры общества и внутренней культуры личности. Чем выше уровень культуры, тем меньше негативных коннотаций содержат прозвищные номинации, тем меньше прозвищ появляется в речи. Прозвище проявляет фоновые знания диалектоносителей, их уровень и объём. За пределами диалекта, например, в школьной среде, учитель должен воспитывать учащихся в плане повышения культуры речи, в частности, отмечать, что негативные прозвища обижают человека, несут собой агрессию, поэтому они в речи нежелательны. Факт уменьшения количества прозвищ в школьной среде обусловлен развитием культуры человека, его образованности и воспитанности.

Прозвища отражают индивидуальные особенности определённого человека, указывая на место жительства, внешний вид, род деятельности, характер, поведение, речь прозываемого, и чаще всего имеют негативную коннотацию. Реализуясь в говорах, они составляют фрагмент языковой картины мира.

3.2. Системные отношения прозвищ

Язык представляет собой систему, где все его единицы связаны между собой системными отношениями. Как уже говорилось ранее (см. 1 главу), проприальная лексика в целом и прозвища в частности обладает специфическими системными отношениями по сравнению с апеллятивами.

Об онимической лексике говорят обычно как о слабо организованной системе, где материал обладает «невысоким коэффициентом системности». Однако некоторые пласты онимической лексики, особенно имена с субъективной оценкой, не уступают по системным отношениям лексике нарицательной [см.: Бондалетов 1983, 35].

По мнению В.А. Гречко, имена собственные есть особый класс знаков, который, несмотря на функционирование в непосредственных семантических и грамматических связях с именами нарицательными, не вступает с ними во

внутриязыковые системные отношения, свойственные лексике нарицательной (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия и др.) [см.: Гречко 2003, 243].

«Промежуточное положение» имён собственных между обычными языковыми и «иероглифическими» элементами текста (иностранными словами и выражениями, аббревиатурами, символами специализированных знаков и т.п.) и их «относительную самостоятельность» признаёт В.Н. Топоров [Топоров 1964, 9]. Зависимое употребление двух или нескольких собственных имён, например: Старый – Новый, Валентин – Валентина, а также наличие онимов, находящихся друг к другу в отношении производности, например: Иван – Иванушка, лингвист считает проявлением системных отношений в ономастике [см.: там же, 18].

Системные отношения имён собственных существенно отличаются от системных отношений нарицательных: омонимия, полисемия, синонимия и антонимия связаны с понятийной стороной слова, которая «ущербна» у онимов, поэтому их проявление носит иной характер [см.: 1 глава, параграф 1.1].

Прозвищам, как и онимам в целом, присущи тезоимённость (в отличие от омонимии в области нарицательных имён) и полионимия (в отличие от синонимии в области апеллятивов).

Тезоимённость – использование внешне одного имени (одного и того же звукового комплекса) для разных объектов в одном онимическом поле [Подольская 1978, 131]. Тезоименность прозвищ в арзамасских говорах проявляется на межмикросистемном уровне: одинаковые по форме прозвища именуют лиц разных населенных пунктов, например: **Хитрый** – прозвище Илюхина В.И. [*в'ит'ку н'ашъвъ х'итрым празв'али/ фс'о у-н'ив'о с-выгъдъй/ фс'о ръш'ш'ит'ат// аб'иж'аццъ он//*] (д. Пушкарка) – номинация по характеру, поведению; **Хитрый** – прозвище мужчины по фамилии Горячкин [*у-н'их ф-с'ем'је мн'огъ дурак'оф б'ылъ/ од'ин он п'умн'ей/ вот и х'итрый// нъ-об'иж'аццъ//*] (с. Красное); **Хитрый** – прозвище юноши [*вот к'ур'ицу ог'ор'ът/ он ф-ст'ран'е ста'ит/ а как с'адут јес'т/ то с'амый п'ервый//*] (с. Казаково), **Хитрый** – прозвище мужчины [*он так'ой х'итрый/*

въопиш'шэ-тъ он из-брáт'йьф х'итр'ейь фс'ех/ вот и прозвáл'и х'итрый//] (с. Шатовка) – все прозвища имеют общий тип номинации разных людей по одной черте характера – хитрости, проявляемой по-разному.

В арзамасских говорах тезоимённость представлена свыше 200 единиц, которые имеют от 2 до 15 параллелей употребления внешне одинакового звукового комплекса в разных населённых пунктах. Чаще всего одинаковые по форме микроантропонимы появляются на основе разных типов номинации. Так, например, в арзамасских говорах функционирует 8 прозвищных номинант **Казáк**, различающихся номинацией в микросистемах:

- по умениям, сноровке, манере поведения, характеру: **Казáк** – прозвище Кондратьева Леонида Ивановича [*он на-лóшьд'и гон'áл бы'стрь/ вот и прозвáл'и казáк/ нъ-об'ижáлс'ь//*] (д. Шатовка); **Казáк** – прозвище мужчины [*он бы'стрый/ врóдъ-бы р'зворóтлив'ьй/ вот и зовут къзакóм//*] (с. Водоватово); **Казáк** – прозвище Чешнёва Алексея [*в-роб'áтъх он бóйк'ьй зр'а был/ на-лóшьд'и как казáк ј'ез'зил//*] (с. Абрамово); **Казáк** – прозвище женщины [*óч'ьн' шу'стр'ьйь/ подв'и'жн'ьй ж'э'н'и'ш'ин'ь/ куда угóдн'ь пойд'óт/ и што угóдн'ь з'д'ел'ьй'т//*] (с. Семёново) – мужское прозвище по отношению к женщине усиливает экспрессивность, подчёркивает характерную её черту, уравнивая носительницу именованного с представителями противоположного пола;

- по месту службы: **Казáк** – прозвище мужчины [*служ'ыл ф-къзакáх//*] (с. Заречное);

- по внешнему виду: **Казáк** – прозвище мужчины [*кудр'áвый он/ как казáк/ вот и прозвáл'и къзакóм//*] (с. Чернуха);

- по родственникам: **Казáк** – прозвище Кондратьева Леонида Ивановича [*мат' йевó прозвáл'и казáч'их'ь/ а йевó по-мáт'ьр'и/ къзакóм//*] (д. Шатовка);

- по национальности: **Казák** – прозвище Головкина Вениамина Васильевича [*он па-на́цыйь казák/ да-та́к и заву́т къзакóм// и д'ит'ей йивó заву́т// да а што аб'ижáццъ-ть//*] (с. Хватовка);

- по фамилии: **Казák** – прозвище мальчика [*от-фам'и́лийи каза́нцъв//*] (с. Семёново); **Казák** – прозвище Головкина Вениамина Васильевича [*у-н'и́х у́лишнь фам'и́лийь каза́чк'ины/ и йавó празва́ли къзакóм// крас'ивъ заву́т//*] (с. Хватовка).

Примечателен факт, что наибольшее количество параллелей в арзамасских говорах имеет прозвище **Баран** – 15 номинант в разных языковых коллективах. Все эти микроантропонимы сводятся всего лишь к трём типам номинации:

1. по внешнему виду: **Барáн** – прозвище Тукова Николая [*у-н'и́х фс'у родн'у тукóвых-т'и барáнъм'и зову́т/ он'е уш бóлнь кудр'áвы/ он'е зна́йут/ што их так зову́т/ но в-глазá нъ-нъзыва́йут//*] (с. Красное);

Барáн – прозвище Афанасьева Ивана Васильевича [*кудр'áвый он бóлнь был/ во́льсы э́дък ко́лцъм'и/ празва́ли барáн*] (с. Беговатово); **Барáн** – прозвище Комкова Александра [*во́льсы у-н'овó уш-бóлнь кудр'áвы дъ-густ'эи как у-барáнъ// кудр'áв'ей он был/ как барáн//*] (с. Абрамово);

2. по черте характера: **Барáн** – прозвище Маркова Виктора Михайловича [*барáнъм-ть йевó п'тому́ прозва́ли/ што уш бóлнь негóдный нъ-харáкт'ър/ упр'áмый и злой//*]; [*йевó барáнъм п'тому́ зову́т/ што уш бóлнь упр'áмый/ пр'ам как барáн//*] (с. Булдаково); **Баран** – прозвище Хабужова Василия Сергеевича [*шы́пкъ уш упр'áмый был/ н'иковó н'и-слу́шъл/ фс'о п'-свому́ д'ел'ъл// на-э́ть он об'ижáлс'ъ*] (с. Семёново); **Барáн** – прозвище Мельникова Юрия [*ју́рь м'ел'н'икъф упр'áмый о́ч'ьн'/ как барáн/ вот йовó и прóзв'эли барáнъм*] (с. Водоватово); **Барáн** – прозвище Елохина Анатолия Викторовича [*он такóй упр'áмый/ кошма́р/ как упр'óццъ/ с'-м'есть не-з'д'в'и́н'ьш*] (с. Никольское); **Барáн** – прозвище мальчика [*он упр'áмый/ как барáн/ мы јевó з'-д'е́цтв'ь так зов'ом*] (с. Криуша); **Барáн** – прозвище Гринина Ивана Ивановича [*упр'áмый/ как*

барáн// в-глазá йаму так нъ-гъвар'и́ли/ аб'иччывыи бо́лнъ был//
(с. Н. Усад);

3. по фамилии: **Барáн** – прозвище мальчика [*фам'и́лийъ јему барáнъф/ а прозváли барáнъм*] (с. Чернуха); **Барáн** – прозвище мальчика [*фам'и́лийъ јему барáнъф/ вот-ы прозváли јевó барáнъм// да/ аб'ижáццъ*] (с. Мотовилово).

В некоторых населённых пунктах первый и второй типы совмещаются в прозвище, накладываясь один на другой: **Барáн** – прозвище мужчины [*во́льсы у-н'евó курчáвийъ/ а сам тупóй// за-э́тъ јевó и прозváли барáнъм//*] (с. Селёма); **Барáн** – прозвище Гордеева Александра [*тупóй он/ и кудр'áвий он/ вот и зовут/ барáн// да он нъ-об'ижáццъ//*] (с. Мотовилово). Следует отметить, что бо́льшая часть прозвищ **Баран** носит отрицательный характер, что связано с действием ассоциации с апеллятивом *баран*, имеющим переносное метафорическое значение, семы “упрямый”, “тупой”. Этот факт находит отражение в мотивации: **Барáн** – прозвище Антонова В. [*о́дновó козлóм зовóм/ другóвъ/ барáнъм/ ругáм мы их так*] (д. Пиявочное). Ещё одно прозвище утратило первоначальную мотивированность, поэтому объяснить причину его возникновения стало невозможно: **Барáн** – прозвище мальчика [*у-н'егó оцá так звáли/ а нъ-оццú и јевó барáнъм зовут// а нч'ему оцá так прозváли/ н'е-знáйу//*] (с. Волчиха) – мальчика прозвали по отцу, а вот почему у отца было такое прозвище – неизвестно.

В арзамасских говорах встречаются случаи проявления тезоимённости прозвищ в пределах одного населённого пункта, например, в селе Новый Усад: **Абрáм** – прозвище Копытина Михаила Абрамовича [*м'и́шку-тъ абрáмъм завóм/ ат'е́ц йивó абрáмъм был/ эх и харóш мужы́к был/ фс'игдá памóжът/ и м'и́шкъ такóй/ вот и-завóм йивó тák-тъ/ а он нъ-аб'ижáццъ//*] и **Абрáм** – прозвище Абрамова Михаила [*так быстр'ейъ гъвар'и́ццъ/ аб'ижáлс'ъ/ а тут-уш пр'ивы́к*] – первое именование передалось сыну от отца, которого звали Абрам (возможно, официальный персоним); второе именование напрямую связано с фамилией прозываемого:

микроантропоним образовался путём усечения производящей фамилии до персонимного элемента. (Словник тезоименных единиц см. в Приложении 5).

Другое явление в области парадигматических отношений прозвищ – полионимия (многоимённость) – представлено в арзамасских говорах слабо, единичными примерами. Так, Мельников Иван из с. Абрамова имеет 2 прозвища: **Баран** [*кудр'áвъй он был как барáн//*] и **Фантомас** [*он к'инъм'ехáникъм ф-клубу рабóтът/ за-э́тъ раб'áты и празвáли//*]: первое – по внешнему облику, второе – по работе, ассоциативное с именем киногероя. Вероятно, оба прозвища объединены одним мотивом – номинацией по волосам: в первом прозвище содержится прямое указание на это в словах информанта, второе же, думается, представляет собой прозвище-антипод, прозвище-перевертыш (Фантомас – лысый герой фильма). Однако данная версия является лишь гипотезой, подтверждение которой отсутствует в мотивировке.

На уровне мотивированности прозвища могут вступать в гипонимические отношения в рамках именовании людей одной семьи, например: **Батон** – прозвище Шевцова Александра [*мат' булкъ/ а он батóн// jéть об'иднъ/ бóлнъ с'мишнó//*] (с. Б. Туманово) – именовании матери и сына имеют общий мотив именовании по названиям хлебо-булочных изделий. Подобные проявления парадигматических отношений в арзамасских говорах также единичны.

Стоит обратить внимание на системные отношения этнонимных прозвищ как ярких классификаторов в говоре по линии «свой-чужой», где «чужой», не похожий на всех, не соответствует норме, оценивается негативно, подвергается критике.

В зависимости от качества и количества образуемых от одного этнонима прозвищных номинаций можно выделить несколько групп:

- **единичные** прозвища (от одного этнонима образуется одно прозвище, функционирующее в одном говоре), например: **Афганец** – прозвище молодого мужчины [*в-авган'истáнъ служы́л он/ jевó и назвáли*

авга́н'иц] (с. Новый Усад); **Кирги́з** – прозвище Коршунова Игоря [*нъ-ли́цо он т'омный/ вот р'б'ит'ишк'и и празва́ли// так и пр'ижыло́с'//*], [*ру́сский он/ нъ-к'ирг'и́зь-т'и аб'и́жа́ццъ// мо́рду варо́т'ит//*] (с. Хватовка);

- **параллельные однокоренные** прозвища (от одного этнонима образуется несколько прозвищ, функционирующих в разных говорах), например: **Цыга́н** – прозвище Труханова И.А. [*он был ч'орн'ый/ куч'ир'ав'ей как цыга́н// оби́жа́лс' он//*] (п. Балахониха); **Цыга́нка** – прозвище женщины [*она́ така́ ц'орн'ь/ как цыга́нкъ//*] (с. Костылиха); **Цыганёнок** – прозвище Царькова Алексея Васильевича [*у-н'аво́ во́льсы бы́ли ч'орны/ кудр'авы// нъ-аб'и́жа́лс'ь/ да́жъ цыга́н'чку стал т'н'цыва́т'//*] (с. Новый Усад). В эту же группу входят гендерные прозвища: **Не́мец** (с. Хватовка) – **Не́мка** (с. Ковакса), **Чува́ш** (с. Абрамово) – **Чува́шка** (с. Котиха), **Яку́т** (с. Б. Туманово) – **Яку́тка** (с. Абрамово).

- **тезоимённые** прозвища (от одного этнонима образуются внешне одинаковые прозвища, функционирующие в разных говорах), например: **Грузи́н** – прозвище мальчика [*он нъ-базар'ь я́бл'к'и пр'еда́ют/ вот груз'и́н'ьм и зову́т//*] (с. Водоватово); **Грузи́н** – прозвище мужчины [*ч'орный он и то́лстый/ похóш нъ-груз'и́н'ь//*] (с. Ветошкино); **Грузи́н** – прозвище Ирхина Виктора [*ч'орн'ый он/ стра́шн'ый како́й-т'ь/ нъ-груз'и́н'ь похóш//*] (с. Абрамово) и другие.

Выделение параллельных однокоренных прозвищ в отдельную группу является условным: как и тезоимённые прозвища, данные единицы функционируют в разных говорах. Отличаются они наличием суффиксов, отражающих гендерную характеристику, поэтому параллельные однокоренные прозвища можно признать подгруппой тезоимённых прозвищ.

Таким образом, прозвищам в арзамасских говорах присущи тезоимённость и полионимия. Соотношение тезоимённых прозвищ к общему числу прозвищ в арзамасских говорах составляет приблизительно 1 к 5 (свыше 200 параллелей, примерно 800 прозвищ). Тезоимённые прозвища отличаются

друг от друга типом номинации. Полионимия же представлена в говорах мало, что обусловлено законом экономии языковых средств: достаточно одним прозвищем номинировать человека, выразив его характерную особенность и отношение к нему.

3.3. Функционирование прозвищ в арзамасских говорах

Слова функционируют в речи, то есть выполняют определённую роль, реализуя своё назначение. Внимание к функциональной стороне имён собственных позволяет выделить свойственные им основные функции – номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую. В качестве второстепенных выступают функции – социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая, функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая [см., например: Бондалетов 1983, 21]. Вследствие своей социальной функции – служить индивидуализирующим указанием на определенный предмет – имя собственное способно сохранять свою основную значимость при полном затемнении его этимологического значения, то есть при полной невозможности мотивированно связать его с какими-либо другими словами того же языка. Назначение антропонима, а соответственно и прозвища, – быть именовани^{ем}, то есть «словом, которым данного субъекта обычно называют, под которым он известен в коллективе» [Данилина 1977, 69].

Прозвища обладают функциональной вторичностью: прозвище – вторичное, более конкретное наименование лица, которое уже имеет оним или онимы (вообще, оним – вторичное наименование, имя нарицательное – первичное). При упоминании прозвища каждому члену языкового коллектива становится понятным, о ком именно идёт речь. Например: **Бажá** [*ивáнь па-д'еду завут/ д'ет у-н'иво бажáньф был// он н'ь-об'ижáцць//*] (д. Пушкирка), **Зйна** [*з'инь/ эть у-нас с'ер'ошкь з'иньф/ вот п'цаньí жевó*

так прозв́а́ли// о́н нъ-объижа́йць//] (с. Мотовилово), **Кéка** [*кéч'ин колáн / вот и зову́т кéкъ*] (д. Марьевка), **Сéма́шка** [*с'еро́шку с'ом'инь с'омáшкъй зовут*] (с. Абрамово) и др. Прозвищем называют, а точнее прозывают, человека, оно устанавливает соответствие своего носителя определённому языковому коллективу, в то же время выделяет его из общей массы носителей говора, подчёркивая индивидуальность, то есть прозвище, как любой оним, выполняет номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую функции.

Говоря о специальных ономастических функциях, А.В. Суперанская отмечает функцию идентификации объекта, «включающую в себя ряд подфункций: различение (дифференциация), адрес (нахождение координат объекта), выделение, противопоставление, характеристику (описание)» [Суперанская 1973, 274]. При прозывании человека носители говора подмечают какую-либо его отличительную черту, не соответствующую норме, принятой в данном коллективе, и дают прозвище-характеристику (ярлык, бирку), по которой легко узнают, о ком идёт речь при общении «за глаза». В таком случае следует отметить ещё и дейктическую функцию: прозвище при заочном, «заглазном» употреблении указывает на своего носителя, например, **Гонобóб** – прозвище Рослова Виктора Павловича [*был ма́н'инкъй в-йас'л'áх/ и йому гъворáт/ как'и глáск'и/ как у-гънобóбъ// в-глазá н'и-зов'ом/ а то об'ижа́ць бóлнь//*] (с. Семёново) [гонобоб – ягода голубика]; **Дикóй** – прозвище Олега Балабина [*он фс'о молцы́т/ с'-н'им н'ектó нъ-ръзговáр'ивът//*], [*он фс'о молцы́т/ уб'ижа́ць/ да//*] (с. Водоватово).

При употреблении прозвища благодаря его идентифицирующей функции у носителей говора (список информантов см. в Приложении 2) возникает образ прозываемого человека, например: **Аккурáтный** [*бáр'ин у-нас был анóшын/ а у-н'евó шут был шáт'фск'ий/ звáли жево́ акурáтный/ п'тому-што/ когда́ г-бар'ину пр'ижежа́ли гóс'т'и/ то шут фс'о выполн'áл акурáтнь/ вот жево́ и прозв́а́ли акурáтным//*]; [*акурáтным бáр'ин жево́ прозв́ал// когда́ пр'ижежа́ли г-бар'ину гóс'т'и/ он такóй акурáтный*

пр'ипарáдициць] (с. Шатовка), **Ахмёт** [*он похóж нь-татар'инь и служыл в-áрмии с-татаръм'и// а имъ жево вас'ил'ий//*] (с. Ветошкино), **Зинка Глóбус** [*одну бáбу знáжу/ у-н'ей г'лова бол'шáйъ/ вот глóбус и зов'ом//*] (с. Саблуково), **Змей** – прозвище Борисова Е.И., 1950 г.р. [*злой он/ вр'едный мужык-ът/ вот так и нъзывáйут//*] (с. Чернуха).

Прозвище-характеристика отражает свойства именуемого объекта, описывает его и содержит оценку. Такие прозвища различаются по типам номинации, эксплицируя:

- внешний вид: **Вáнька Дугá** – прозвище мужчины [*высóкий был/ как дугá/ вот и прозвáли вáнкъ дугá//*] (с. Чернуха)

- речь: **Авóська** – прозвище Пижина Бориса Алексеевича [*вм'естъ жесл'и г'варыл авóс'/ он и стал авóскъ], [кагда так завут/ сам см'ејоциць]* (с. Новый Усад);

- поведение: **Жук** – прозвище мальчика [*х'итрый он/ как жук// фс'áч'ьск'и уклонáйыциць ат-атв'етъф нь-урóкъх]* (с. Семёново) и др.

Характеризующая функция является наиболее актуальной в сфере общения всего языкового коллектива определённого населённого пункта [см.: Суперанская 1973, 272].

Среди носителей говора прозвища прочно укореняются в связи с активным использованием в речи: закон экономии языковых средств приводит к тому, что проще, адекватнее назвать человека по прозвищу, например, **Аксёниха** – прозвище Калсуниновой Анны Сергеевны [*а на-д'ев'ич'ийи так зав'ом/ давнó-уш/ в-д'эфкъх анá акс'онъвъ былá/ вот и празвáли акс'он'ихъй/ а анá уш и пр'ивыкль]* (с. Новый Усад), указав на прозываемого (за глаза), подчеркнуть его недостатки: **Баклáн** – прозвище мальчика [*башкá у-н'овó пустáйъ/ а мат' фс'егдá г'ворыт/ баклáн пустóй/ вот и мы баклáнъм зов'ом//*] (с. Ковакса), **Карáка** – прозвище женщины [*онá хóдит в-р'ьскорáку/ поэтъму и прозвáли карáкъ//*] (д. Судеб).

Прозвища экспрессивно, эмоционально, оценочно окрашены. Прозвищная номинанта может содержать:

- эмосему (оценку по шкале «положительные-отрицательные эмоции»), например, **Бандюга** – прозвище Ерина Михаила Александровича, 1958 г.р. [*мъладой самый разбойный был*], [*как токъ так нъзавут/ сразу драццъ*] (с. Новый Усад) – неодобрительное;
- аксиосему (оценку по шкале «хорошо-плохо», «добро-зло»), например, **Барабан** – прозвище женщины [*уш колй она возм'оццъ ръзговаривът'/ так н'екто нъ-важыс'/ как бърабан гремйт*] (с. Костылиха) – “плохо”;
- экспрессему (оценку по шкале «много-мало»), например, **Ушан** – прозвище мальчика [*у-новó ушы болшэйи/ вот ушанъм и зовут//*] (с. Селёма) – экспрессема “много”.

Отношения между категориями эмотивности, оценочности и экспрессивности определяются как отношения взаимообусловленности и интенсивности: «Вместе с тем все эти категории в отдельности, в различных сочетаниях и в совокупности противопоставлены обобщённой категории нейтральности как показатель субъективно окрашенных и субъективно ориентированных компонентов в семантике лексических единиц» [Цоллер 1998, 53]. Зачастую в микроантропонимах наблюдается синкретизм в эмоционально-экспрессивно-оценочном значении, например: **Баржа** – очень толстая женщина [*зр'а толсту жэнишину зов'ом барж'а/ эдък зъ-глаз'а зов'ом/ об'иднь п'тому-штъ//*] (с. Вас. Враг) – прозвище содержит экспрессему “много”, аксиосему “плохо” и эмосему “отрицательные эмоции”.

Прозвища выражают отношение говорящего к именуемому, причём здесь велика роль ассоциативности: **Бес** – прозвище Беспалова Сергея [*озорн'ик он у-н'их/ как бес// да-шшы фам'йл'йъ как'а-т'ь сх'однь//*] (с. Абрамово); **Ерш** – прозвище мужчины [*злой он/ јершыстый/ кол'уч'ий*] (с. Семёново), **Клоп** – прозвище Бубнова Михаила [*н'ьсур'азн'ьн'кай он/ дъ-глаз'а у-новó как'э-т'ь инт'ер'есны//*] (д. Марьевка) и другие выражают негативное

отношение прозывающих к его носителям. Такие же прозвища, как, например, **Ванчурка** – прозвище мужчины Василия [*а вас'улийъ у-нас ван'чуркъ зв'а'ли/ этъ л'аск'въ д'ажъ//*] (с. Красное), **Блинчик** – прозвище Блинова Евгения [*фам'улийъ бл'ин'оф/ вот и бл'ин'чик//*] (д. Мерлино) и другие вызывают, напротив, положительные эмоции и у говорящего, и у именуемого.

Жители одного населённого пункта составляют одну социальную группу, где прозвища выполняют социальную функцию. Факт наличия у человека прозвища свидетельствует о его принадлежности к социальной группе «жители населённого пункта», так как оно используется лишь в пределах одной микросистемы членами одного языкового коллектива. В качестве признака принадлежности к социальной группе могут выступать:

- возраст, например, **Баба Груня** – прозвище Мартыновой Аграфены Ивановны [*у-огроф'ены внук'ф б'ыло ку'ць/ jejó так и ст'а'ли зв'а'т'-та уш б'аба грун'а*] (с. Абрамово). Стоит обратить внимание, что подобным образом могут называть любую бабушку, и такое именование словом родства является вежливым обращением к женщине пожилого возраста. Вторая часть прозвища – Груня является трансформированной по корню формой персонима Аграфена;

- положение в обществе, занимаемое когда-то или в настоящее время, в частности по имущественному признаку: **Барин** – прозвище Зотова Николая Николаевича [*у-к'ол'к'и-т'ъ и а'ц'а зв'а'ли б'ар'ин// он был баг'ат'ый/ жыл в-бал'ш'ом д'ом'ъ/ ну и с'ыну н'ър'идал'ос'// хот' и давн'о зовут/ а ф'с'о равн'о аб'иж'а'ц'ъ//*] (с. Хватовка) – семейное прозвище, которое перешло от отца к сыну; **Граф** – прозвище юноши [*у-н'ев'о ф'с'е в'ых'т'к'и ар'истокр'ат'ъ// н'атур'ал'ный граф//*] (с. Мотовилово) – поведение, соответствующее статусу лица элитного класса;

- профессия или род деятельности: **Директор** – прозвище мужчины [*два год'ъ был заф'клуб'м// т'еп'ер' и'ев'о так и зовут д'ир'ект'ър//*] (с. Новый Усад).

Прозвища функционируют в коммуникативной ситуации, отражённой в текстах, которые являются отдельными высказываниями, частью диалога или диалогизированного монолога (например, ответом на вопрос собирателя). Текст является непременной, обязательной частью микроантропонимического комплекса. «Контекст большинства собственных имён формирует знание об объектах, которые не обладают всеобщей или хотя бы достаточно широкой известностью. Это является определённой гарантией непересечения контекстов одинаковых по форме имён. Если же пересечение всё же происходит, различие референтов осуществляется через отдельные элементы данных контекстов <...>» [Руденко 1990, 242].

Нам думается, что контекст и формирует, и проявляет знания об объекте-прозываемом лице (его статусе, отличительном признаке, том или ином событии, произошедшем с ним, ситуации, отношении к нему в коллективе и т.д.), информацию, отражённую во внутренней форме имени, его деривационные связи. И при этом тексты действительно не пересекаются по сути передаваемой информации, может быть, только за исключением компонентов – свидетельств коннотативности единиц, типа [*в-глазá нъ-гворáт/ нъ-скáжут// нъ-убижа́ццъ// обижа́ццъ//*] и под.

Даже при тезоимённости полного пересечения текстов не происходит, всегда есть различия в каких-то синтагмах, даже при реализации одного типа номинации. По сути дела, тексты нейтрализуют тезоимённость прозвищ. Например: **Бáтя** – прозвище Балабина Юрия [*мы йурку́ бала́бинъ бáтъй прозváл'и/ он оцá свъво́ так звал/ пьтому́ так и нъзыва́йт//*] (с. Водоватово); **Бáтя** – прозвище мальчика [*ста́ршый он ф-клас'с'ь/ по-два́ го́да в одно́м клас'с'ь уч'иццъ//*] (с. Семёново); **Бáтя** – прозвище мужчины [*бáтъ нъ-выговáривъл з-д'ецтвъ/ так и пошлó// в-глазá нъ-зову́т/ а зъ-глазá фс'игда́ бáтъ//*] (с. Беговатово); **Бáтя** – прозвище мужчины [*от'ец-ть пог'ип в-войн'е/ а он ста́ршый был ф-с'ем'је-ть/ с-т'ех пор и кл'ичу́т бáтъ//*] (с. Шатовка); **Бáтя** – прозвище Урутина Ю.Ф. [*са́мъй*

ста́ршѣй ф-сѣмјѣ был/ вмѣстѣ оца́] [*што тут зѣ-обѣдѣ/ так фсѣу жыс' и прозвѣли//*] (с. Каменка).

Прозвища употребляются в текстах бытового характера, отражающих, воспроизводящих какие-то повседневные ситуации и события. Среди бытовых текстов можно выделить:

- констатирующие (те, в которых утверждается существование человека и его прозвища), например: **Валѣрка** – прозвище Трушина Владимира [*он та́к-ту волоткѣ/ а фсѣ зовѣт валѣркѣй//*] (с. Абрамово) – простая констатация наличия у человека прозвища без объяснения причин его возникновения;

- идентифицирующие (те, в которых подчёркивается соотношение прозвища и прозываемого), например: **Вая́га** – прозвище мужчины [*э́тъ у-на́с так цыга́нѣ зовѣт/ он ива́н/ а зовѣт ваја́гѣ/ можѣт чово́ цыга́нскѣ//*] (с. Чернуха); **Дя́дя Ва́ня** – прозвище Ряжкова Сергея Васильевича [*вон тово́ мужыка́ зовѣм да́дѣ ва́нѣ/ хотѣ́ зовѣт-тѣ ѣво́ сѣрѣжѣ// фсѣ зовѣт и мы зовѣм//*] (с. Замятино);

- описательные, в которых даётся характеристика, описание прозываемого, например: **Гном** – прозвище Титова Ивана [*де́фцѣнкѣ/ ива́н-тѣ ну́зѣк/ ма́лѣнкѣй уш бо́лѣнѣ// он на-на́с нѣ-убѣжа́цѣ//*] (с. Водоватово); **Головастик** – прозвище мужчины [*он ма́лѣнкѣвѣ роста/ гѣлова́ бо́лша́йѣ//*] (с. Семёново)

- мотивационные, содержащие объяснение внутренней формы прозвища, мотивацию его появления, например: **Воронѣк** – прозвище мужчины [*цѣбрный вѣс'/ вѣронѣй/ вот пѣтому́ и вѣронѣк//*] (с. Котиха); **Горѣлый** – прозвище Жаринова Алексея Петровича [*он полѣс в-бо́чѣку за-спѣртѣм и обжѣксѣ та́мѣ/ пѣначѣлу боја́лис' так зват'/ а потѣм он и сам прѣвѣк//*] (с. Котиха);

- деривационные, в которых представлена словообразовательная база микроантропонима, например: **Гарѣнка** – прозвище женщины [*фамѣлийѣ*

оца́ была́ гара́нин//] (с. Четвертаково); **Марты́шка** – прозвище Мартыновой [*фам’и́ль’ей марти́нъвъ//*] (с. Мотовилово);

- повествовательные (тексты-нарративы), в которых даётся весь событийный ряд, ситуационный комплекс, связанный с прозвищем и его носителем, например: **Газе́та** – прозвище Осипова Алексея Дмитриевича [*jétъ с’ицáс фс’е йивó так зову́т/ он пъцтал’јо́нъм был/ и вот јэтъ/ газ’е́тъ/ газ’е́тъ// нъ-об’и́днъ//*] (с. Б. Туманово); **Ганс** – прозвище мужчины [*пълуч’и́л прозв’иш’иъ по́сл’е войны́/ о́ч’н’ хърошо́ ръзб’ира́й’ицъ ф-т’е́хникъ/ но о́пыт свой н’и́кому нъ-п’р’еда́ют/ за-э́тъ йево́ нъ-дол’у́блив’и́ют/ поэ́тому и прозв’а́ли н’е́мецки́м и́м’н’ъм ганс//*] (с. Семёново); **Пале́ный** – прозвище Куликова Алексея [*од’и́н рас костры́ мал’ч’и́шки жгли́/ ут-н’ево́ угол’о́к упáл/ он ман’е́нкъ зъгор’е́лс’ъ// п’тушы́ли// он так и остáлс’ъ// с’м’е́хъм/ а потóм пал’о́ный/ пал’о́ный// так и зову́т фс’е//*] (с. М. Туманово); **Партиза́нка** – прозвище Гриной Марии Ивановны [*мы йи́јо уш давно́ п’рт’иза́нкъй зав’о́м/ уш бо́л’нъ л’у́бит нос свой в’изд’е́ савáт’/ да фс’о вын’у́х’ив’ът’/ ну ч’и́сть п’рт’иза́нкъ// а а́на аб’ижа́цъ/ ну а чо́ аб’ижа́цъ/ кол’ так и јес’//*] (с. Н. Усад);

- ассоциативные, которые содержат сведения о возникновении прозвища по ассоциации, при этом ассоциативность накладывается на типы номинации, например: **Митху́н Чакрабо́рти** – прозвище Погодина А. [*о́ч’н’ он похóш нъ-ин’д’и́йскъвъ акт’о́рь м’итху́нъ ч’икрабо́рт’и//*] (с. Абрамово); **Миклу́хо Макла́й** – прозвище мужчины [*он сам с’еба́ так нъзыва́йт’//*] (с. Мотовилово);

- комбинированные, совмещающие элементы разных типов текстов: **Ва́нька Доце́нт** – прозвище мужчины [*у́мн’и́й бо́л’нъ был/ вот доце́нтъм и назв’а́ли//*] (с. Котиха) – описательный и причинного обоснования, **Взвóдн’и́й** – прозвище Фирова Михаила [*он взвóд’ъм кома́нд’е́въл/ поэ́тому так и прозв’а́ли//*] (д. Балахониха) – деривационный + мотивационный; **Глазу́нья** – прозвище девочки [*глаза́ таки́й’ь бо́л’ши́й’ь/ а ли́цо ма́л’н’к’и́й’ь/ так*

глазу́ный и зову́т//] (с. Чернуха) – описательный + ассоциативный, а также другие типы [о типологии текстов в составе микропонимических комплексов см.: Климкова 2013, 78-81].

В текстах используются сигналы «прозвищности», которыми являются слова [*кلى́чут*], [*так прозв́али*], [*так назв́али*], [*зов́ом*], [*зь-глаз́а*], [*об́иднь*].

Таким образом, прозвища как вид антропонимов отличаются полифункциональностью, выполняя в речи общие функции – номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, а также более частные – характеризующую, дейктическую, эмоционально-оценочную, экспрессивную, социальную, реализующиеся в текстах разных типов, что составляет их функционально-семантический аспект.

Выводы по главе III

Прозвища являются полноценным компонентом языковой картины мира, а точнее – диалектной картины мира как составной части этнической языковой картины мира. Прозвища в арзамасских говорах составляют пласт неофициальной антропонимической картины мира сельских жителей.

Прозывание человека в социуме не имеет возрастных ограничений: прозвище может быть дано человеку в любом возрасте носителями языка любых возрастных групп в зависимости от определённых обстоятельств, выделяющих прозываемого из языкового коллектива, подчёркивающих его недостатки или (реже) достоинства. Соответственно прозвища как компонент языковой картины мира содержат коннотативные семы – эмоционально-экспрессивно-оценочную характеристику. Исходя из этого, все прозвища можно разделить на две группы:

- обидные – содержащие негативную, отрицательную, неодобрительную, пренебрежительную окраску, высмеивающие своего обладателя, служащие средством заочного употребления;

- необидные – не содержащие негативных характеристик, имеющие положительную и фамильярную окраску.

Прозвища в большинстве своём имеют негативную окраску, в лучшем случае выражают фамильярность, поэтому чаще используются при разговоре о третьем лице: [*а в-глазá н'е-скáжут*], [*каг-жъ/ об'ижáць//*], [*а он уб'ижáць*], [*кагда́ и в-л'ицó так назаву́т/ кагда́ как//*]. Обидных прозвищ в арзамасских говорах значительно больше, чем необидных.

Прозвище возникает только в узком, тесном коллективе людей, является знаком принадлежности к этому коллективу. Даже уничижительные прозвища не исключают прозываемое лицо из коллектива. Отрицательные прозвища отражают критическое отношение к недостаткам именуемых лиц, снисходительность, терпимость, жалость к самим людям (особенно к лицам с физическими недостатками, речевыми дефектами, отражёнными в прозвищах), как к своим, относящимся к своему коллективу. И даже в самом факте «заглазного» употребления прозвищ проявляется щадящее отношение к именуемому. Прозвища являются средством своеобразной профилактики, нацеленной на искоренение негативного, ненормального; содержат имплицитное назидание носителям говора (в том числе и прозываемому), направленное на дистанцирование от отрицательных свойств характера, поведения. С одной стороны, данные единицы характеризуют прозываемого, определяя его признаки по линии «норма-ненорма» (для носителей говора) и выделяя именуемого изо всего языкового коллектива. С другой стороны, прозвища отражают взаимоотношения между носителями говора, определяют их статусный набор (совокупность социальных статусов и ролей, выполняемых человеком в обществе).

Микроантропонимы репрезентируют человека таким, каким его видят и воспринимают прозывающие носители говора, вынося в прозвищную номинацию те качества и характеристики личности, которые они подмечают, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. В зависимости от места, среды возникновения прозвища складывается его существование в речи, его

судьба. Так делятся прозвища в соответствии со средой, в которой они появляются. Однако, появившись в том или ином узком коллективе (в семье, в школе, профессиональном объединении), они выходят за его пределы и становятся достоянием всех жителей села.

Прозвищам, как и онимам в целом, присущи тезоимённость (в отличие от омонимии в области нарицательных имён) и полионимия (в отличие от синонимии в области апеллятивов). Соотношение тезоимённых прозвищ к общему числу составляет приблизительно 1 к 5 (свыше 200 параллелей, примерно 800 прозвищ). Тезоимённые прозвища отличаются друг от друга типами номинации. Полионимия же представлена в говорах мало, что обусловлено законом экономии языковых средств: достаточно одним прозвищем номинировать человека, выразив его характерную особенность и отношение к нему.

Прозвища в говорах, как имена собственные в речи, выполняют ряд функций. Микроантропонимы обладают функциональной вторичностью: прозвище – вторичное, даже на фоне онимов, более конкретное наименование лица, которое уже имеет оним или онимы. За прозвищем стоит вполне конкретное лицо, известное всему языковому коллективу.

Прозвище, как любой оним, выполняет номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую функции. При прозывании человека носители говора подмечают какую-либо его отличительную черту, причём чаще всего не соответствующую норме, принятой в данном коллективе, и дают прозвище-характеристику (ярлык, бирку), по которой легко узнают, о ком идёт речь при общении «за глаза». В таком случае следует отметить ещё и дейктическую функцию: прозвище при заочном, «заглазном» употреблении указывает на своего носителя. Прозвища выполняют функцию характеризующую, являющуюся наиболее актуальной в сфере общения всего языкового коллектива определённого населённого пункта, а также социальную функцию, отражающую роль и место прозываемого в языковом коллективе. Прозвища реализуются в текстах разных типов: констатирующих,

идентифицирующих, описательных, мотивационных, деривационных, повествовательных, ассоциативных и комбинированных.

Таким образом, прозвищная номинация – явление многогранное, требующее комплексного подхода и всестороннего рассмотрения, так как, однажды возникнув в языке, продолжает существовать, развиваться и пополняться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имена существительные в русском языке с давних пор являются объектом пристального изучения. Имена собственные (онимы) – это особый субстантивный разряд, обладающий рядом характерных признаков.

Для обозначения всего многообразия онимов в языке введено понятие «ономастическое (целесообразнее «онимическое») пространство». Онимическое пространство в соответствии с именуемыми объектами делится на секторы (топонимия, антропонимия, мифонимия, зоонимия, хремотонимия, астронимия и т.д.), внутри которых выделяются зоны – имена реальных предметов, вымышленных предметов и гипотетических предметов. Онимическое пространство обладает полевой организацией с ядерными и периферийными составляющими, где центральное положение занимают антропонимы, исследования которых активизировались в 60-70-е годы XX века.

Именование русского человека представлено двумя типами структур: официальной и неофициальной. Неофициальная структура именованного русского человека является более развитой и подвижной по причине свободного функционирования в устной речи. Одним из её компонентов является прозвище.

Современное толкование термина «прозвище» является общепринятым, общеупотребительным. Однако с момента своего возникновения термин претерпел некоторые изменения.

Прозвище – это активно используемый в речи языковой знак прозываемого, его «визитная карточка», отличающая от других, выделяющая человека из общей массы и в то же время указывающая на принадлежность к конкретному языковому коллективу. Прозвищные номинанты характеризуют определённую отличительную особенность человека, обладают эмоциональной, экспрессивной и оценочной окрашенностью, что обусловлено межличностными отношениями в языковом коллективе и соответствием черт характера и поведения прозываемого показателю «норма-ненорма» в обществе.

Прозвища – это микроантропонимы, обладающие набором дифференциальных признаков. Микроантропонимическое пространство арзамасских говоров составляют микроантропонимические комплексы, каждый из которых включает сам микроантропоним; обозначение его вида (прозвище); грамматические и коннотативные показатели; дефиницию в виде именованного прозываемого лица; дискурсную часть (тексты к прозвищу и с ним, содержащие представление объекта номинации, вскрывающие маршрут номинации, путь рождения слова, мотивацию или отсутствие таковой, его жизнь в микросистеме, коннотативность); адрес, название микросистемы через ойконим. Дефинитивная часть микроантропонимических комплексов в арзамасских говорах представлена по-разному.

Прозвища (микроантропонимы, прозвищные номинанты) в арзамасских говорах далеко не однородны по своему составу: различаются принципами, способами и типами номинации; наличием-отсутствием мотивированности, при наличии – её степенью; деривацией.

В арзамасских говорах среди прозвищ преобладает неразвёрнутый способ номинации – прозывание однокомпонентной единицей, что обусловлено действием закона экономии языковых средств. При развёрнутом способе номинация осуществляется составным наименованием, тождественным по форме словосочетанию или фразе. Способ номинации обуславливает структурно-грамматическую оформленность прозвищ, исходя из которой они делятся на простые и составные.

Принципы, способы и типы номинации напрямую связаны с мотивированностью прозвищ. Различение прозвищ по этому аспекту происходит не только по формальной стороне единиц, но и по содержательной (внутренней наполненности), так как есть прозвища, которые по форме соответствуют одному типу, а мотивированность вскрывает совсем другой тип, либо совмещение в себе нескольких типов.

В региональной микросистеме прозвища делятся на мотивированные и немотивированные. Мотивация содержится в дискурсной части

микроантропонимического комплекса: информант объясняет причину появления прозвища, рассказывает о времени и условиях его появления или, наоборот, не объясняет, затрудняется. В арзамасских говорах мотивированных прозвищ значительно больше, чем немотивированных (примерное соотношение 10 к 1).

В говорах как диалектных микросистемах микроантропонимы образуются морфологическим (суффиксация, усечение по аббревиатурному типу и аббревиация) и неморфологическими (онимизация, трансонимизация, синтагматический способ, атрибуция) способами. Установление деривационной базы прозвища напрямую зависит от причины номинации, мотивации информантом и возникшей или возникающей ассоциации. Суть номинации вскрывается в деривате путём ассоциации и мотивации, при отсутствии которой утрачивается истинная причина возникновения прозвища, а с уходом носителей говора – и само прозвище. Таким образом, значение прозвищ (внутренняя наполненность) состоит из номинативного, мотивационного, ассоциативного, деривационного и коннотативного компонентов, взаимообуславливающих друг друга.

Прозвища в арзамасских говорах представляют пласт неофициальной антропонимической картины мира сельских жителей. С одной стороны, данные единицы характеризуют прозываемого, определяя его качества по линии «норма-ненорма» (для носителей говора) и выделяя его изо всего языкового коллектива. С другой стороны, они отражают взаимоотношения между носителями говора, определяют их статусный набор (совокупность социальных статусов и ролей, выполняемых человеком в обществе). Прозвищные номинанты проявляют фоновые знания диалектоносителей, их уровень, объём.

Прозвище возникает только в узком, тесном коллективе людей, является знаком принадлежности к этому коллективу.

Прозвища как компонент языковой картины мира включают в свою семантику коннотативные семы – эмоционально-экспрессивные, оценочные характеристики. Исходя из этого, все прозвища делятся на две группы: обидные

– содержащие негативную, отрицательную, неодобрительную, пренебрежительную окраску, служащие средством заочного употребления; необидные – не содержащие негативных характеристик, являющиеся положительными или фамильярными.

Обилие прозвищных номинант свидетельствует о их востребованности: для коллектива важно не просто кратко назвать человека, выразить субъективную мысль о нём, а подметить яркую черту, не повториться с существующими номинантами. Прозвищная номинация связана с подчёркиванием какой-либо характерной черты человека – отрицательной (чаще) или положительной (реже), выбивающейся из общепринятых норм; отрицательное, как правило, мешает жить, поэтому недочёты, изъяны, обличённые номинантой, должны заставить человека задуматься над собой, своим внешним видом, поведением и исправить их (по возможности) в себе. Прозвища используются носителями диалекта с целью профилактики (как по отношению к обладателю номинанты, так и другим членам языкового коллектива), носят назидательный характер. Даже уничижительные прозвища не исключают прозываемое лицо из коллектива. Отрицательные прозвища отражают критическое отношение к недостаткам именуемых лиц, снисходительность, терпимость, жалость к самим людям, как к своим, относящимся к своему коллективу. И даже в самом факте «заглазного» употребления прозвищ проявляется щадящее отношение к именуемому.

Прозвищам в арзамасских говорах, как и онимам в целом, присущи тезоимённость (в отличие от омонимии в области нарицательных имён) и полионимия (в отличие от синонимии в области апеллятивов). Соотношение тезоимённых прозвищ к общему числу составляет приблизительно 1 к 5. Полионимия же представлена в арзамасских говорах мало. Прозвища могут вступать и в гипонимические отношения в рамках именовании людей одной семьи. Подобные проявления парадигматических отношений в арзамасских говорах также единичны.

Прозвища как вид антропонима отличаются полифункциональностью,

выполняя в речи общие функции – номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, а также более частные – характеризующую, дейктическую, эмоционально-оценочную, экспрессивную, социальную и идеологическую, которые реализуются в текстах разных типов: констатирующих, идентифицирующих, описательных, мотивационных, деривационных, повествовательных, ассоциативных и комбинированных.

Прозвищная номинация – явление многогранное, требующее комплексного подхода и всестороннего рассмотрения, так как прозвища, однажды возникнув в языке, продолжают существовать (на смену одних прозвищ приходят другие), развиваться и пополняться.

Прозвища – это неотъемлемая часть жизни людей, особенно в сельской местности, плод коллективного отражения окружающего мира, его критического восприятия. Категория прозвищ предоставляет возможность изучить быт, традиции, систему ценностей народа, их исторические изменения.

Прозвища – это огромная уникальная единица, занимающая важное место в онимическом пространстве, в языковой картине мира, бытующая в среде неформальной коммуникации, возникающая и функционирующая под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. В целом прозвища, являясь важным фрагментом диалектной картины мира, раскрывают мировосприятие сельских жителей, отражают творческий характер диалектоносителей, креативность народа.

Перспективным продолжением данного диссертационного исследования является углубление и расширение ономазиологического и функционального аспектов изучения прозвищ, расширение объёма материала за счёт других микросистем на территории Нижегородской области, Окско-Волжско-Сурского междуречья, и выявление общих закономерностей прозвищной номинации в русских народных говорах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева, Е. А. Имя собственное в аспекте отождествления (на материале французского языка) [Текст] / Е. А. Алексеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №12 (30). – Ч. 1. – С. 29-34.
2. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
4. Ардеев, Н. В. Принципы номинации в современных прозвищах лиц [Текст] / Н. В. Ардеев // Русская ономастика. – Рязань, 1977. – С. 80-87.
5. Арзамасский район [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Арзамасский_район_Нижегородской_области.
6. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
7. Астахова, Т. С. Прозвище как неотъемлемая часть системы именования лиц (на примере сборной РФ по футболу) [Электронный ресурс] / Т. С. Астахова // Вестник Астраханского государственного университета. – №1. – Астрахань: АГУ, 2012. – Режим доступа: <http://imlr.mggu-sh.ru/ru/tamara-astakhova-pubs-ru>.
8. Бабанина, А. С. Словообразование славянских личных раимён: гипокористические и деминутивные формы [Текст] / А. С. Бабанина // Вестник Запорожского национального университета. – №1. – Запорожье: ЗНУ, 2011. – С. 75-77.
9. Балов, А. В. Очерки Пошехонья [Текст] / А. В. Балов // Этнографическое обозрение. – №1-2. – М.: Типография А.А. Левенсона, 1899. – С. 193-224.

10. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: (к проблеме соотношения языка и диалекта [Текст] / Л. И. Баранникова. – Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: (К проблеме соотношения языка и диалекта). – Саратов: СГУ, 1967. – 206 с.

11. Бахвалова, Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами (на материале орловских говоров) [Текст] / Т. В. Бахвалова. – Орёл, 1993. – 130 с.

12. Бахвалова, Т. В. Коллективно-региональные прозвища Орловщины [Текст] / Т. В. Бахвалова // Сельская Россия: прошлое и настоящее. – Вып. 2: доклады и сообщения 8-ой Российской научно-практической конф. Орёл, ноябрь 2001. – М., 2001. – С. 243-251.

13. Березович, Е. Л. К построению комплексной модели топонимической семантики [Электронный ресурс] / Е. Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. – № 20. – Екатеринбург: УрФУ, 2001. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/23756>.

14. Березович, Е. Л. Семантическая связь наименований в прозвищной антропонимии [Текст] / Е. Л. Березович // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Тез. докл. – Красноярск, 1991. – С. 103-105.

15. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура [Текст] / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

16. Бестужев-Лада, И. В. Имя человеческое – его прошлое, настоящее и будущее [Текст] / И. В. Бестужев-Лада // Наука и жизнь. – № 7. – М.: Правда, 1968. – С. 20-25.

17. Бестужев-Лада, И. В. Исторические тенденции развития антропонимов [Текст] / И. В. Бестужев-Лада // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики: сборник статей / Отв. ред. В. А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 24-33.

18. Блинова, О. И. Мотивология и её аспекты [Текст] / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – 394 с.

19. Блинова, О. И. Проблемы диалектной лексикологии [Текст]: автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / О. И. Блинова. – Саратов, 1975. – 44 с.
20. Богомягкова, Е. В. Этнонимы современного немецкого языка [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Богомягкова. – СПб., 2005. – 24 с.
21. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика [Текст]: учебное пособие для студентов пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
22. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика [Текст] / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
23. Булатова, Н. Д. Этнолингвистика в системе профессиональной подготовки специалистов по народной художественной культуре [Текст]: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Н. Д. Булатова. – М., 2003. – 162 с.
24. Бурькин, А. А. Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVIII–XIX веков [Текст] / А. А. Бурькин. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – 536 с.
25. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 624 с.
26. Вайрах, Ю. В. Эргоурбонимы как знаки городской лингвокультуры [Текст] / Ю. В. Вайрах // Вестник УРАО. – №4 (52). – М., 2010. – С. 12-14.
27. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Русские прозвища как объект лексикографии [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2005. – №2. – С. 52-69.
28. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Прозвища как объект лексикографии [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Большой словарь русских прозвищ. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – С. 5-27.
29. Ванюшечкин, В. Т. Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ [Текст] / В. Т. Ванюшечкин // Ономастика Поволжья. – Горький, 1971. – С. 87 - 88.

30. Варачина, Ю. В. Русская антропонимическая система на рубеже XX-XXI веков: основные тенденции и пути развития [Текст] / Ю. В. Варачина // Вестник ВГУ. – №1. – Воронеж, 2009. – С. 20-22.
31. Введенская, Л. А., Колесников, Н. П. От собственных имён к нарицательным [Текст] / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1989. – 143 с.
32. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая // Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
33. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
34. Веселовский, С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии [Текст] / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
35. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Электронный ресурс] / Л. Витгенштейн. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vitgenshteyn_lyudvig/logiko_filosofskiy_traktat/read.
36. Волкова, Н. А. О русских прозвищах [Текст] / Н. А. Волкова // Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – С. 28-33.
37. Воробьёва, И. А. Язык земли: О местных географических названиях Западной Сибири [Текст] / И. А. Воробьёва. – Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство, 1973. – 152 с.
38. Воронина, О. В. К вопросу об отфамильных прозвищах [Текст] / О. В. Воронина // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. – Вып. 14. – Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1980. – С. 111-115.
39. Воронцова, Ю. Б. Коллективные прозвища в говорах Русского Севера [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. Б. Воронцова. – Екатеринбург, 2002. – 17 с.

40. Воронцова, Ю. Б. Материалы к Словарю коллективных прозвищ жителей Архангельской области [Текст] / Ю. Б. Воронцова // Вопросы ономастики. – № 3. – Екатеринбург, 2006.– С. 84-109.

41. Гак, В. Г. К типологии лингвистической номинации [Текст] / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.

42. Галиуллина, Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: дисс. ...д-ра филол. наук: 10.02.02 / Г. Р. Галиуллина. – Казань, 2009. – 403 с.

43. Ганжина, И. М. Прозвищные имена в тверских писцовых книгах XVI в. [Текст] / И. М. Ганжина // Слово в синхронии и диахронии (лексико-семантический аспект). – Тверь: ТГУ, 1993. – С.146-152.

44. Гейко, И. Н. Специфика и приёмы образования прозвищ в речевом обиходе современных подростков [Электронный ресурс] / И. Н. Гейко. – 2008. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/538508>.

45. Гладкова, А. Н. Лингвокультурологический анализ прозвищных номинаций президентов США [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук 10.02.04 / А. Н. Гладкова. – Нижний Новгород, 2003. –160 с.

46. Голдстейн, М., Голдстейн, И. Ф. Как мы познаём: Исследование процесса научного познания [Текст] / М. Голдстейн, И. Ф. Голдстейн // Пер. с англ. А. Е. Петрова. – М.: Знание, 1984. – 256 с.

47. Голев, Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования / Н. Д. Голев // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. – Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – С. 94-99.

48. Голомидова, М. В. Русская антропонимическая система на рубеже веков [Текст] / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – № 2. – Екатеринбург, 2005.– С. 11-22.

49. Горбаневский, М. В. В мире имён и названий [Текст] / М. В. Горбаневский. – М.: Знание, 1983. – 192 с.

50. Грачёв, М. А. Криминальная кличка как реликт языческих верований [Электронный ресурс] / М. А. Грачёв // История фамилии. – 2008. – Режим доступа: <http://www.familii.ru/onomastika/antroponimica/1159-2008-02-02-01-32-25>.
51. Грачёв, М. А. Русская воровская кличка: мифы и реальность: Монография [Текст] / М. А. Грачёв. – М.: ЭЛПИС, 2009. – 336 с.
52. Грачёв, М. А. Русская криминогенная кличка: мифы и реальность [Текст] / М. А. Грачёв // Грани слова: Сб. научн. ст. к 65-летию В. М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 621 -629.
53. Гречко, В. А. Теория языкознания [Текст]: учебное пособие / В. А. Гречко. – В 2-х ч. – Ч. 2. – Н.Новгород, 1998. – 307 с.
54. Григоренко, О. В. Новые метафорические номинации лица в русском языке конца XX – начала XXI вв. [Текст] / О. В. Григоренко // Русский язык в школе. – № 8. – М., 2008.– С. 67-72.
55. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
56. Гузницева, А. В. Прозвища от личных имён в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузницева // Проблемы языковой картины мира: материалы 10-й международной научно-практической конференции. – Н.Новгород: НГПУ, 2011а. – С.103-107.
57. Гузницева, А. В. Составные прозвища с личными именами в арзамасских говорах как компонент языковой картины мира [Текст] / А. В. Гузницева // Философские проблемы экономических, технических и педагогических учений: материалы 3-й научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистров и молодых учёных. – Княгинино: НГИЭИ, 2011б. – С. 178-182.
58. Гузницева, А. В. Функционирование прозвищ в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузницева // Проблемы языковой картины мира: материалы 11-й международной научно-практической конференции. – Н.Новгород: НГПУ, 2012а. – С. 62-66.

59. Гузнищева, А. В. Отфамильные прозвища в арзамасских говорах: ассоциативный принцип номинации [Текст] / А. В. Гузнищева // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее (материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). – Арзамас: АГПИ, 2012б. – С. 108-112.

60. Гузнищева, А. В. Методы исследования прозвищной номинации в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнищева // Философские проблемы экономических, технических и педагогических учений: материалы 4-й научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистров и молодых учёных. – Княгинино: НГИЭИ, 2012в. – С. 159-166.

61. Гузнова, А. В. Прозвища в арзамасских говорах: семантический аспект [Текст] / А. В. Гузнова // Русский язык как государственный язык РФ: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус (материалы межрегиональной конференции...). – Арзамас: АГПИ, 2012г. – С. 213-218.

62. Гузнова, А. В. Прозвища и деминутивы в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнова // Карповские чтения (материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). – Арзамас: АГПИ, 2012д. – С. 108-111.

63. Гузнова, А. В. Прозвища от прецедентных имён в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнова // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (37). – Горно-Алтайск, 2012е. – С. 21-23.

64. Гузнова, А. В. Этнонимы как словообразовательная база прозвищ в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнова // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 2 (47). – Череповец, 2013а. – С. 66-70.

65. Гузнова, А. В. Арзамасская микроантропонимия: словообразовательный аспект [Текст] / А. В. Гузнова // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы XIV международной заочной научно-практической конференции. (23 июля 2013 г.) — М.: Международный центр науки и образования, 2013б. – С.131-136.

66. Гузнова, А. В. Составные прозвища в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнова // Приволжский научный вестник. – № 8-2. – Ижевск, 2013в. – С. 22-27.

67. Гузнова, А. В. Способы прозвищной номинации в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнова // Проблемы языковой картины мира в синхронии – диахронии: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. Выпуск 12. 15-16 апреля 2014 г. – Н.Новгород: Мининский университет, 2014а. – С. 50-56.

68. Гузнова, А. В. Мотивационные отношения прозвищ в арзамасских говорах [Текст] / А. В. Гузнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 12 (42). – В 3 ч. Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2014б. – С. 62-66.

69. Данилина, Е. Ф. Прозвища в современном русском языке [Текст] / Е. Ф. Данилина // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – С. 281-297.

70. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика [Текст] / В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 255 с.

71. Денисова, Т. Т. Прозвища в эмоционально-экспрессивном освещении [Текст] / Т. Т. Денисова // Стратегии исследования языковых единиц. Материалы межвуз. научно-практической конф. Тверь, 12-14 апреля 2006. – Тверь: ТГУ, 2006. – С. 58-60.

72. Денисова, Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области) [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Т. Денисова. – Смоленск, 2007. – 26 с.

73. Дмитриева, О. П. Неофициальные антропонимы города Россоши [Текст] / О. П. Дмитриева // Сб. науч. работ молодых учёных и аспирантов филолог, ф-та ВГУ. – Вып. 1. Языкознание. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 16 - 19.

74. Дмитриева, О. П. Ономастическое пространство Россошанского района Воронежской области [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. П. Дмитриева. – Воронеж, 2009. – 20 с.
75. Долозова, О. Н. О семантике прецедентного имени [Электронный ресурс] / О. Н. Долозова. – Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?%20pid=97225.
76. Дьяченко, В. В. Субстандартные антропонимы в английском и русском языках: контрастивно-социолексикологический аспект [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В. В. Дьяченко. – Пятигорск, 2007. – 26 с.
77. Егорова, Е. В. Прозвищные имена в диалектной речи [Текст] / Е. В. Егорова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб.: ИЛИ РАН, 2001. – С. 303-307.
78. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
79. Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи [Текст] / Д. И. Ермолович. – М.: Валент, 2005. – 415 с.
80. Зеленин, Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700-1910 гг. [Текст] / Д. К. Зеленин. – М.: Типография А. В. Орлова, 1913. – 776 с.
81. Зеленин, Д. К. Русская этнография [Текст] / Д. К. Зеленин. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 672 с.
82. Земская, Е. А. Словообразование [Текст] // Современный русский язык: учебник / под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 133-239.
83. Зенков, Г. С., Сапожникова, И. А. Введение в языкознание [Текст]: учебное пособие для студентов дистанционного обучения КГНУ / Г. С. Зенков, И. А. Сапожникова. – Бишкек: ИИМОП КГНУ, 1988. – 218 с.
84. Зинин, С. И. Введение в русскую антропонию [Текст]: пособие для студентов-заочников / С. И. Зинин. – Ташкент: ТашГУ, 1972. – 280 с.
85. Зинин, С. И. Русские отчества [Текст] / С. И. Зинин // Русская ономастика и ономастика России. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 186-196.

86. Зубкова, Л. И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина) [Текст]: автореферат дисс. ...докт. филол. наук: 10.02.01 / Л. И. Зубкова. – Воронеж, 2009. – 40 с.

87. Иванова, О. В. Имена собственные в лирике поэтов смоленской поэтической школы [Текст]: автореферат дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / О. В. Иванова. – Смоленск, 2009. – 19 с.

88. Казаков, В. С. Именослов [Текст] / В. С. Казаков. – М.-К.: Русская правда, 2007. – 240 с.

89. Калущков, В. И. Прозвища жителей чадромского куста деревень Устьянского района Архангельской области [Текст] / В. И. Калущков // Вопросы ономастики. – № 4. – Екатеринбург, 2007. – С. 185-187.

90. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

91. Карнович, Е. П. Родовые прозвания [Текст] / Е. П. Карнович. – Спб.: МФИН, 1991. – 100 с.

92. Карпенко, М. В. Функционирование и образование прозвищ (Вопросы классификации) [Текст] / М. В. Карпенко // Вопросы ономастики. – Вып. 2. – Самарканд: СамГУ, 1974. – С.53-58.

93. Карпенко, Ю. А. Ономастика в художественной литературе [Текст] / Ю. А. Карпенко // Ономастика. Проблемы и методы. – М., 1978. – С. 169-188.

94. Карпенко, Ю. А. Названия звёздного неба [Текст] / Ю. А. Карпенко. – М.: Наука, 1981. – 184 с.

95. Карпенко, Ю. А. Специфика ономастики [Текст] / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика. – Одесса: ОГУ, 1984. – С. 13-16.

96. Карташева, И. Ю. Прозвища как явление устного народного творчества [Текст]: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.09 / И. Ю. Карташева – М.: МГУ, 1985. – 20 с.

97. Кисель, О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имён [Текст]: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Кисель. – Челябинск, 2009. – 24 с.
98. Климкова, Л. А. Региональная ономастика (Микротопонимия Арзамасского района Горьковской области) [Текст]: учебное пособие к спецкурсу / Л. А. Климкова. – Горький: ГГПИ им. А.М. Горького. – 1985. – 97 с.
99. Климкова, Л. А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте [Текст] / Л. А. Климкова // Филологические науки. – №1.– М., 1991. – С. 45-54.
100. Климкова, Л. А. Лексикографическая фиксация региональной ономии [Текст] / Л. А. Климкова // Ономастика Поволжья: материалы VII конф. поволжских ономатологов. Волгоград, 26-28 сентября 1995 г. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 58-60.
101. Климкова, Л. А. Региональная ономия в лингвогеографическом аспекте [Текст] / Л. А. Климкова // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: материалы межвузовской конференции. – Арзамас: АГПИ, 1996. – С. 52-55.
102. Климкова, Л. А., Зинина Т. Е. Ономическое пространство одного села: объём, состояние, тенденция развития [Текст] / Л. А. Климкова, Т. Е. Зинина // Материалы для изучения селений России: доклады и сообщения 6-й российской научно-практической конференции «Российская деревня: история и современность» (Н. Новгород, ноябрь 1997 г.). – Ч. 2. Язык российской деревни: говоры. Лингвофольклористика. Ономастика. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1997. – С. 72-78.
103. Климкова, Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография [Текст] / Л. А. Климкова // науч. ред. И.А. Ширшов; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
104. Климкова, Л. А. Микротопонимический комплекс как единица диалектной системы [Текст] / Л. А. Климкова // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской научной конференции,

посвящённой 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 25-27 окт. 2007)/ отв. ред. Т. К. Ховрина. – Ярославль: ЯГПУ, 2008а. – 436 с. – С. 304-312.

105. Климкова, Л. А. Нижегородская микроантропонимия: разноаспектный анализ [Текст] / Л. А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2008б. – 307 с.

106. Климкова, Л. А. Параметры информативности диалектной речи [Текст] / Л. А. Климкова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2011/ Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 2011. – С. 86-96.

107. Климкова, Л. А. Типология текстов в составе микропонимических комплексов [Текст] / Л. А. Климкова // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 145-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного научного семинара (19-20 сентября 2013, г. Петрозаводск). – Петрозаводск: ПГУ, 2013. – с. 78-81.

108. Климкова, Л. А. Прозвищная номинация в русской языковой картине мира: общий взгляд [Текст] / Л. А. Климкова // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сб. научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции (г. Иваново, 6-8 мая 2015 г.). – Иваново: ИГУ, 2015. – С. 110-119.

109. Климкова, Л. А. Параметры диалектного микроантропонимического словаря [Текст] / Л. А. Климкова // Современные проблемы лексокографии: материалы конференции. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 89-90.

110. Книжникова, З. О. О семантике имени собственного [Текст] / З. О. Книжникова // Известия Тульского государственного университета: Гуманитарные науки. – Выпуск 2. – Тула, 2009. – С.238-244.

111. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

112. Кодухов, В. И. Общее языкознание [Текст]: учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / В. И. Кодухов. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.

113. Кодухов, В. И. Введение в языкознание [Текст] / В. И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.
114. Королёва, И. А. Прозвища в современных смоленских говорах [Текст] / И. А. Королёва // Вторые Поливановские чтения: тезисы докладов и сообщений на науч. конф. Смоленск, 1-3 марта 1994 г. – Смоленск: СГПИ, 1994. – С. 11-12.
115. Королёва, И. А. Ономастические пространства и поле в языке [Текст] / И. А. Королёва // Русская речь. . – № 2. – М., 2003а– С. 85-86.
116. Королёва, И. А. Из истории термина «прозвище» [Текст] / И. А. Королёва // Русская речь. – № 3. – М., 2003б.– С. 93-96.
117. Королёва, И. А. Материалы к Словарю смоленских прозвищ [Текст] / И. А. Королёва. – Смоленск: Смядынь, 2009. – 100 с.
118. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 138 с.
119. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
120. Кузнецов, Е. В., Титков, Е. П. Арзамасская сторона земли Российской [Текст]// Сказки. – Книга первая/ Народная поэзия Арзамасского края/ Сост. Ю.А. Курдин. – Арзамас: АГПИ, 2002. – С. 7-30.
121. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 251-266.
122. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Электронный ресурс] / Е. Курилович. – Биробиджан: Тривиум, 2000. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/kuril/04.php.
123. Лазаревич, С. В. Прозвища в военном жаргоне [Текст] / С. В. Лазаревич // Социальные варианты языка: материалы конф. 25-26 апреля 2002 г. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. – С. 116 - 122.

124. Лангнер, А. Н. Функционально-семантические и словообразовательные особенности прозвищ (на материале территориальных вариантов французского языка Африки) [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. Н. Лангнер. – Белгород, 2010. – 26 с.

125. Лангнер, А. Н. Словообразовательные особенности прозвищ во французском языке «чёрной Африки» [Текст] / А. Н. Лангнер // Грамматика разноструктурных языков: сб. науч. ст. к юбилею проф. Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж, 2011. – С. 212-216.

126. Леонович, О. А. В мире английских имён: учеб. пособие по лексикологии [Текст] / О. А. Леонович. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 160 с.

127. Лосев, А. Ф. Философия имени [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1990. – 269 с.

128. Ляшенко, И. В. Языковая сущность и прагматические функции этнических прозвищ: на материале английского языка [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Ляшенко. – Пятигорск: ПГУ, 2003. – 207 с.

129. Манченко, Е. С. Лингвокультурные и структурно-функциональные характеристики английских прозвищ [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. С. Манченко. – Астрахань: АГУ, 2008. – 15 с.

130. Матвеев, А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд [Текст] / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – № 2. – Екатеринбург, 2005. – С. 5-10.

131. Матвеев, А. К. Ономатология [Текст] / А. К. Матвеев // М.: Наука, 2006. – 290 с.

132. Махниборода, О. В. Неофициальные (прозвищные) имена различных объектов ономастики: структурно-семантический аспект (на материале русского и английского языков) [Текст]: автореферат дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Махниборода. – Майкоп, 2010. – 21 с.

133. Мачалова, Л. Г. Мирские имена в антропонимической структуре, отражённые «Арзамасскими поместными актами (1578-1618 ГГ.)» [Текст] /

Л. Г. Мачалова // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 85-летию Б.Н. Головина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2001. – С. 235-238.

134. Мачалова, Л. Г. Лексические параллели-компоненты антропонимической структуры в «Арзамасских поместных актах (1578-1618 гг.)» [Текст] / Л. Г. Мачалова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам региональной научной конференции молодых ученых. Вып. 2 (19-20 марта 2003 г.). – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. – С. 63-65.

135. Мачалова, Л. Г. Лингвистическая и культурологическая информативность «Арзамасских поместных актов (1578-1618)» [Текст] / Л. Г. Мачалова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам всероссийской научной конференции молодых учёных. – Вып. 4. – 17-18 марта 2005 г. – Н.Новгород: НГПУ, 2005. – С. 183-186.

136. Маюрова, Ж. Д. О некоторых особенностях сложных прозвищ [Текст] / Ж. Д. Маюрова // Вопросы антропонимики. – Вып. 2. – Алматы, 2004.– С. 6 - 8.

137. Мельникова, А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности [Текст] / А. А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.

138. Методы изучения лексики [Текст] / Под ред. А. Е. Супруна. – Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1975. – 232 с.

139. Мирославская, А. Н. К истории развития русских имён [Текст] / А. Н. Мирославская // Уч. зап. Калининградского гос. пед. ин-та. – Вып. 6. – Калининград, 1959. – С. 22-24.

140. Мирославская, А. Н. Особенности словообразовательной структуры русских календарных имён [Текст] / А. Н. Мирославская // Ономастика Поволжья. – № 2. – Горький, 1971. – С. 14-16.

141. Мирославска, В. О семантике словацких мужских имён славянского происхождения [Текст] / В. Мирославска // Състояние и проблеми на българската ономастика: Материали от Международна научна конференция «Славянска и балканска ономастика». – № 13. – 13-15 септември 2012 г. – Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий, 2013. – С. 571-580.

142. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>.

143. Непокупный, А. П. Теория и методика ономастических исследований [Текст] / А. П. Непокупный. – М.: Наука, 1986. – 385 с.

144. Нижегородская область. Административно-территориальное деление. (На 1 января 1992 г.) [Текст]. – Н. Новгород: Нижполиграф, 1993. – 272 с.

145. Никонов, В. А. Имя и общество [Текст] / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

146. Никонов, В. А. Введение в топонимику [Текст] / В. А. Никонов. – М.: ЛКИ, 2011. – 184 с.

147. Никулина, З. П. Лексико-семантические и структурные особенности отфамильных детских прозвищ [Текст] / З. П. Никулина // Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 50-летию образования СССР. – Вып. 5. – Лингвистика. – Томск: ТГУ, 1972. – С. 28-36.

148. Никулина, З. П. О социальной оценке прозвищ [Текст] / З. П. Никулина // Русская ономастика. – Рязань, 1977а. – С. 87-91.

149. Никулина, З. П. Прозвища-прилагательные [Текст] / З. П. Никулина // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1977б. – Вып. 2. – С.23-30.

150. Никулина, З. П. Из наблюдений над группой прозвищ по внешнему признаку [Текст] / З. П. Никулина // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 173-179.

151. Никулина, З. П. Образные средства апеллятивной лексики и прозвища [Текст] / З. П. Никулина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1980. – Вып. 9. – С.50-58.

152. Никулина, З. П. О сочетании прозвища с другими антропонимическими единицами [Текст] / З. П. Никулина // Русские старожильческие говоры Сибири. – Томск, 1987. – С. 144-148.

153. Никулина, З. П. Групповые прозвища в составе деревенского ономастикона [Текст] / З. П. Никулина // Центральночернозёмная деревня: история и современность: Тезисы докладов и сообщ. научно-практ. конф. ((Белгород, 13-14 ноября 1992 г). – М., 1992. – С. 155-156.

154. Образцова, О. А. Личные имена поунженской деревни начала XX века (на материале произведений Е.В. Честнякова и живых кологривских говоров) [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. А. Образцова. – Ярославль, 2007. – 24 с.

155. Общее языкознание [Текст]/ Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1970. – 600 с.

156. Отин, Е. С. Избранные труды по языкознанию. II [Текст] / Е. С. Отин. – Донецк: Донеччина, 1999. – 400 с.

157. Павлов, С. Г. Антропологическая лингвистика: вечные ценности и современные проблемы [Текст]: учебно-методическое пособие / С. Г. Павлов. – Н.Новгород: НГПУ, 2008. – 132 с.

158. Пашкевич, А. А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка [Текст]: дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Пашкевич. – С-Пб., 2006. – 146 с.

159. Плюто, О. Англоязычные топонимы-прозвища [Текст] / О. Плюто // Молодёжь и наука 2008: материалы межвуз. науч. конф. студентов, Электросталь, 11 апреля 2008 г. – Электросталь, 2008. – С. 18 - 22.

160. Попова, Ю. Б. К вопросу об источниках изучения коллективных прозвищ в говорах Русского Севера [Текст] / Ю. Б. Попова // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. – Вып. 3. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 76-81.

161. Поротников, П. Т. Женские прозвания на -иха в говорах Талицкого района Свердловской области [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы топониматики. – Вып.4. – Свердловск, 1970.– С.54-70.

162. Поротников, П. Т. Семантическая и грамматическая классификация прозвищ говоров Талицкого района Свердловской области [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы топониматики. – Вып. 4. – Свердловск, 1970.– С. 45-53.

163. Поротников, П. Т. Антропонимия замкнутой территории (на материале говоров Талицкого района Свердловской области) [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 1972. – 18 с.

164. Поротников, П. Т. Отпрозвищные антропотопонимы южной части Талицкого района Свердловской области [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1975. – Вып. 10. – С.88-99.

165. Поротников, П. Т. О способах образования отфамильных прозвищных именовании [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы ономастики. – Вып. 11. – Екатеринбург, 1976.– С. 70 - 74.

166. Потапова, Т. А., Щербак, А. С. Наблюдения над фонетико-словообразовательными особенностями прозвищ тамбовских говорах [Текст] / Т. А. Потапова, А. С. Щербак // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб.: Наука, 2008. – С. 393-396.

167. Распопов, И. П. Методология и методика лингвистических исследований [Текст] / И. П. Распопов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. – 112 с.

168. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

169. Реформатский, А. А. Введение в языкознание [Текст] / под ред. В. В. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

170. Речи родимой бескрайняя даль...» [Текст]. Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: хрестоматия / Сост.: Л. А. Климкова,

Е.Ю. Любова, Л.Г. Мачалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч. ред. Л. А. Климова. – Арзамас: АГПИ, 2009. – 265 с.

171. Робустова, В. В. Когнитивно-функциональные особенности реализации антропонимического прозвища в художественном произведении [Текст] / В. В. Робустова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – № 3.– Т. 2. – М., 2009.– С. 122 - 127.

172. Родина, Н. А. Современные детские и молодёжные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты [Текст]: автореферат дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 /А. Н. Родина. – Калининград, 2014. – 24 с.

173. Роспонд, С. Перспективы развития славянской ономастики [Текст] / С. Роспонд // Вопросы языкознания. – №4. – М., 1962. – С. 9-19.

174. Руденко, Д. И. Имя в парадигмах философии языка [Текст] / Д. И. Руденко. – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.

175. Русская грамматика [Текст]. – Том I. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

176. Рут, М. Э. Антропонимы: размышления о семантике [Электронный ресурс] / М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. – №20. – Екатеринбург, 2001.– Режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/rut-01.htm

177. Рут, М. Э. Рецензия на книгу: Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен [Текст] / М. Э. Рут // Вопросы ономастики. – № 2. – Екатеринбург, 2005. – С. 179-182.

178. Рут, М. Э. Русская ономастика в энциклопедии славянской ономастики [Текст] / М. Э. Рут // Вопросы ономастики. – №3. – Екатеринбург, 2006.– С. 137-143.

179. Рут, М. Э. Образная номинация в русской ономастике [Текст] / М. Э. Рут. – М.: ЛКИ, 2008. – 192 с.

180. Селищев, А. М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ [Текст] / А. М. Селищев // Учёные записки МГУ. Труды кафедры русского языка. – Вып. 128. – М., 1948. – С. 137—141.

181. Селищев, А. М. Труды по русскому языку [Текст]. – Т.1. – Язык и общество/ Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 632 с.

182. Серебренников, Б. А. Номинация и проблема выбора [Текст] / Б. А. Серебренников // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 147-187.

183. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление [Текст] / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

184. Сидоршина, А. И. Прозвища и бытовые имена в речи молодёжи [Текст] / А. И. Сидоршина // Ономастики Поволжья. . – Вып. 4. – Саранск, 1976 – С. 24-26.

185. Сими́на, Г. Я. Фамилия и прозвище [Текст] / Г. Я. Сими́на // Ономастика. – М.: Наука, 1969. – С. 27-34.

186. Сими́на, Г. Я. Бытовые варианты личных имён (по материалам древних письменных памятников и современной антропонимии Пинежья) [Текст] / Г. Я. Сими́на // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 189-193.

187. Сими́на, Г. Я. Из истории русских фамилий. Пинежские фамилии [Текст] / Г. Я. Сими́на // Этнография имен. – М.: Наука, 1971. – С. 111-115.

188. Сироткина, Т. А. Этнонимы в языковой картине мира [Текст] / Т. А. Сироткина // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы II Международной научно-практической конференции. – Том 2. – Бийск, 2004.– С. 80-82.

189. Сироткина, Т. А. Языковая репрезентация категории этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края) [Текст]: автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Т. А. Сироткина. – Волгоград, 2012. – 44 с.

190. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц [Текст] / Под ред. Е.И. Дибровой. – В 2 ч. – Ч. 1. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академия, 2006. – 480 с.

191. Стрельцова, М. Ю. Прозвищные именованя в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели) [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Ю. Стрельцова. – Владивосток, 2010. – 35 с.
192. Суперанская, А. В. Неофициальные формы русских личных имён [Текст] / А. В. Суперанская // Русская речь. – М., 2001. – №1. – С. 85-89.
193. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.
194. Суперанская, А. В., Сталтмане, В. Э., Подольская, Н. В., Султанов, А. Х. Теория и методика ономастических исследований [Текст] / Отв. ред. А. П. Непокупный. – 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
195. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст]: автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 76 с.
196. Сулова, А. В., Суперанская, А. В. О русских именах [Текст] / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Л.: Лениздат, 1991. – 220 с.
197. Тагунова, В. И. Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли [Текст] / В. И. Тагунова // Учен. зап. Муромск. пед. ин-та. – Т. 40. – Муром, 1967. – С.49-63.
198. Тагунова, В. И. Наименование жителей некоторых селений Владимирской и Горьковской областей [Текст] / В. И. Тагунова // Ономастика Поволжья. – Вып.1. – Ульяновск, 1969.– С.244-250.
199. Тагунова, В. И. Топонимия Муромской земли в народных преданиях и легендах [Электронный ресурс] / В. И. Тагунова // Записки владимирских краеведов. – Вып. 6. – Владимир, 2004. – Режим доступа: <http://www.vladregion.info/articles/topomimiya-muromskoi-zemli-v-narodnykh-predaniyakh-i-legendakh>.
200. Татаркин, В. Е. Антропонимия Орловского края XVI – XVII вв. (на материале памятников официально-деловой письменности) [Текст]:

автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. Е. Татаркин. – Орёл, 2005. – 20 с.

201. Ташицкий, В. Место ономастики среди других гуманитарных наук / В. Ташицкий // Вопросы языкознания. – № 2. – М., 1961. – С. 3-11.

202. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-203.

203. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

204. Топоров, В. Н. Из области теоретической топономастики [Текст] / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – М., 1962. – № 6. – С. 3-12.

205. Топоров, В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики [Текст] / В. Н. Топоров // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964. – С. 3-22.

206. Топоров, В. Н. Исследования по этимологии и семантике [Текст] / В. Н. Топоров. – Т. 1: Теория и некоторые частные её приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.

207. Топорова, Т. В. К вопросу об именах собственных как средстве идентификации мифологических персонажей [Текст] / Т. В. Топорова // Вопросы ономастики. – №2. – Екатеринбург, 2005. – С. 45-51.

208. Тюрина, Г. Н. Уличная фамилия как компонент именованья сельского жителя (на материале говоров юга Нижегородской области) [Текст] / Г. Н. Тюрина // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения 8-й рос. научно-практич. конф. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2001а. – С. 257-259.

209. Тюрина, Г. Н. Неофициальные (уличные) фамилии жителей юга Нижегородской области: способы и типы номинации [Текст] / Г. Н. Тюрина // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 85-летию

профессора Б. Н. Головина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001б. – С. 314-316.

210. Тюрина, Г. Н. Уличные фамилии в нижегородских говорах: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / Г. Н. Тюрина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Материалы научной конференции молодых ученых Нижегородского региона. – Н. Новгород: НГПУ, 2002. – С. 100-101.

211. Тюрина, Г. Н. Происхождение, структура и образование уличных фамилий, функционирующих в говорах юга Нижегородской области [Текст] / Г. Н. Тюрина // Русские народные говоры: история и современность: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию диалектологической работы в АГПИ. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 237-241.

212. Тюрина, Г. Н. Уличные фамилии: функциональный аспект (на материале говоров юга Нижегородской области) [Текст] / Г. Н. Тюрина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам региональной научной конференции молодых ученых. Вып. 5. 16-17 марта 2006 г. – Н. Новгород: НГПУ, 2006. – С. 91-293.

213. Тюрина, Г. Н. Отпрозвищные уличные фамилии в говорах юга Нижегородской области [Текст] / Г. Н. Тюрина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам международной научной конференции молодых ученых 24-25 марта 2009. – Н. Новгород: НГПУ, 2009. – С. 258-262.

214. Тюрина, Г. Н. Отымённые уличные фамилии в говорах юга Нижегородской области [Текст] / Г. Н. Тюрина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. статей по материалам международной научной конференции молодых ученых. Вып. 9. 17-18 марта 2010 г. – Н. Новгород: НГПУ, 2010. – С. 342-345.

215. Тюрина, Г. Н. Неофициальные фамилии в говорах юга Нижегородской области: мотивационные отношения [Текст] / Г. Н. Тюрина // «И нежный вкус родимой речи...»: сборник научных трудов, посвящённый юбилею доктора

филологических наук, профессора Л.А. Климковой/ отв. ред. Е.Ю. Любова. – Арзамас: АГПИ, 2011а. – 615 с. – С. 457-461.

216. Тюрина, Г. Н. Уличные фамилии в нижегородских микросистемах: сопоставительный аспект [Текст] / Г. Н. Тюрина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам международной научной конференции молодых учёных. – Вып. 10. – 16-17 марта 2011 г. – Н.Новгород: НГПУ, 2011б. – 340 с. – С. 283-286.

217. Тюрина, Г. Н. Отапеллятивные уличные фамилии в говорах юга Нижегородской области [Текст] / Г. Н. Тюрина // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее. – Арзамас: АГПИ, 2012а. – 488 с. – С. 380-384.

218. Тюрина, Г. Н. Уличные фамилии как фрагмент онимического пространства с. Дуброво Починковского района Нижегородской области [Текст] / Г. Н. Тюрина // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус. – Москва-Арзамас: Про100 Медиа, АГПИ, 2012б. – 408 с. – С. 186-190.

219. Успенский, Б. А. Избранные труды [Текст] / Б. А. Успенский. – Т. 2. – Язык и культура. – М.: Гнозис, 1994. – 688 с.

220. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А. А. Уфимцева. – М.: Академия наук СССР, 1962. – 288 с.

221. Ухмылина, Е. В. Название жителей Кочубеевщины [Текст] / Е. В. Ухмылина // Ономастика Поволжья: Мат-лы I Поволжск. конф. по ономастике. – Ульяновск, 1969. – С. 250-257.

222. Ухмылина, Е. В. Названия и прозвища русского населения Горьковской области [Текст] / Е. В. Ухмылина // Этнонимы. Сборник статей. – М.: Наука, 1970. – С. 254-264.

223. Ухмылина, Е. В. Варианты названий населенных пунктов Горьковской области [Текст] / Е. В. Ухмылина // Ономастика Поволжья, 2: Мат-лы II Поволжской конференции по ономастике. – Горький, 1971. – С. 217-220.

224. Ухмылина, Е. В. Параллельные названия населенных пунктов Горьковской области [Текст] / Е. В. Ухмылина // Ономастика Поволжья, 3: Мат-лы III-й конференции по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 287-294.

225. Ухмылина, Е. В. Одинаковые топонимы (повторяющиеся названия населенных мест) Горьковской области [Текст] / Е. В. Ухмылина // Ономастика Поволжья. – № 4. – Саранск, 1976. – С. 229-232.

226. Ушаков, Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) [Текст] / Н. Н. Ушаков // Имя нарицательное и собственное // Под ред. А. В. Суперанской. – М.: Наука, 1978. – С. 146 - 173.

227. Ушаков, Н. Н. О грамматических особенностях прозвищных имен [Текст] / Н. Н. Ушаков // Ономастика и грамматика. – М.: Наука, 1981. – С. 98-122.

228. Фельде, О. В. Лик постсоветской России в зеркале прозвищ [Текст] / О.В. Фельде // Вестник ТГПУ. – №6. – Томск, 2010. – С. 25-28.

229. Флоренский, П. А. Имена [Текст] / П. А. Флоренский. – СПб.: Авалонь, 2007. – 332 с.

230. Флоровская, В. А. Прозвища в русских говорах Кубани [Текст] / В. А. Флоровская // Ономастика Кавказа / Отв. ред. В. А. Никонов. – Махачкала, 1976. – С. 300-304.

231. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте [Текст] / О. И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.

232. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды [Текст] / Ф. Ф. Фортунатов. – Т. 2. – М.: Учпедгиз, 1957. – 472 с.

233. Фролов, Н. К. Формирование прозвищ в XVII веке [Текст] / Н. К. Фролов // Вопросы структуры и функционирования русского языка. Уч. зап. Томского ун-та. – Вып. 3. – Томск, ТГУ, 1980. – С. 76-80.

234. Фролов, Н. К. Прозвище [Текст] / Н. К. Фролов // Избранные работы по языкознанию. – В 2 т. – Т. 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 78-91.

235. Хамаева, Е. А. К вопросу об определении границ между именами собственными и именами нарицательными [Электронный ресурс] / Е. А. Хамаева. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/3_94257.doc.htm.

236. Харре, Р. Психология имени [Электронный ресурс] / Р. Харре. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/_Rom_Name.php.

237. Хроленко, А. Т. Теория языка [Текст]: учеб. пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 528 с.

238. Цепкова, А. В. Аксиологический потенциал прозвищ как части карнавальной картины мира (на материале британских и американских прозвищ) [Текст] / А. В. Цепкова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – № 115. – СПб., 2009. – С. 235 -242.

239. Цоллер, В. Н. Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения [Текст] / В. Н. Цоллер // Научные ведомости БГУ. – №2. – Белгород: БГУ, 1998. – С. 43-54

240. Цымбалова, Л. Н. Фамилии, образованные от прозвищ [Текст] / Л. Н. Цымбалова // Тайны происхождения наших фамилий. – Ростов-н/Д: Феникс, 2008. – С. 251 - 424.

241. Чайкина, И. Ю. О традиционных прозвищах в Белозерье [Текст] / И. Ю. Чайкина // Филологические науки. – № 3. – М., 1969. – С. 104-109.

242. Чайкина, И. Ю. Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. [Текст] / И. Ю. Чайкина // Вопросы ономастики. – № 1. – Екатеринбург, 2004. – С. 33-39.

243. Чайко, Т. Н. О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) [Текст] / Т. Н. Чайко // Вопросы топониматики. – Вып. 5. – Свердловск, 1971. – С. 150- 154.

244. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года [Текст]. – М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013. – 528 с.

245. Чичагов, В. К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.) [Текст] / В. К. Чичагов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 127 с.

246. Чумаченко, О. В. Культурная коннотация антропонимов [Текст] / О. В. Чумаченко // Вестник КАСУ. – № 2. – Усть-Каменогорск, 2008.– С. 108-113.

247. Шанский, Н. М., Тихонов, А. Н. Современный русский язык [Текст] / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – В 3-х частях. – Часть 2. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

248. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – № 1. – М., 1999.– С. 3-16.

249. Шерешевская, Е. Б. Имя собственное как знак (значение имени собственного) [Текст] / Е. Б. Шерешевская // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 5. – Новосибирск, 1976.– С. 91-98.

250. Шмелёв, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А. Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

251. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

252. Шостка, Е. С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. С. Шостка. – Тамбов, 2009. – 22 с.

253. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С.77-100.

254. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

255. Щербак, А. С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области [Текст] / А. С. Щербак. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – 293 с.

256. Щетинин, Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимике) [Текст] / Л. М. Щетинин. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1972. – 230 с.

257. Энциклопедия Кругосвет: антропонимика [Электронный ресурс] – 12 с. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANTROPONIMIKA.html.

258. Эпштейн, М. Н. Этнические и географические глаголы (российствовать, американствовать, французничать, московствовать, парижничать) [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн // Дар слова: проективный лексикон. – 25 февраля. – 2002. – С. 38. – Режим доступа: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar38.html>.

259. Язык культуры: семантика и грамматика [Текст]. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996) / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2004. – 496 с.

260. Языковая номинация. Виды наименований [Текст] / Отв. ред. Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 367 с.

261. Gullette, Alan. Benjamin Lee Whorf, Language, Thought, and Reality [Электронный ресурс] / Alan Gullette. – 1975. – Режим доступа: <http://alangullette.com/essays/philo/whorf.htm>

262. Joseph, H. W. An introduction to logic [Текст] / H. W. Joseph. – Ed. 2. Oxford, 1946.

263. Mill, J. S. A system of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation [Текст] / J. S. Mill. – New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1882. – 1176 p.

264. Whorf, B. L. Language, Thought, and Reality [Текст] / B. L. Whorf. – New York: John Wiley & Sons, and The Technology Press of M.I.T., 1956. – 289 p.

Словари

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 608 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст]/ Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. (БЭС).
3. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Большой словарь русских прозвищ [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 704 с.
4. Волкова, Н. И. Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми [Текст] / Н. И. Волкова. – Сыктывкар: КГПИ, 2003. – 52 с.
5. Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий [Текст] / И. М. Ганжина. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 672 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М., 1978. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-42819.htm>.
7. Климкова, Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье) [Текст]: в 3 ч. / Л. А. Климкова – Ч. 1. – Арзамас: АГПИ, 2006. – 403 с.
8. Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]/ Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Неврова, Т. И. Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области [Текст] / Т. И. Неврова / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. – Орёл: ОГУ, 2007. – 94 с.
11. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Атберг 98, 2010. – 874 с.

12. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имён [Текст] / Е. С. Отин. – М.: А Темп, 2006. – 440 с.
13. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 1-е изд. – М.: Наука, 1978. – 198 с.; 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192с.
14. Русская ономастика и ономастика России [Текст]. Словарь / Под ред. О. Н. Трубочёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.
15. Русский язык [Текст]. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
16. Словарь иностранных слов [Текст]/ Под ред. И.В. Лёхина, Ф.И. Петрова и др. – 19-е изд. – М, 1990. – 809 с.
17. Словарь прозвищ жителей г. Славянска-на-Кубани и Славянского района Краснодарского края [Текст] / Сост. М. Ю. Беляева, И. В. Буряк. – Славянск-на-Кубани, 2008. – 130 с.
18. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / Под ред. Г. Н. Складневской. – РАН, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
19. Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён [Текст] / Н. М. Тупиков. – СПб., 1903. – 857 с.

СПИСОК НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ АРЗАМАССКОГО РАЙОНА

(по Административно-территориальному делению Нижегородской области
на 1 января 1992 [Нижегородская область 1993, 13-16])

Абрамовский сельсовет – с. Абрамово, с. Веригино, д. Забелино,
с. Каменка, д. Марьевка, д. Мерлино, д. Новая Слобода, п.ст. Слезавка.

Балахонихинский сельсовет – п. Балахониха, д. Балахониха, д. Белозерье,
д. Волчиха, с. Котиха, с. Селякино.

Бебязевский сельсовет – д. Бебязево, с. Новосёлки, с. Пешелань,
п. Пешелань.

Берёзовский сельсовет – д. Берёзовка, с. Заречное, д. Князевка, с. Кожино,
д. Озерки, д. Сальниково, д. Чуварлейка, с. Шерстино.

Большетумановский сельсовет – с. Большое Туманово, с. Замятино,
с. Малое Туманово, с. Пятницы, с. Шерстино.

Водоватовский сельсовет – с. Водоватово, с. Свободное.

Волчихинский сельсовет – с. Волчиха, с. Волчихинский Майдан,
с. Криуша, с. Рождественский Майдан.

Коваксинский сельсовет – с. Ковакса, с. Костылиха, п.ст. Костылиха,
д. Лидовка, д. Пиявочное.

Красносельский сельсовет – с. Красное, с. Кичанзино, д. Малиновка,
п. Соловейка, с. Хватовка.

Ленинский сельсовет – д. Вацкое, с. Казаково, с. Ленинское.

Ломовский сельсовет – д. Кокаревка, п. Ломовка, с. Ломовка, с. Питер,
с. Покровка, с. Пологовка, п.ст. Пологовка, д. Сады.

Морозовский сельсовет – п. Буревестник, с. Кирилловка, с. Морозовка,
п. Новинки, п. Поляна, с. Протопоповка, п. Свобода, п.рзд. Тракторный.

Мотовиловский сельсовет – с. Верижки, с. Вторусское, с. Мотовилово.

Новоусадский сельсовет – д. Исупово, с. Новый Усад.

Пустынский сельсовет – д. Меньшиково, с. Наумовка, с. Пустынь, п.сан. Старая Пустынь.

Саблуковский сельсовет –с. Медынцево, с. Саблуково, д. Успенское 1-е, д. Успенское 2-е.

Селёмский сельсовет – с. Никольское, с. Селёма.

Слизневский сельсовет – с. Булдаково, с. Ветошкино, с. Виняево, с. Кузьмин Усад, с. Семёново, с. Скорятино, с. Слизнево, с. Степаново, с. Четвертаково.

Чернухинский сельсовет – д. Красная Поляна, п. Пошатово, д. Сосновка, д. Судеб, д. Черемас, с. Чернуха.

Шатовский сельсовет – с. Беговатово, с. Бестужево, с. Панфилово, д. Тамаевка, с. Шатовка, п. 1-го уч-ка с-за «Шатовский», п. 2-го уч-ка с-за «Шатовский».

Пс. рп. Выездное – с. Васильев Враг, д. Охлопково

Сокращения и условные обозначения

рп. – рабочий посёлок

пс. – поселковый Совет

п. – посёлок сельского типа

с. – село

д. – деревня

п.рзд. – посёлок при разъезде

сан. – санаторий

уч-к – участок

с-з – совхоз

п.ст. – посёлок при станции

ПЕРЕЧЕНЬ ИНФОРМАНТОВ

(по источнику «Микротопонимический словарь Нижегородской области»

[Климкова 2006, Ч.1, 33-41])

С. Абрамово: Бочкарёва Мария Васильевна, 1924 г.р.; Горшкова Любовь Петровна, 1927 г.р.; Гусёнкова Евдокия Ивановна, 1916 г.р.; Кубарьков Михаил Иванович, 1928 г.р.; Кубарькова Анна Васильевна, 1928 г.р.; Кудинова Валентина Васильевна, 1928 г.р.; Лисёнкова Анна Григорьевна, 1925 г.р.; Назарова Нина Ивановна, 1915 г.р.; Сеницына Мария Ивановна, 1920 г.р.; Стрелов Иван Иванович, 1921 г.р.; Стрелова Екатерина Николаевна, 1924 г.р.; Фролов Алексей Иванович, 1932 г.р.; Фролова Евдокия Александровна, 1914 г.р.

П. Балахониха: Ерина Евдокия Николаевна, 1922 г.р.; Игонина Анна Фёдоровна, 1934 г.р.; Игонина Наталья Ивановна, 1918 г.р.; Косогорова Мария Ивановна, 1926 г.р.; Крупникова Зоя Семёновна, 1932 г.р.; Культанов Валентин Григорьевич, 1934 г.р.; Культанова Анна Николаевна, 1934 г.р.; Труханов Иван Андреевич, 1920 г.р.; Труханова Екатерина Григорьевна, 1922 г.р.; Тумзова Татьяна Ивановна, 1924 г.р.; Ямнюшкина Валентина Степановна, 1926 г.р.

Д. Бебязево: Балаева Вера Фёдоровна, 1928 г.р.; Балаева Мария Петровна, 1928 г.р.; Гурова Мария Валерьевна, 1950 г.р.; Дёрина Евгения Николаевна, 1929 г.р.; Забавина Анна Фёдоровна, 1928 г.р.; Кочергина Вера Васильевна, 1928 г.р.; Попова Клавдия Петровна, 1921 г.р.; Тараканова Анна Васильевна, 1918 г.р.

С. Беговатово: Афанасьев Иван Васильевич, 1927 г.р.; Афанасьева Анна Дмитриевна, 1931 г.р.; Борисова Мария Александровна, 1922 г.р.; Куницына Клавдия Михайловна, 1935 г.р.; Лимонникова Валентина Владимировна, 1935 г.р.; Лимонникова Мария Ивановна, 1927 г.р.; Шилов Виктор Александрович, 1934 г.р.; Шилова Анна Тимофеевна, 1924 г.р.; Шилова Мария Тимофеевна, 1927 г.р.; Шмелёва Наталья Дмитриевна, 1922 г.р.

С. Большое Туманово: Беззубова Валентина Николаевна, 1933 г.р.; Беззубова Ольга Ивановна, 1925 г.р.; Гладенкова Надежда Ивановна, 1930 г.р.; Гусева Нина Леонидовна, 1925 г.р.; Завьялова Татьяна Павловна, 1927 г.р.; Лаптев Владимир Васильевич, 1923 г.р.; Лунина Валентина Ивановна, 1935 г.р.; Осипова Мария Фёдоровна, 1912 г.р.; Романова Анна Ивановна, 1927 г.р.; Рябова Клавдия Ивановна, 1928 г.р.; Серова Зинаида Алексеевна, 1920 г.р.; Степанова Надежда Ивановна, 1931 г.р.; Тарасова Нина Григорьевна, 1928 г.р.; Улыбина Пелагея Ивановна, 1923 г.р.; Чижкова Вера, 1928 г.р.; Швецова Мария Григорьевна, 1929 г.р.; Шургина Клавдия Алексеевна, 1915 г.р.

С. Булдаково: Князева Наталья Васильевна, 1932 г.р.; Ларина Валентина Михайловна, 1925 г.р.; Логашова Антонина Фоминична, 1910 г.р.; Логинова Александра Фёдоровна, 1906 г.р.; Макарова Татьяна Яковлевна, 1919 г.р.; Охапкин Аким Яковлевич, 1929 г.р.; Охапкина Елизавета Михайловна, 1926 г.р.

С. Василиев Враг: Вершинина Екатерина Васильевна, 1935 г.р.; Савинкин Вениамин Ефимович, 1926 г.р.; Савинкина Антонина Николаевна, 1931 г.р.; Сурнов Василий Фёдорович, 1932 г.р.; Сурнова Нина Васильевна, 1931 г.р.

С. Веригино: Блинова Александра Ивановна, 1920 г.р.; Горшков Анфиса Васильевна, 1928 г.р.; Муханова Анна Николаевна, 1920 г.р.; Сазонов Николай Михайлович, 1927 г.р.; Сазонова Любовь Степановна, 1927 г.р.

С. Виняево: Буравина Мария Васильевна, 1920 г.р.; Вязова Ульяна Дмитриевна, 1902 г.р.; Губанкова Нина Александровна, 1937 г.р.; Жукова Раиса Филипповна, 1946 г.р.; Кандаранцев Александр Дмитриевич, 1914 г.р.; Канина Валентина Ивановна, 1920 г.р.; Куликова Анна Андреевна, 1930 г.р.; Телькова Анастасия Ивановна, 1919 г.р.; Ухарова Надежда Яковлевна, 1937 г.р.

С. Водоватово: Бочкарёва Мария Дмитриевна, 1907 г.р.; Гордеева Пелагея Филипповна, 1923 г.р.; Клыкова Валентина Николаевна, 1937 г.р.; Сорокина Анастасия Матвеевна, 1916 г.р.; Сорокина Евгения Игнатьевна, 1925 г.р.; Усимова Мария Фёдоровна, 1920 г.р.; Щелокова Нина Фёдоровна, 1924 г.р.

С. Выездное: Андропова Мария Сергеевна, 1923 г.р.; Афанасьева Александра Николаевна, 1935 г.р.; Госькова Елизавета Николаевна, 1933 г.р.; Грошева Раиса Егоровна, 1934 г.р.; Казаков Николай Сергеевич, 1918 г.р.; Малаховская Тамара Иосифовна, 1927 г.р.; Мангушева Вера Матвеевна, 1943 г.р.; Рьянова Зоя Петровна, 1930 г.р.; Сангалова Галина Алексеевна, 1941 г.р.; Фадеева Елена Ивановна, 1918 г.р.; Фомина Евдокия Петровна, 1924 г.р.; Хохлова Лариса Васильевна, 1918 г.р.; Чернышева Валентина Михайловна, 1958 г.р.; Чернышева Мария Ивановна, 1935 г.р.; Шатрова Таисия Серафимовна, 1926 г.р.

С. Замятино: Булынкин Сергей Иванович, 1950 г.р.; Булынкина Валентина Николаевна, 1930 г.р.; Волкова Анна Михайловна, 1940 г.р.; Земенкова Зоя Алексеевна, 1935 г.р.; Лосева Зоя Петровна, 1936 г.р.; Маслов Пётр Яковлевич, 1933 г.р.; Минеева Ольга Ивановна, 1924 г.р.; Парамонова Мария Петровна, 1926 г.р.; Петрунина Вера Павловна, 1914 г.р.; Серова Зоя Александровна, 1927 г.р.; Серова Мария Александровна, 1929 г.р.; Чекалина Нина Васильевна, 1929 г.р.; Чекалина Пелагея Степановна, 1919 г.р.; Чурилов Николай Николаевич, 1970 г.р.

С. Каменка: Агеева Варвара Алексеевна, 1918 г.р.; Боронина Полина Андреевна, 1913 г.р.; Бурнева Анна Васильевна, 1914 г.р.; Горбунчиков Иван Иванович, 1917 г.р.; Горбунчикова Мария Петровна, 1924 г.р.; Емельянова Мария Михайловна, 1928 г.р.; Лёзина Евдокия Михайловна, 1916 г.р.; Малыгина Прасковья Ивановна, 1914 г.р.; Малышева Анфиса Константиновна, 1927 г.р.; Негина Анфиса Михайловна, 1924 г.р.; Сизова Анна Ивановна, 1929 г.р.; Смолякова Клавдия Васильевна, 1923 г.р.

С. Кирилловка: Аверина Александра Васильевна, 1937 г.р.; Валова Мария Ивановна, 1911 г.р.; Иванова Надежда Ивановна, 1908 г.р.; Карасёва Анна Семёновна, 1915 г.р.; Суханова Евдокия Дмитриевна, 1913 г.р.; Тихонова Евпраксия Ивановна, 1900 г.р.; Тюрина Евдокия Фёдоровна, 1908 г.р.; Шубина Мария Васильевна, 1928 г.р.

С. Кичанзино: Кирюшкина Надежда Львовна, 1951 г.р.; Конин Николай Петрович, 1933 г.р.; Кони́на Зинаида Степановна, 1930 г.р.; Кочешков Василий Иванович, 1940 г.р.; Кочешкова Валентина Львовна, 1948 г.р.; Ларина Мария Алексеевна, 1933 г.р.; Пишкина Вера Михайловна, 1913 г.р.; Родионова Александра Ивановна, 1923 г.р.; Чикалина Прасковья Васильевна, 1933 г.р.

С. Ковакса: Абросимова Прасковья Николаевна, 1920 г.р.; Беззаметнов Николай Иванович, 1940 г.р.; Блохина Валентина Ивановна, 1934 г.р.; Блохина Екатерина Николаевна, 1910 г.р.; Блохина Мария Ивановна, 1934 г.р.; Блохина Матрёна Николаевна, 1911 г.р.; Бобкова Пелагея Григорьевна, 1930 г.р.; Жучков Фёдор Иванович, 1930 г.р.; Красников Иван Акимович, 1928 г.р.; Красникова Мария Андреевна, 1914 г.р.; Красникова Мария Ксенофоновна, 1929 г.р.; Крутова Фотиния Ивановна, 1932 г.р.; Кулигина Ефросиния Дмитриевна, 1928 г.р.; Новикова Ольга Яковлевна, 1924 г.р.; Федотова Анисья Никифоровна, 1924 г.р.; Чиркова Екатерина Прокофьевна, 1912 г.р.

С. Костылиха: Борисова Мария Ивановна, 1933 г.р.; Денисова Татьяна Ивановна, 1917 г.р.; Жулин Борис Васильевич, 1933 г.р.; Жулина Анна Васильевна, 1927 г.р.; Маркова Евдокия Алексеевна, 1926 г.р.; Раскаткина Надежда Ивановна, 1929 г.р.; Сальникова Евдокия Ефимовна, 1931 г.р.

С. Котиха: Боровков Максим Петрович, 1908 г.р.; Боровка Татьяна Ивановна, 1906 г.р.; Бутусова Валентина Яковлевна, 1936 г.р.; Егоров Афанасий Васильевич, 1915 г.р.; Егоров Василий Андреевич, 1932 г.р.; Егорова Александра Яковлевна, 1937 г.р.; Егорова Анна Алексеевна, 1918 г.р.; Егорова Зинаида Ефимовна, 1926 г.р.; Егорова Светлана Васильевна, 1976 г.р.; Касаткина Татьяна Ефимовна, 1932 г.р.; Морозова Валентина Николаевна, 1939 г.р.; Пальманова Галина Андреевна, 1926 г.р.; Раидина Мария Ивановна, 1939 г.р.; Савина Анна Николаевна, 1912 г.р.; Суслова Анна Алексеевна, 1935 г.р.; Сычугова Екатерина Семёновна, 1927 г.р.; Тюмина Дарья Павловна, 1927 г.р.; Увакина Прасковья Алексеевна, 1920 г.р.

С. Красное: Артёменко Анна Ивановна, 1926 г.р.; Бажанова Пелагея Ивановна, 1912 г.р.; Бымсова Вера Ивановна, 1925 г.р.; Гоглев Владимир

Алексеевич, 1922 г.р.; Живова Анна Ивановна, 1919 г.р.; Калякина Анна Ивановна, 1925 г.р.; Карюхина Екатерина Григорьевна, 1924 г.р.; Карюхина Наталья, 1911 г.р.; Крайнова Анна Ивановна, 1910 г.р.; Крайнова Елена Алексеевна, 1937 г.р.; Лариошина Мария Григорьевна, 1908 г.р.; Макарова Ольга Степановна, 1926 г.р.; Марсавина Татьяна Ивановна, 1957 г.р.; Меньшов Борис Иванович, 1929 г.р.; Меньшова Прасковья Андреевна, 1906 г.р.; Перепелова Нина Михайловна, 1936 г.р.; Перепелова Татьяна Алексеевна, 1952 г.р.; Репина Анна Ивановна, 1922 г.р.; Рогов Серафим Алексеевич, 1930 г.р.; Седова Евдокия Ивановна, 1927 г.р.; Сытина Евдокия Ивановна, 1922 г.р.; Торкунова Мария Ивановна, 1933 г.р.; Тютина Вера Ивановна, 1921 г.р.; Шерстнёв Михаил Александрович, 1932 г.р.; Шерстнёва Вера Александровна, 1933 г.р.

С. Ленинское: Веденина Татьяна Александровна, 1914 г.р.; Конов Иван Владимирович, 1920 г.р.; Кузьмина Лидия Алексеевна, 1933 г.р.; Куркова Лидия Николаевна, 1936 г.р.; Семёнышева Таисия Ефимовна, 1914 г.р.

С. Медынцево: Горькова Анна Алексеевна, 1901 г.р.; Зиновьева Анна Александровна, 1914 г.р.; Морозова Анна Михайловна, 1925 г.р.; Морозова Екатерина Александровна, 1909 г.р.; Морозова Матрёна Ивановна, 1898 г.р.

С. Мерлино: Артюхин Василий Иванович, 1929 г.р.; Артюхина Прасковья Григорьевна, 1931 г.р.; Боронин Александр Иванович, 1928 г.р.; Боронина Евдокия Васильевна, 1924 г.р.; Верховцева Евдокия Васильевна, 1914 г.р.; Гаврилова Прасковья Александровна, 1922 г.р.; Гришина Прасковья Михайловна, 1926 г.р.; Дунаева Нина Николаевна, 1928 г.р.; Иванова Анна Васильевна, 1911 г.р.; Кирпичева Антонина Михайловна, 1938 г.р.; Кирпичева Екатерина Дмитриевна, 1914 г.р.; Кормишина Екатерина Ивановна, 1925 г.р.; Полянина Евдокия Павловна, 1925 г.р.; Ромашкин Василий Андреевич, 1927 г.р.; Ширшов Иван Иванович, 1915 г.р.; Ширшова Мария Ивановна, 1923 г.р.; Ширшова Татьяна Николаевна, 1915 г.р.; Якунина Александра Ивановна, 1919 г.р.; Якунина Прасковья Васильевна, 1925 г.р.

С. Морозовка: Брюханова Пелагея Ивановна, 1904 г.р.; Емельянов Николай Михайлович, 1933 г.р.; Иванова Надежда Ивановна, 1908 г.р.; Казарёнок Вера Михайловна, 1922 г.р.; Козлова Татьяна Ивановна, 1920 г.р.; Куликова Анна Ивановна, 1918 г.р.; Курячева Вера Михайловна, 1903 г.р.; Панина Раиса Матвеевна, 1910 г.р.; Паншина Прасковья Матвеевна, 1910 г.р.; Шувалова Таисия Андреевна, 1921 г.р.

С. Мотовилово: Абясова Екатерина Николаевна, 1931 г.р.; Акишина Альбина Васильевна, 1926 г.р.; Байкова Екатерина Сергеевна, 1918 г.р.; Владыкина Нина Ивановна, 1916 г.р.; Давыдов Борис Петрович, 1929 г.р.; Лабина Татьяна Степановна, 1952 г.р.; Полянская Мария Алексеевна, 1903 г.р.

С. Наумовка: Бутусова Полина Васильевна, 1938 г.р.; Виноградова Клавдия Фёдоровна, 1930 г.р.; Косолапова Нина Григорьевна, 1922 г.р.; Макарова Мария Антоновна, 1924 г.р.; Прошкина Нина Михайловна, 1921 г.р.; Хазова Анна Ивановна, 1929 г.р.; Хазова Павлина Ивановна, 1920 г.р.

С. Никольское: Гольшева Евдокия Михайловна, 1928 г.р.; Громов Николай Иванович, 1932 г.р.; Давыдкина Клавдия Ивановна, 1915 г.р.; Жидков Алексей Александрович, 1925 г.р.; Коклина Клавдия Ивановна, 1921 г.р.; Нефёдов Александр Андреевич, 1921 г.р.; Разгаров Алексей Иванович, 1935 г.р.; Сиухина Анна Григорьевна, 1922 г.р.; Степнов Николай Николаевич, 1936 г.р.; Степнова Мария Ивановна, 1937 г.р.; Судьбина Пелагея Ивановна, 1931 г.р.; Судьбина Полина Васильевна, 1929 г.р.; Тарасов Иван Иванович, 1929 г.р.; Хорева Екатерина Васильевна, 1934 г.р.; Чешков Николай Васильевич, 1933 г.р.; Чешкова Нина Григорьевна, 1937 г.р.; Шеметова Матрёна Ивановна, 1926 г.р.

С. Новосёлки: Гурова Вера Дмитриевна, 1935 г.р.; Жигалова Нина Фёдоровна, 1925 г.р.; Маврина Вера Михайловна, 1918 г.р.; Михеева Анастасия Михайловна, 1913 г.р.; Фокина Людмила Михайловна, 1935 г.р.

С. Новый Усад: Абрамова Екатерина Михайловна, 1918 г.р.; Благова Раиса Александровна, 1919 г.р.; Бундакова Анна Фёдоровна, 1927 г.р.; Гринин Владимир Иванович, 1921 г.р.; Гринина Антонина Павловна, 1932 г.р.; Гринина

Валентина Серафимовна, 1928 г.р.; Евстафьев Юрий Васильевич, 1935 г.р.; Евстафьева Екатерина Сергеевна, 1938 г.р.; Жукова Антонина Степановна, 1934 г.р.; Жукова Вера Алексеевна, 1914 г.р.; Жукова Пелагея Ивановна, 1923 г.р.; Зотова Раиса Михайловна, 1928 г.р.; Ишарнова Валентина Павловна, 1930 г.р.; Куренкова Екатерина Андреевна, 1915 г.р.; Лошмановна Анна Акимовна, 1922 г.р.; Лошманова Клавдия Михайловна, 1913 г.р.; Лукина Анастасия Николаевна, 1936 г.р.; Макарова Екатерина Николаевна, 1922 г.р.; Малышев Виктор Александрович, 1916 г.р.; Маркеева Раиса Васильевна, 1929 г.р.; Миронова Мария Николаевна, 1924 г.р.; Саляева Зинаида Серафимовна, 1933 г.р.; Спицына Мария Михайловна, 1925 г.р.; Харитонов Евгений Степанович, 1927 г.р.; Царькова Вера Фёдоровна, 1917 г.р.; Чернова Евдокия Семёновна, 1927 г.р.; Чижова Мария Алексеевна, 1914 г.р.

Д. Пиявочное: Воронин Иван Нефёдович, 1940 г.р.; Воронина Вера Ивановна, 1931 г.р.; Ганина Любовь Васильевна, 1924 г.р.; Ганина Мария Алексеевна, 1919 г.р.; Ермохин Александр Фёдорович, 1919 г.р.; Козунов Иван Алексеевич, 1931 г.р.; Козунова Анна Николаевна, 1935 г.р.; Кокарева Анна Евграфовна, 1926 г.р.; Суздашёва Анна Ивановна, 1925 г.р.; Фалина Нина Михайловна, 1927 г.р.

С. Пологовка: Бантуров Сергей Васильевич, 1922 г.р.; Бантурова Анастасия Никифоровна, 1912 г.р.; Бантурова Варвара Васильевна, 1925 г.р.; Бантурова Любовь Антоновна, 1916 г.р.; Бантурова Мария Антоновна, 1909 г.р.; Бантурова Мария Петровна, 1931 г.р.; Вилкова Любовь Семёновна, 1923 г.р.; Гусева Анфиса Александровна, 1921 г.р.; Захаров Иван Михайлович, 1937 г.р.; Захарова Анна Петровна, 1909 г.р.; Мишакина Анна Александровна, 1934 г.р.; Мякина Нина Александровна, 1932 г.р.; Спирина Феокиста Александровна, 1923 г.р.; Шувалова Евдокия Ивановна, 1919 г.р.

П. Поляна: Лукьянова Анна Егоровна, 1905 г.р.; Макеев Алексей Николаевич, 1919 г.р.

С. Протопоповка: Булдашкина Пелагея Фёдоровна, 1905 г.р.; Чирков Иван Ильич, 1946 г.р.; Чиркова Анна Васильевна, 1948 г.р.;

Д. Пушкарка: Абрамова Анна Николаевна, 1931 г.р.; Абрамова Елена Александровна, 1911 г.р.; Власова Надежда Фёдоровна, 1962 г.р.; Ганина Александра Петровна, 1924 г.р.; Горшкова Нина Павловна, 1932 г.р.; Илюхина Анна Андреевна, 1923 г.р.; Кулаков Анатолий Александрович, 1933 г.р.; Парунова Клавдия Андреевна, 1926 г.р.; Парунова Пелагея Павловна, 1916 г.р.; Тюринна Мария Трофимовна, 1921 г.р.; Школин Анатолий Фёдорович, 1957 г.р.; Школин Вячеслав Фёдорович, 1968 г.р.; Школина Мария Васильевна, 1928 г.р.

С. Пятницы: Денисова Анна Петровна, 1942 г.р.; Кротова Татьяна Михайловна, 1919 г.р.; Минеева Наталья Александровна, 1916 г.р.; Новикова Анна Андреевна, 1905 г.р.; Саксин Владимир Фёдорович, 1932 г.р.; Саксина Валентина Михайловна, 1937 г.р.; Шмельков Иван Петрович, 1916 г.р.; Шмелькова Вера Александровна, 1918 г.р.

С. Саблуково: Антонов Борис Фёдорович, 1945 г.р.; Антонова Мария Ефимовна, 1913 г.р.; Губочкина Анна Семёновна, 1917 г.р.; Демина Анна Васильевна, 1923 г.р.; Клочков Николай Григорьевич, 1937 г.р.; Козлова Мария Васильевна, 1924 г.р.; Краснов Александр Васильевич, 1950 г.р.; Куприянов Фёдор Васильевич, 1904 г.р.; Митин Михаил Ефимович, 1921 г.р.; Николаева Прасковья Григорьевна, 1902 г.р.; Романычев Александр Васильевич, 1936 г.р.; Сергеев Николай Иванович, 1921 г.р.; Сулимов Борис Иванович, 1924 г.р.; Сулова Тамара Григорьевна, 1932 г.р.; Хитева Тамара Семёновна, 1926 г.р.; Чернышкова Мария Ефимовна, 1893 г.р.; Шокурова Екатерина Владимировна, 1936 г.р.

П. Свобода: Крупина Анастасия Николаевна, Минеева Анастасия Васильевна

С. Селякино: Боркова Алина Фёдоровна, 1939 г.р.; Бузуев Михаил Васильевич, 1924 г.р.; Бузуева Агрипина Павловна, 1921 г.р.; Бузуева Екатерина Степановна, 1926 г.р.; Бурлаков Василий Тимофеевич, 1888 г.р.; Жестков Константин Михайлович, 1923 г.р.; Калинина Александра Дмитриевна, 1930 г.р.; Калинина Пелагея Михайловна, 1930 г.р.; Кожевниковта Любовь Григорьевна, 1928 г.р.; Королева Вера Александровна, 1935 г.р.;

Любшина Екатерина Григорьевна, 1924 г.р.; Нибусина Пелагея Алексеевна, 1919 г.р.; Пантелеев Павел Васильевич, 1917 г.р.; Пантелеева Анна Ивановна, 1913 г.р.; Пантелеева Вера Николаевна. 1933 г.р.; Проклова Зоя Ивановна, 1919 г.р.; Прокуронова Зоя Николаевна, 1922 г.р.; Ракушина Вера Ивановна, 1932 г.р.; Советова Евдокия Тимофеевна, 1911 г.р.; Советова Ольга Ниоклаевна, 1927 г.р.; Фильчагина Анна Егорьевна, 1912 г.р.; Шкунова Анна Васильевна, 1933 г.р.; Шмонин Александр Иванович, 1909 г.р.; Шмонин Константин Иванович, 1923 г.р.; Шמוнина Валентина Ивановна, 1932 г.р.; Шמוнина Татьяна Васильевна, 1908 г.р.

С. Семёново: Гладкова Зоя Ивановна, 1927 г.р.; Деядина Нина Егоровна, 1923 г.р.; Домова Вера Николаевна, 1919 г.р.; Жаднова Любовь Григорьевна, 1911 г.р.; Климова Пелагея Ивановна, 1902 г.р.; Коровин Александр Владимирович, 1927 г.р.; Коровина Раиса Дмитриевна. 1930 г.р.; Макарова Галина Всеволодовна, 1937 г.р.; Полёнова Нина Николаевна. 1926 г.р.; Романова Агриппина Алексеевна, 1906 г.р.; Романова Екатерина Ивановна, 1928 г.р.; Рослова Мария Яковлевна, 1935 г.р.; Рослова Нина Ивановна, 1929 г.р.; Стимкина Мария Дмитриевна, 1925 г.р.; Чайкина Мария Ивановна, 1926 г.р.; Ширкина Мария Михайловна, 1912 г.р.

Д. Успенское I: Воронина Елизавета Васильевна, 1925 г.р.; Грубов Василий Васильевич, 1933 г.р.; Грубов Гурий Иванович, 1930 г.р.; Грубова Екатерина Фёдоровна, 1912 г.р.; Грубова Мария Васильевна, 1921 г.р.; Грубова Нина Васильевна, 1929 г.р.; Елисеева Мария Васильевна, 1899 г.р.; Колобова Анна Васильевна, 1917 г.р.; Фокина Анна Васильевна, 1909 г.р.; Фокина Марина Николаевна, 1904 г.р.; Шпилькина Енафья Петровна, 1921 г.р.; Юдин Василий Петрович, 1910 г.р.; Юдина Прасковья Ивановна, 1911 г.р.

Д. Успенское II: Банова Александра Максимовна, 1903 г.р.; Волкова Татьяна Павловна, 1916 г.р.; Китаева Анна Павловна, 1892 г.р.; Китаева Аграфена Алексеевна, 1905 г.р.; Тихонова анна Фёдоровна, 1897 г.р.; Чемотанов Иван Осипович, 1897 г.р.; Юдин Виктор Михайлович, 1923 г.р.; Юдина Александра Ивановна, 1925 г.р.; Юдина Мария Сергеевна, 1923 г.р.

С. Хватовка: Бородавкина Валентина Николаевна, 1934 г.р.; Бородавкина Мария Васильевна, 1940 г.р.; Бочкова Нина Васильевна, 1935 г.р.; Бочкова Нина Константиновна, 1929 г.р.; Будникова Надежда Ивановна, 1935 г.р.; Головкин Николай Иванович, 1918 г.р.; Головкина Вера Ивановна, 1918 г.р.; Головкина Вера Николаевна, 1925 г.р.; Головкина Клавдия Николаевна, 1930 г.р.; Головкина Любовь Ивановна, 1946 г.р.; Головкина Нина Фёдоровна, 1929 г.р.; Горохова Татьяна Васильевна, 1920 г.р.; Игнатьева Мария Григорьевна, 1927 г.р.; Игумнов Михаил Михайлович, 1936 г.р.; Игумнова Лидия Ивановна, 1926 г.р.; Игумнова Наталья Васильевна, 1919 г.р.; Колосова Татьяна Григорьевна, 1918 г.р.; Костылева Мария Николаевна, 1925 г.р.; Корчагина Надежда Ивановна, 1930 г.р.; Никитина Нина Владимировна, 1929 г.р.; Пасухина Анна Михайловна, 1936 г.р.; Пасухина Евдокия Александровна, 1932 г.р.; Рознов Владимир Фёдорович, 1928 г.р.; Романов Алексей Иванович, 1930 г.р.; Романов Алексей Егорьевич, 1936 г.р.; Романов Егор Егорович, 1905 г.р.; Романова Людмила Алексеевна, 1945 г.р.; Романова Надежда Егоровна, 1934 г.р.; Сапожникова Анна Алексеевна, 1918 г.р.; Сапожникова Анна Михайловна, 1927 г.р.; Старникова Татьяна Николаевна, 1921 г.р.; Тарасова Валентина Ивановна, 1932 г.р.; Томилина Вера Михайловна, 1939 г.р.; Томилина Лидия Михайловна, 1935 г.р.; Торнушевская Клавдия Михайловна, 1934 г.р.; Тулякова Мария Ивановна, 1925 г.р.; Уснова Татьяна Игнатьевна, 1936 г.р.; Фролова Едокия Васильевна, 1922 г.р.; Фролова Екатерина Николаевна, 1926 г.р.; Хлынова Нина Ивановна, 1932 г.р.; Хрычёва Лидия Ивановна, 1915 г.р.

Д. Черемас: Буракина Лидия Фёдоровна, 1939 г.р.; Буракина Любовь Фёдоровна, 1926 г.р.; Бурин Иван Иванович, 1929 г.р.; Бурин Пётр Иванович, 1922 г.р.; Бурина Вера Васильевна, 1954 г.р.; Бурина Пелагея тихоновна, 1929 г.р.; Бурина Прасковья Петровна, 1926 г.р.; Григорьева Анна Михайловна, 1944 г.р.; Казулова Мария Васильевна, 1952 г.р.; Купряхин Евгений Андреевич, 1937 г.р.; Плетнева Любовь Никифоровна, 1947 г.р.; Рябова Александра Степановна, 1919 г.р.; Садова Прасковья Ивановна, 1922 г.р.

С. Чернуха: Бакулина Антонина Александровна, 1926 г.р.; Батраков Михаил Иванович, 1913 г.р.; Батракова Елизавета Фёдоровна, 1914 г.р.; Белякова Клавдия Тимофеевна, 1922 г.р.; Верещагина Фиоктиста Филипповна, 1922 г.р.; Гордеева Таисия Матвеевна, 1915 г.р.; Гришин Тимофей Иванович, 1915 г.р.; Дмитриева Роза Ивановна, 1937 г.р.; Донскова Капитолина Фёдоровна, 1911 г.р.; Жарова Прасковья Михайловна, 1913 г.р.; Железнова Анфиса Астафьевна, 1900 г.р.; Железнова Римма Тимофеевна, 1938 г.р.; Загребеева Ирина Олимпиевна, 1926 г.р.; Занозина Любовь Степановна, 1910 г.р.; Зимин Серпиен Тимофеевич, 1907 г.р.; Зими́на Степанида Астафьевна, 1907 г.р.; Зюзина Нина Ивановна, 1929 г.р.; Калинин Михаил Иванович, 1911 г.р.; Коршунова Александра Васильевна, 1908 г.р.; Корчажкин Валентин Павлович, 1937 г.р.; Коткова Мария Григорьевна, 1919 г.р.; Кряжова Мария Ивановна, 1936 г.р.; Кудина Мария Васильевна, 1928 г.р.; Купрюшкина Валентина Фёдоровна, 1926 г.р.; Курганова Нина Ивановна, 1937 г.р.; Лукина Елена Борисовна, 1949 г.р.; Маринина Мария Григорьевна, 1932 г.р.; Маркевич Александра Ивановна, 1933 г.р.; Миронова Александра Павловна, 1936 г.р.; Миронова Анастасия Ефимовна, 1913 г.р.; Михевнина Анна Григорьевна, 1916 г.р.; Никишенкова Любовь Алексеевна, 1935 г.р.; Овсянникова Анастасия Ивановна, 1900 г.р.; Осинкин Григорий Филиппович, 1907 г.р.; Осинкина Анна Евсеевна, 1916 г.р.; Осинкина Валентина Васильевна, 1934 г.р.; Овсинкина Евгения Александровна, 1924 г.р.; Овсинкина Любовь Семёновна, 1910 г.р.; Осинкина Мария Сизоевна, 1929 г.р.; Осинкина Федорина Филипповна, 1940 г.р.; Панкратова Соломея Егоровна, 1918 г.р.; Пахутин Иван Наисьевич, 1902 г.р.; Полякова Анфиса Ивановна, 1920 г.р.; Полякова Прасковья Ивановна, 1913 г.р.; Пушкарёва Татьяна Михайловна, 1897 г.р.; Раштанова Агафья Фёдоровна, 1897 г.р.; Сафронов Михаил Иванович, 1911 г.р.; Сафронова Коми́ла Васильевна, 1912 г.р.; Сомова Мария Венедиктовна, 1930 г.р.; Тюрина Клавдия Ивановна, 1927 г.р.; Ухлина Ульяна Сизоевна, 1929 г.р.; Хальзова Мария Васильевна, 1921 г.р.; Хохлова Вера Ивановна, 1912 г.р.; Цыбряев Александр Демьянович, 1948 г.р.; Цыбряев Александр Иванович, 1924 г.р.; Цыбряева

Мария Ивановна, 1913 г.р.; Цыбряева Римма Павловна, 1926 г.р.; Шахаев Евгений Алексеевич, 1914 г.р.

Д. Шатовка: Аношина Надежда Васильевна, 1932 г.р.; Волкова Василиса Ивановна, 1914 г.р.; Исаева Александра Михайловна, 1930 г.р.; Кондратьева Нина Герасимовна, 1917 г.р.; Кормишина Валентина Николаевна, 1950 г.р.; Лукьянова Антонина Васильевна, 1926 г.р.; Наумова Маргарита Фёдоровна, 1924 г.р.; Полякова Тамара Ивановна, 1912 г.р.; Помелова Татьяна Васильевна, 1921 г.р.; Сбитнева Тамара Герасимовна, 1915 г.р.; Устимова Галина Васильевна, 1927 г.р.; Фролова Валентина Ивановна, 1919 г.р.; Шалаева Прасковья Герасимовна, 1913 г.р.

С. Шерстино: Ишенькина Прасковья Семёновна, 1914 г.р.; Юрлова Людмила Петровна, 1931 г.р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРЗАМАССКИХ ГОВОРОВ:

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

(по источнику «Речи родимой бескрайняя даль...» [Речи... 2009, 7-16])

Арзамасские говоры – это говоры административно-территориальной единицы – Арзамасского района, расположенного в сельскохозяйственной зоне юга Нижегородской области, в Правобережье её, в бассейне р. Оки. Арзамасские говоры входят в состав говоров Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, яркой особенностью которых является совмещение территориально разнородных диалектных черт – фонетических, грамматических, словообразовательных, лексических.

В арзамасских говорах на фоне общерусской фонетики реализуются следующие диалектные фонетические явления:

- В области ударного вокализма произносится звук [и] в соответствии с [е] из ъ: *здись, вѣник, вѣтер, дѣло, дид. лис, мѣсто, бѣлый, хлиб, хлив, слид* и т.д.; звук [е] в соответствии с [а] между мягкими согласными в неопределённой форме глаголов: *кричень, стучень, пицень, взеть* и под.; в отдельных словах наблюдается отсутствие перехода [е] в [о] после мягких согласных перед твёрдыми: *вѣдры, гнѣзды, зелѣненькай, пучѣчек*, а также *мешѣчек*.

- В I-ой позиции после твёрдых согласных бытует оканье, причём неполное (на территории Потешья,, Попьянья и севернее течения рек Тѣши и Пьяны, а также южнее течения реки Тѣши): *г[о]рѣ, [о]врѣг, [о]нѣ, д[о]рѣга, н[о]лѣно, н[о]стрѣна, м[ѣло]тѣть, ст[ѣро]жѣ, б[ѣ]р[ѣ]н[о]вѣть, н[ѣро]дѣть, тр[ѣ]вѣ, т[ѣ]кѣй, н[ѣ]прѣвить, н[ѣда]рѣть, н[ѣпа]дѣть* и т.д.; недиссимилятивное аканье (южнее течения названных рек): *г[ѣ]рѣ. [ѣ]врѣг, д[ѣ]рѣга, в[ѣ]дѣ, н[ѣ]лѣно, н[ѣ]стрѣна, с[ѣ]рѣвать, н[ѣ]лѣнѣ, н[ѣ]дѣть, д[ѣ]ждѣться, н[ѣра]дѣть, т[ѣ]рм[ѣ]жѣ, н[ѣпа]дѣт* и т.д. Однако на этой территории аканье в одних микросистемах сосуществует с оканьем в других, иногда даже смежных (юг Арзамасского района). Более того, оканье и аканье

могут совмещаться в пределах говора одного населённого пункта (например, в сёлах Беговатове, Хватовке Арзамасского района).

- В I-ой позиции после мягких согласных наблюдается различие гласных: ч[а]ёвничать, ни[т'а]нóй, [д'а]дья, [р'а]бína, [з'а]тёк, [ja]зЫшник, [ja]дрёнай, [ja]рiлы, [ч'а]лдо́н, [р'а]бо́й, ле[д'а]нóй; [д'е]ляга, [с'е]до́й, [б'е]да́, [м'е]тель, [т'е]ло́к, [м'е]до́к, [с'е]ло́, [м'е]ня́ть, [б'е]рэ́зка; [л'и]пня́к, [с'и]не́ть, [л'и]за́ть, [м'и]ри́ть, х[р'и]не́ть и т.д.; в окающих микросистемах (правда, не во всех) частотно ёканье: [в'о]тла́, [jo]во́, [с'о]ло́, [с'о]стра́, [jo]да́, в [л'о]су́, ц[в'о]ту́т, б[р'о]вно́, [б'о]да́, [с'о]до́й, [м'о]до́к, [д'о]ру́т, [з'о]рно́, [л'о]та́ть, [т'о]плó, [Ф'о]до́ра, [ч'о]ты́ре и т.д., см. также после шипящих: [жо]на́тай, [жо]лто́к, п[шо]но́, [шо]пта́ть, [шо]сто́й, [шо]сто́к; в отдельных говорах оканье может совмещаться с, условно говоря, иканьем – произношение [и] в соответствии с [е] при сохранении в этой позиции [а]: [д'и]ме́й, [т'и]ба́, [п'и]но́й, [п'и]ча́ть, ин[т'и]ре́сно, [с'и]мья́, раз[д'и]ля́л, [с'и]ла́, по[п'и]ре́шный и т[р'а]сли́, у[б'а]за́тельно, п[л'а]са́ть, г[л'а]де́ли, [в'а]за́ли. Проявляется и вариативность: произнесение в 1-ой позиции то [и]. то [е] (при сохранении [а]): [д'и]вчо́нка и [д'е]вчо́нка, [т'и]ле́га и [т'е]ле́га, к[р'и]стья́не и к[р'е]стья́не.

Таким образом, с оканьем могут совмещаться различие гласных, ёканье, в меньшей степени – «частичное» иканье; с аканьем – различие гласных, иканье, еканье, в отдельных микросистемах яканье, чаще умеренное.

- Во II-ой позиции (во 2-ом предударном и заударных слогах) говорам свойственна качественная редукция гласных [о] и [а], совпадение их в [ъ], редукция [е] в [ь]: д[ъ]ле́ко, п[ъ]луча́ться ст[ъ]ри́ки, п[ъ]то́му, п[ъ]спраша́ть, н[ъ]высо́те, э́т[ъ]т кало́[д'ъ]зь, [п'ъ]ресóхл[ъ] ре́чк[ъ], про́зв[ъ]ли, ска́зыв[ъ]ли, быва́л[ъ], бала́т[ъ] и т.д.

На особом положении находятся неверхние гласные в конечном слоге немногосложных слов, особенно в открытом: они могут не редуцироваться, тем более при напевной интонации, а в соответствии с [е] в этой позиции часто звучит [а], как, впрочем, и в соответствии с [о]. Например: у до́м[а], гуля́л[а],

колі-т[а], овраг[а], работ[а]м, хан[а] Шéих[а] убіли, бітв[а], мордóвск[а] имя, срóдышн[а] назва́[н'я], высóк[а] рам[ьн'я] и т.д. Возможна здесь и вариативность: *рóвн[ъ] мéст[ъ]* и *рóвн[а] мéст[а]*, *высóк[ъ] пó[л'ь]* и *высóк[а] пó[л'а]*, *бóльн[ъ] ширóк[ъ] болóт[ъ]* и *бóльн[а] ширóк[а] болóт[а]*; а также другие случаи.

- В части говоров существует наряду с [о] произношение [у] в абсолютном начале слова в соответствии с [о]: *убнові́тть, угорóд, угу́рцы, уди́яло, утопрі́, утодві́нь, удновá, уторві́, уст[ъ]нові́сь* здесь, *убложі́ть, утмотáй* *ут клубка* и т.д. В акающих говорах здесь произносится [а]: *абра́дывать, абнадёжить, аблажі́ть, атадві́нь, атрад́ясь, астанóвка* и т.д., реже – [и]: *интані́на, иднавó, инá* и т.д.

Арзамасским говорам свойственна особая интонация, выражающаяся в удлинении гласных, особенно конечных слогов (не эмфаза), - протяжная, напевная: *Манька-а-а! Иди́ домой-ту-у-у!* (с. Костылиха); *Баню-ту-у топи-и-ить ай не-е-ет?* (с. Котиха); *Ды што говори-и-ить, тяжело-о-о жили, а ща-а-ас ещё хуже-и-и* (с. Ковакса) и под.

В области консонантизма проявляются следующие особенности:

- на фоне повсеместного взрывного [г], находящегося в отношениях позиционной мены с [к], лишь в единичных микросистемах на юге региона наблюдается [γ] с его оппозитом [х]: *[γ]ряды, по[γ]ляди, [γ]рязи, сне[γ]а – снех, сапо[γ]и – сапох, пама[γ]и – памох, ду[γ]а – дух* и т.д.;

- в некоторых говорах твёрдое цоканье: *цай, цысто, цово, цэтыре, цудо*;

- твёрдые долгие шипящие и [ч]: *кладбишы, трушиоба, шшопóть, шшыпать, дóжжак. со свету жжывать, чысто, чаша, чуни, чытарь. чудить, чорствай*;

- полная ассимиляция звуков в сочетаниях [з'д'], [с'т'], [дн] (при сохранении [бм]): *веззе, ззесь, уззечка, киссями, кóсси, сё онно, неронной, обман, обмерить*;

- полная ассимиляция звуков на стыке окончания и постфикса в формах 2 л. ед.ч. возвратных глаголов: *смеёсся, вернёсся, боисся, ложисся, страмисся*;
- упрощение групп согласных [с'т'], [з'н'] в позиции абсолютного конца слова: *есь, шесь, прясь, местность, ужась, милось, жись, болесь*;
- диереза интервокальных звуков [б], [в], [д]: *баушка, деушка, зоут, буит, хóит*;
- наличие протезы: *ольняной, ольянной, оржаной, этот*, эпентезы: *струбы, страм, ндравиться, присусéндиться*, метатезы: *порнавился, карковьяк (краковьяк), гнила (глина)*;
- в соответствии с сочетанием [ч'н] произнесение [шн], а в отдельных случаях [сн]: *мушной, молошной, врушную, пшенишной и пшенисной*;
- [к] в соответствии с [х] в ряде слов: *клев, коронить, кутор, коровод, крапеть, карахтер*.

Наблюдается (в окающих говорах повсеместно) пограничное, синкретичное, явление (и фонетическое и морфологическое) – стяжение гласных в результате утраты интервокального [j] и предшествующей ассимиляции гласных в сочетаниях ая, яя, ае, ое, ее, ую, юю, ие, ые адъективных (им.-вин. пад. ед. ч. женского и среднего рода, им.-вин. пад. мн.ч.) и личных глагольных (2, 3 л. ед.ч., 1 и 2 л. мн.ч.) форм: *хорóша жисть, красíву девку, бóйку бабу, вку́сно яблоко, жёлто, спéло зёрно, дóлги дни, у́мны деушки, вку́сны ягоды* и др.; *ду́машь, подмётáшь, гуля́шь, побледнёшь, ду́мат, знат, гуля́т, посинéт, чернё́тся, гуля́м, чита́м, страда́м, страда́те, увлекáтесь, побледнё́те* и др.

СЛОВНИК МИКРОАНТРОПОНИМОВ

А

Аба́	А́ля-Бу́бя
Аба́иха	Аля́ка
Аба́ня	Аля́м
Абра́м	Аля́мс
Абраме́ц	Амартиза́тор
Абре́к	Амба́л
Абы́с	Аме́ля
Ава́ч	Амзо́р
Авдо́тья	Ана́ничав
Аво́ська	Анато́лий Сне́гирь
Агроно́мка	Ана́шка
Адвока́т	Андро́н
Адра́	Ане́нка
Адьюта́нт	Ани́ка
Адя́	А́нка За́дня
Адя́шка	А́нка Зо́нкина
Аеродро́м	А́нка Пулемётчица
Акаде́мик	А́нночкина
Аккура́тный	Анто́шка
Аксе́ниха	Анто́шка
Актив	Анио́шка Депута́тка
Ала́тий	А́ра
Але́	Арбу́з
Алексей Куль-куль	Аре́жа
А́ли	Арендáтор
Али́-Баба́	Арзамáсская Пра́вда

Арка́н
 Армя́н
 Арси́нтий Дубо́вый
 Архи́в
 Архи́в
 Архиме́д
 Арши́н
 Аря́гин

Аря́м
 Агамáнка
 Ата́нда
 Атвали́
 А́том
 Афга́нец
 Афо́ня
 Ахме́т

Б

Ба́ба Гру́ня
 Бабаба́шка
 Баба́й
 Баба́ка
 Баба́н
 Бабе́й
 Бабо́тя
 Бабу́шка
 Бабу́шка Я́рочка
 Бага́жный
 Бада́ниха
 Баде́нька
 Бадо́н
 Бадря́жка
 Бадья́
 Бадя́денька = Ко́шкин хвост
 Бажа́
 Базáр
 Базáрка
 Бази́ль
 Бай

Байдúшка
 Байка́н
 Байми́ха
 Бакаре́й
 Бакла́н
 Баклу́ша
 Балабо́н
 Балагу́риха
 Бала́й
 Баламу́т
 Баландá
 Бала́ндиха
 Балда́
 Балёня
 Ба́линька
 Балка́н
 Бало́н
 Балúга
 Бальма́х
 Балю́ля
 Баля́ска

Баля́сница	Ба́рыня
Бама́ня	Ба́рышня
Банди́т	Ба́ря
Банду́ра	Баря́шка
Бандю́га	Бас
Ба́нная	Баса́ня
Ба́нный	Басарёнок
Бараба́н	Басма́г
Бараба́шкин	Ба́стра́н
Ба́ран	Ба́тенька
Барафа́	Бато́н
Ба́раша	Батра́к
Ба́рашек	Ба́тый
Барба́р	Ба́тюшка
Барба́риха	Ба́тя
Барбо́с	Ба́тя Ржа́нов
Барбулда́	Батя́ня
Бардады́м	Ба́ур
Баре́т	Ба́уэр
Баре́тка	Баха́нка
Баржа́	Бахи́ла
Ба́рин	Бахо́ря
Барито́ниха	Бахча́
Баро́н	Башма́к
Барс	Башма́чник
Ба́рсик	Бая́ниха
Ба́рхатный	Бегемо́т
Бархо́тка	Бего́м
Ба́рыга	Беда́
Ба́рыга	Бе́дный

Беззамѣнна	Биток
Безносый	Бѣца
Безрукий	Благашка
Безьян = Бес	Блиганец
Бекѣшки	Блидан
Бѣлая Голова	Блин
Бѣлая Шапочка	Блиннай
Бѣленький	Блинók
Бѣлка	Блинчик
Беломор	Блónка
Бѣлочка	Блоха
Бѣлый	Блэк
Беляк	Блюм
Белянки	Блюндер
Беначѣха	Блюхер
Бензоколónка	Блябля
Бердан	Блямбр
Берданка	Бобан
Берѣзки	Бобаниха
Бес	Бобёр
Бесѣда	Бобик
Беспáлый	Бобики
Бѣша	Бобók
Бешеный	Бобон
Бздина	Бобонька
Бзюк	Боботин
Бибѣика	Бобрёнок
Бибѣшка	Бобрѣха
Бизон	Бог
Бирюк	Богач

Богáчка	Боневúр
Богáчка	Бордачóнок
Богдáниха	Бóренька Золотóй
Богомáз	Бóрзая
Богомóлец	Борíс
Богомóлик	Бóрма
Бóдрай	Бóрман
Бодря́жка	Борматúха
Боевúшка	Бóров
Боёк	Бородá
Бóженька	Бородáч
Божóк	Боронáл
Божóнок	Борунíха
Бóйка Бáба	Бóрька –
Бóйкий	Борькин
Бойчíха	Бóря
Бокáша	Бос
Бокáши	Босóй
Боксёр	Бóцман
Болéзный	Бóчка
Болóнка	Бочкáрь
Болóтный	Бояниха
Большáк	Брáвый
Большáя Головá	Брáжный Кувшín
Большеголóвый	Брáтец Лис
Большоглáзая	Братíна
Большóй	Брáтынька
Бóмба	Брáтынька-Ванятынька
Бóндарь	Брédя
Бóндарь	Брест

Бригадір	Бульбых
Бриллиантовая Рука	Буля
Бритый	Бумбур
Бровкин	Бурак
Бродяга	Буран
Броня	Бураныч
Брыксон	Буратина
Брылястая	Буратино
Буба	Бурдак
Бубень	Буревой
Бубин	Буржуй
Бублик	Бурин
Бубука	Бурлак
Бубуля	Бурланя
Бугай	Бурый
Бугор	Бурьло
Будениха	Бурьль
Будулай	Бурюшка
Бузуй	Буря
Бузуниха	Буслай
Бузюк	Бусыгин
Буйвол	Бутруша
Бук	Бутылин
Бука	Буфет
Букан	Бухало
Булка	Бухня
Булка Копытина	Буцанца
Булочка	Буян
Бульбашка	Буяниха
Буль-Буль	Бык

Быс

Бычóк

Бьятка

В полпёрца мать

Ва́ва

Вавáня

Ва́вый

Вагóн

Ва́дик-Та́дик

Ва́ка

Ваку́ла

Валёк

Валенти́на Терешко́ва

Вале́рик

Вале́рка

Вале́т

Ва́лька Ряба́я

Валу́ша

Ва́ля Биби́ка

Ва́ля Самолёт

Ванчу́рка

Вань́шка

Ва́нька Баландá

Ванька Бык

Ва́нька Вони́ща

Ва́нька Деревя́нный

Ва́нька Дли́нный

Ва́нька дли́нный лом проглотил

Ва́нька Доце́нт

Бья́тонька

Бя́ка

Бя́шка

В

Ва́нька Дугá

Ва́нька Ке́пкин

Ва́нька Корóтенков

Ва́нька Кот

Ва́нька Лоб

Ва́нька Ня́нкин

Ва́нька Пе́нтюль

Ва́нька Ханóй

Ва́нька Цыга́н

Ва́нька Чу́дила

Ва́ня Бего́м

Ва́ня Бе́ленький

Ва́ня Га́ня

Ва́ня Грач

Ва́ня Клепешо́к

Ва́ня Лы́сый

Ва́ня Ми́лый

Ва́ня Самолёт

Ва́ня Сопля́

Ваня́га

Ваня́тка

Ваня́чий

Вара́

Вара́н

Варбу́ца

Варга́н

Варга́нка	Ведёрница
Ва́режка	Ведьма
Ва́ренька	Велосипед с моторчиком
Вариáнт	Вера Кру́пская
Вари́ла	Верига́нка
Варла́миха	Вёрка Коса́я
Варя́га	Вёрка Кубе́тка
Васёк	Верста́ Колóменная
Васёна	Весёлый
Васёныш	Вéстонька
Васи́ль Дарьич	Ветеро́к
Ва́ська Бе́лый	Ветря́к
Ва́ська Бурды́к	Вéтынька
Ва́ська Губа́н	Вéчный Зов
Ва́ська Ки́ска	Вещь
Ва́ська Кот	Взвóдника
Ва́ська Ле́вый	Взвóдный
Ва́ська Мухри́к	Ви́ка Чешнёв
Ва́ська Са́хар	Ви́лка
Ва́ська Те́ркин	Вило́к
Ва́скин	Ви́нни-Пух
Ва́ся	Вирёнок
Ва́ся О́личкин	Витами́новна
Ва́ся Свято́й	Ви́тенька Могíлочный
Вася́тка	Виту́ля
Ва́у-Ва́у	Ви́тка Ба́рин
Вахла́	Ви́тка Бригади́р
Вахра́н	Ви́тка Гу́сь
Вая́га	Витя́ Бяка
Вая́ра	Ви́тя Наш

Во́бла Суха́я
 Во́вка Ма́фа
 Во́вка Прямо́й
 Во́вка Хорёк
 Вовочкина
 Водола́з
 Во́ин
 Волжа́нка
 Волк
 Волко́ед
 Волчо́к
 Вольдема́р
 Воробе́й

Вороже́я
 Во́рон
 Воро́на
 Воронёнок
 Воронóк
 Воспита́тель
 Вострячи́ха
 Во́цинка
 Во́шка
 Во́яка
 Вся́кий
 Вьюро́к
 Вью́шка

Г

Га
 Гавно́
 Гаври́льский
 Гаврюки́
 Гага́
 Гагаль
 Гага́н
 Гага́рин
 Га́гин
 Гадате́ль
 Гадю́ка
 Газе́та
 Гайшник
 Галаночка
 Гала́х
 Гале́ша

Га́лка
 Галы́к
 Га́лька
 Га́лька Ле́нькина
 Га́лька Писку́лька
 Га́ля Бу́ля
 Галя́ва
 Га́ма
 Гана́псик
 Ганды́шка
 Ганс
 Га́нсы
 Ганте́ль
 Ганц
 Га́ня
 Гара́нка

Гара́ня	Гло́бус
Гаргунéц	Гло́тка
Га́ся	Глуха́рь
Гафо́н	Глухо́й
Гафо́ниха	Гни́да
Гвоздь	Гни́ды
Гего́	Гнило́й
Гельбис	Гном
Генерал	Гнус
Генера́льша	Гнуса́рь
Гéнка Золото́й	Гну́тка
Геркулéс	Говню́шка
Геро́й	Говору́шка
Гéрцог	Говя́ш
Геста́по	Го́га
Гигант	Го́ган
Ги́рник	Гогáр
Гита́ра	Гого́й
Ги́тлер	Гого́л
Гла́денький	Го́голь
Глаз	Гого́ра
Глазо́к	Гогу́ра
Глазу́н	Го́дик
Глазу́нчик	Годуно́в
Глазу́нья	Го́лван
Глафи́ра	Голёниха
Гли́нкин	Голéц
Гли́нной	Голи́к
Глиста́	Голова́
Гли́стик	Голова́нец

Голова́стик	Госуда́рственный
Головя́шка	Граф
Голога́	Грач
Голосо́к	Грача́га
Голубёнок	Гребешни́к
Голу́бка	Грек
Голу́бчик	Гриб
Го́лый	Гриба́н
Гольи́ш	Грибо́к
Го́мес	Гри́ва
Гонобо́б	Гри́венник
Го́нчий	Гри́ня Водола́з
Горба́тенькая	Гри́ста-Ва́ста
Горба́тый	Грицко́бен
Горбу́ля	Гром
Горбун	Громíла
Горбы́ль	Грузи́н
Горде́й	Гру́шка Мигу́шка
Горелка	Грызун
Горелый	Грязь
Го́рна	Губа́н
Горни́ст	Губа́нька
Горо́х	Губа́стый
Горхо́-Перхо́	Губошле́п
Горше́шник	Гугу́н
Горшо́к	Гудо́к
Горшо́к	Гудро́н
Горя́чий	Гу́ленька
Горя́чка	Гу́ля
Господи́н Карто́шкин	Гумано́ид

Гу́ня
 Гу́ро́н
 Гу́рьян
 Гуса́к
 Гуса́р
 Гусёк

Гуси́ха
 Гу́сынька
 Гусы́ня
 Гусь
 Гучо́к

Д

Дави́д
 Давы́дка
 Дай огня́, не кури́л четы́ре дня
 Да́мка
 Дани́ла
 Да́нька
 Дарада́л
 Дармоэ́д
 Да́шка Ша́рашка
 Два на четы́ре
 Дворня́жки
 Де́бан
 Де́вушка с ха́рактером
 Де́вятая ро́та
 Де́да Ко́ля
 Де́дин
 Де́динька, Витька Де́дин
 Дедо́к
 Деля́га
 Демаго́г
 Де́мон
 Дено́й
 Де́рганы́й

Де́ргун
 Де́рэвня
 Деревя́нный
 Деро́к
 Джиги́т
 Джин
 Джон
 Джо́нни
 Джо́нсон
 Диви́зия
 Ди́зель
 Ди́кая Диви́зия
 Дико́й
 Диля́га
 Дипломáт
 Директо́р
 Дитё
 Добры́ня
 Додо́н
 До́ктор
 До́ктор по маши́нам
 Доку́на
 До́лгай

До́лгий	Дубі́на Дубо́ва
Домово́й	Дубо́вый
Дон Кихот	Ду́бынька
Допу́стим	Дуга́н
Доска́	Дуда́
До́ся	Дудо́к
До́уль	Дунду́к
Доце́нт	Ду́нька
До́чка	Ду́нька Курица
До́шлая	Ду́нька Овча́рка
Драко́н	Ду́ня Голуба́я
Дра́лец	Ду́ня До́лга
Драчуни́ха	Ду́тлый
Дре́нька Секре́тный	Дух
Дре́ня Вася́нин	Душа́
Дре́па	Душма́н
Дро́лька	Дымо́к
Дром	Ды́ня
Дро́чка	Дюймо́вочка
Дрыби́ян	Дюньда́к
Дрын	Дядя Ва́ня
Дрю́пель	Дядя Сте́па
Дрю́пня	Дядя́шка
Дрю́фа	Дя́тел
Дуб	

Е

Евре́й	Ёжик
Евре́йка	Еле́на Прему́драя
Евро́пка	Еле́нушка Прекра́сная
Еди́н	Е́лька

Ерма́нец
 Ёро́к
 Еропла́н
 Ёро́шка
 Ёрш

Ёршо́к
 Есе́нин
 Ехи́да
 Ёш те ко́рень

Ж

Жа́ба
 Жабóй
 Жаботи́нский
 Жандари́ха
 Жа́ренный
 Жекéтка
 Желéзка
 Желéзная Нога́
 Желéзный
 Желобóк
 Жемура́й
 Жеребе́ц
 Жёсткий
 Жея́н
 Живе́ц
 Жига́н
 Жига́ниха
 Жиги́т
 Жид
 Жи́да

Жидо́к
 Жимара́шка
 Жира́ф
 Жи́рный
 Жиру́ха
 Жи́ры
 Жиря́к
 Жмот
 Жмуря́к
 Жопáн
 Жопёнка
 Жо́ра
 Жо́ра Жига́н
 Жо́рик
 Жох
 Жук
 Жука́лка
 Жу́кля
 Жу́лик
 Жу́чка

З

Забода́й
 Забулды́га
 Завхо́з

Заги́быш
 Заглу́шка
 Зайка

За́йка	Зильда́
За́йчиха	Зима́
За́йчу́ха	Зимбаря́та
Зано́за	Зимбура́
Заовра́жкин	Зимён
За́па	Зи́на
Запла́ткин	Зи́нка Гло́бус
Запла́тный	Зи́нка Коза́
Запру́дный	Зис
Запрудо́шка	Злой
Зара́за	Змей
Заты́чка	Зна́ма Цай
За́яц	Золота́я Голо́вушка
Збу́зданная	Золота́я Ры́бка
Звезда́	Золотой
Звездёнок	Золотой
Звездочёт	Золото́й Шар
Звон	Золоту́ха
Звона́рь	Зо́ркий Со́кол
Звоно́к	Зо́тик
Зевс	Зуб
Зелёный	Зубоска́л
Зэ́ма	Зу́брик
Зё́ма	Зуда́
Земе́ля	Зык
Земе́ц	Зю́ка
Землеме́р	Зю́монька, Изю́минка
Земля́к	Зя́блик

И

Ива́н До́лгий

Ива́н Лопша́

Ива́н Метр
 Ива́н Подго́рный
 Ива́н Руль
 Ива́н Татъя́ныч
 Ива́н Центра́льный
 Иди́ нога́, швыря́й песо́к
 Ё́жица
 Илья́ Му́ромец

Импера́тор
 Инде́ец
 Инжене́р
 Ин-зи́ба ин-ли́па
 Инкуба́тор
 Ину́п
 Ё́нька
 Иису́с

К

Кабáка
 Каба́н
 Каба́н
 Кабани́ха
 Каба́нка
 Каба́сик
 Каба́шный
 Каблу́к
 Кабо́й
 Кавá
 Кадада́ш
 Кадр
 Кады́к
 Каёна
 Кажёра
 Кажу́
 Каза́к
 Казанды́рка
 Казáрка
 Казáчка
 Казбе́к

Как-ка́к
 Калабала́
 Калабре́йка
 Каланди́н во век я́ма
 Каланча́
 Калаты́рь
 Кала́ч
 Калга́н
 Кали́на
 Кали́на Мали́на
 Кали́нка
 Кали́ныч
 Калиро́н
 Кальдя́й
 Каля́да
 Каля́ня
 Камáк
 Камбала́
 Ка́мбус
 Камоди́к
 Камча́тка

Канá	Каргá
Канáда	Кардán
Канáл	Карéта
Кананёр	Кáрлик
Канарéечка	Кармáль
Канарéйка	Кармéн
Канатёры	Карнéй
Кáнка	Карп
Канóк	Карсáк Федя
Канóнька	Карсóнка
Кантáрь	Картáвый
Каню́ня	Кару́ля
Каня́ня	Кáрын
Ка́пелька	Кары́с
Капёр	Касáн
Капрáл	Касáтик
Капрóн	Касáть
Капу́стник	Кастрю́ля
Капу́стница	Кастрю́ля
Ка́пынька	Касья́н
Караба́ниха	Кáтенька
Карава́й	Кáтенька Распуза́тенька
Кара́ка	Катóк
Караку́м = Саха́ра	Кату́шка
Каранда́ш (Кáтька Па́рень
Карапéт	Кáтька Сва́ха
Карапу́зик	Кáтькин
Кара́сик	Катю́ля
Кара́сь	Катю́нин
Карби́дники	Катю́ша

Ка́тя Бабу́рка	Кі́слай
Ка́тя Ба́нна	Кі́сонька
Ка́тя Мо́нашка	Киста́
Кафа́й	Кису́ля
Кафта́н	Кита́ец
Каца́п	Кита́й
Кача́н Голова́	Кита́йцы
Каю́ня	Кито́вы Жи́лы
Ка́янный	Китунéц
Кая́ч	Кла́вка Коля́ска
Кéка	Кларне́т
Келéнка	Клахоли́ха
Кéльман	Клёпа
Кéпчики	Клим
Кéренский	Климáн
Кéрик	Клинáр
Кéшка	Кли́нышек
Кили́п	Клок
Ки́лька	Клоп
Ки́ля	Кло́ун
Киля́к	Клу́шка, Насéдка
Кирги́з	Клык
Кирéй	Клысь
Кири́лл	Клюшня́к
Ки́рный Ваня́шка	Клюшо́нок
Ки́ря	Кляёнок
Кі́са	Кляты́нька
Кисéль	Кно́пик
Кисéт	Кно́пка
Кі́ска	Кно́почка

Князь	Кокорéй
Кобля́	Кокúй
Кóбра	Колбасёнок
Ковалёк	Колбáсник
Ковали́ха	Колбáсник
Коваль	Колдúн
Кóванный	Колё-Молё
Ковбóйка	Кóленька Большо́й
Ковыро́к	Кóленька Ма́ленький
Кóденька	Колесёнок
Кодя́ня	Колёсик
Коза́	Колесó
Козáн	Колоба́ка
Козёл	Колоба́н
Козёл	Колобо́к
Козётка	Колобре́йка
Козлёнок	Коло́да
Кóзлик	Колоду́нька
Козли́ха	Кóлокол –
Кóзочка	Колоколо́
Кóзырь	Колони́да
Кóзырь	Колотúха
Кóзырь	Колотúшка
Кóзья Но́жка	Колпачи́ха
Козя́ин	Колúн
Кóка	Колхи́да
Кокáнька	Колхо́зник
Кокётка	Колча́к
Кокли́ха	Кóлышек
Кокóвочка	Кóлька Закро́й

Колька Сия́	Конфо́рка
Колька Тётéль	Конь
Колю́ся	Копáйка
Ко́ля Блида́н	Копéечка
Ко́ля Блин	Копéй
Ко́ля Ва́ся	Копéйка
Ко́ля Ма́клер	Копчёный
Ко́ля Ма́ленький	Копчик
Ко́ля Нос	Копы́л
Ко́ля Сра́кин	Корешо́к
Ко́ля Фи́лин	Кормачи́ха
Ком	Корноу́хий
Комáр	Коробо́к
Комáрик	Коробочка
Комба́т	Коро́ва
Комисса́р	Коро́вушка
Комисса́риxa	Коро́ль
Комля́к	Кóрочка
Коммерса́нт	Корсачо́нок
Коммуна́р	Корту́н
Коммуна́риxa	Корту́ша
Комо́к	Коруно́к
Комо́лый	Кóршун
Комо́ха	Коры́то
Комса́	Коря́га
Комсомо́лка	Коря́ка
Конде́	Коса́я
Кондра́т	Косма́тый
Конéчные Девчо́нки	Кособо́кий
Кóнниxa	Косо́й

Косой Глаз	Кóшкин Хвост
Косой Зяяц	Кóшкина Жопа
Косонóгий	Кошóк
Косорóтая	Кощёй
Косошéий	КПСС
Кóсточка	Крадя
Костыль	Крак
Кóстя	Краля
Кóстя Ёнта	Крántик
Кот	Крапívник
Котёнок	Красá
Кóтик	Красáвица
Котíще	Красáвчик
Котóк	Красívый
Кóча	Крáсная Шáпочка
Кочán	Краснолóбенька
Кóчат Петух	Красноно́сый
Кочатóк	Краснорóжая
Кочетóк	Краснощёкая
Кочубéй	Крáсный
Кóша	Красу́ля
Кошáтник	Крачáрка
Кошáтник	Крэндель
Кошáтники	Крестьянин
Кошелíха	Крестья́нские Дéти
Кошéль	Крíва
Кóшечка	Кривáч
Кошínка	Кривóвы
Кóшицка	Кривóй
Кóшка	Кривоног[ъ]й

Кривонóжиха	Кувы́ль
Кривонóжка	Кúдрик
Кривошéий	Кúдря
Криву́шка	Кудря́ш
Кринду́линька	Кузнéц
Кринкí	Кузнéц
Крoвь с мoлoкóм	Кузнéчик
Крoкoдíл	Кузнéчиха
Крoкoдíл, Крoкoдíл Гéна	Кузьмá
Крóлик	Кузьмёнок
Крот	Кузьмíч
Крóтиxa	Кúзя
Крóшечкa	Кузя́кa
Круг	Ку́йка
Крúглый	Кука́
Крúпн[ъ]й	Кукáнчик
Крутóй	Кúкла
Крýмский	Кúколкa
Крýса	Кукúй
Крюк	Кукúня
Крючíхa	Кукúшкa
Крючóк	Кулáк
Кряк	Кулáк
Кúба	Кулaчíхa
Кубáнец	Кулёк
Кубарíхa	Кули́бин
Кúбарь	Кулидá
Кубы́шечкa	Кули́к
Кубы́шкa	Кули́к Болóтный
Кувáнкa	Кули́к Сухoпúтный

Кулитáн	Кúрка
Кули́ха	Куркúль
Кули́чиха	Кúрлик
Кулугúр	Курмьш
Кулугúрка	Курна́йка
Куль	Кúрник
Кульва́н	Куро́к
Кульга́	Курола́пый
Кульда́	Куропáтка
Кúльтик	Кúрочка
Культу́ра	Курощúп
Культя́па	Куртыши́ха
Культя́пай	Курúзка
Культя́шка	Курола́пый
Кум	Курúня
Кума́	Курúшка
Кума́к	Курча́вый
Куманёк	Кúрый
Кунáва	Курь́м
Кунда́к	Курь́ш
Купе́ц	Курь́шка
Купи́лушка	Курю́ха
Куплёшка	Кусóчек
Купо́н	Кúстик
Купцы́ха	Кусто́в
Кура́ль	Кута́ль
Кура́нйха	Куте́йник
Кури́лка	Кути́лкин
Кúрин	Куту́з
Кúрица	Куту́зик

Куту́зов
Куту́м
Куту́нька
Куту́ша
Куты́рь
Ку́тя

Куха́рка
Ку́ча
Кывыро́к
Кы́лин
Кырлы́

Л

Лаво́й
Лавру́шка
Лагу́нный
Лады́
Лала́
Лалу́й
Ламата́
Ландыш
Ла́па
Лапа́й
Лapasá
Лapёнка
Ла́понька
Ла́поть
Ла́поть
Лапсу́й
Лапу́ня
Лапша́
Лапше́нник
Латы́ш
Лафёт
Лафётник
Лебе́дь

Лев
Лёва
Леван
Лева́ниха
Левита́н
Левша́
Лёвый
Лёга
Лёга
Лёдик
Лейтена́нт
Лёка
Лекáня
Лёка-Стре́ка
Лёна-Пёна
Лени́вая Соха́
Лени́вый
Лéнин
Лéнка Чико́лка
Лёно́к
Лентя́й
Лёнушка Петушок
Лёнька Балóн

Лёнька Гудок	Лихой
Лёнька казы деньги	Лобан
Лёнька Тонькин и Тонька Ленькина	Лобанок
Лёпа	Лобастый
Лепила	Лоботряс
Лёпушка	Локомонька
Лёска	Ломоть
Лесная Кукушка	Лопатник
Лесной	Лопух
Лесовой	Лорд
Лесок	Лохманиха
Лётка	Лохматый
Лётун	Лошадина Башка
Леший	Лошадина Голова
Лёшка Карась	Лошадина Чёлость
Лигаголик	Лошадь
Лидочка	Луговая
Лизун Боря	Лузга
Лимон	Луковица
Липашка	Лукошко без поцепки
Липаян	Луна
Липняшка	Лунь Седой
Липовая Нога	Лупа
Лируха	Лупанда
Лиса	Лупик
Лисичка	Лупоморка
Литодонга	Лупынька
Литой	Лушник
Литра	Лысиха
Лихач	Лысый

Лы́сый Гло́бус

Люба́нь

Люба́нька

Лю́бочкин

Люкша́

Люлю́ка

Лю́ля

Люта́вка

Люто́й

Ляба́тя

Ля́га

Ляга́ва

Лягуша́ты

Лягу́шечка

Лягу́шка

Лядо́й

Ляко́ша

Лялёк

Лялёна

Лялечка

Лялька Болту́н

Ля́ля

Ляля́й

Ляма́й

Ляпа́й

Ляпо́нька

Ля́рова

М

Мавле́й

Магада́н

Мага́риц

Ма́гиль

Мадрі́д

Маду́ся

Мады́рин

Ма́дя

Ма́дяга

Ма́дяр

Маза́й

Мазáнка

Мазі́ла

Мазо́к

Мазу́лька

Майо́р

Ма́ка

Мака́ка

Мака́ня

Мака́р

Мака́рики

Мака́рка

Мака́ть

Македо́н

Ма́клер

Макля́й

Ма́коська

Макри́ца

Макся́н

Маку́ка

Маку́рка	Маня́
Мала́иц	Ма́ня Та́ня
Ма́ленький	Маня́га
Ма́ленький-Рва́ненко́ий	Маня́та
Мале́шка	Маня́тька
Малине́зия	Мара́й
Мали́нка	Мара́к
Ма́лка	Мараку́н
Малоё́док	Мара́мс
Мало́й	Мара́мус
Малу́	Мара́н
Ма́лый	Мара́т
Ма́льш	Марга́
Мальшка́	Марга́рин
Мальви́н	Марга́ритка
Мальга́н	Маргафо́ниха
Ма́льчик	Марго́
Маляка́н	Ма́рик
Ма́ма	Мари́нкин
Ма́ма Ли́за	Марке́ла
Мама́й	Марки́з
Маматкина́	Марки́з Караба́с
Мамо́н	Ма́рковна
Мамони́ха	Марлы́шка
Мана́шка	Мармоно́к
Мангу́ст	Маро́н
Манё́ня	Марс Сопли́вый
Ма́нька Почта́льо́нка	Марса́й
Ма́нькин	Марты́шка
Мано́шин	Мару́ска Ру́ль

Мару́ська	Матрѐна
Ма́рфа	Матрѐнка
Ма́рфач	Матрѐшка
Ма́рфины	Матрѐс
Марфу́ша	Мату́лька
Марчи́ха	Мату́сенька
Марчу́к	Маты́с
Маршалі́ха	Мать Дорога́я
Ма́рынька	Мать не ро́дна мать
Ма́рья До́лгая	Ма́тька
Ма́рья Ку́рья	Мафо́ня
Ма́рья Федя́нова	Маха́й
Ма́рья Ши́шка	Махна́
Ма́рьяга	Махно́
Масле́нка	Махо́нька
Ма́слик	Махра́й
Ма́сло	Мацо́к
Масля́к	Ма́ша Ба
Масля́тина-Исая́тина	Ма́ша Кажу́
Мастре́рок	Ма́ша Па́влычева
Масю́ся	Ма́ша Пу́хова
Масю́хин	Ма́ша Санько́ва
Матве́йка	Ма́шенька Ве́точка
Матема́тик	Ма́шенька Вражо́к
Математі́чка	Ма́шенька Хоро́шенька
Маті́льда	Маши́на
Матра́и	Маши́ха
Матра́й	Ма́шка Благáшка
Матра́с	Ма́шка Марго́
	Ма́шка Ра́тница

Маяко́вский	Мі́ка
Мёд	Мика́й
Медве́дь	Мі́ка-Ма́ка
Меди́к	Миклу́хо Макла́й
Мёдонька	Микола́вна
Мёдынька	Микс
Ме́жду-то прóчим	Мила́шка
Мелёха	Миле́йший
Мёлкий	Милиционёр
Мельник	Милиционёри́ха
Меля́	Мі́лка
Ме́рин	Миллио́нчик
Мерли́нка	Мило́к
Мерна́ч	Мі́лочка
Ме́ряша	Мі́лый
Металло́м	Миля́к
Мети́лка	Мими́ка
Метр	Мі́на Тапо́
Метро́вка	Минда́ка
Метро́вый	Минёр
Механёнок	Мини́стр
Мибаба́н	Мі́нька Жи́рный
Мига́л	Миню́к
Мига́лкин	Мирова́й
Мигу́н	Миро́н
Мигу́шка	Миро́ни́ха
Мидо́н	Миро́нка
Мизи́рный	Мі́ся
Мизу́рочка	Митху́н Чакрабо́рти
Мизюлёк	Мі́тце

Митю́га	Мо́дный
Митюле́к	Мо́дяр
Миха́лыч	Можа́й
Миха́рик	Мо́зар
Михо́ниха	Мо́зер
Михохо́	Мозо́ленька
Ми́чман	Мокры́ца
Мичу́ра	Моктя́н
Мичу́рин	Молёк
Ми́ша Жа́ркий	Молоти́лиха
Ми́ша Ма́нинький	Молотобо́ец
Миша́га	Моло́шник
Миша́га Мла́дший	Мо́мка
Миша́чий, Ваня́чий, Вася́чий	Момо́ля
Ми́шенька Инвали́д	Мона́х
Ми́шка Ба́нный	Мона́шка
Ми́шка Бузу́й	Моно́кля
Ми́шка Волк	Мо́пся
Ми́шка Горба́тенький	Мора́
Ми́шка Запру́дный	Мора́ка
Ми́шка Кот	Морга́лка
Ми́шка Ма́ленький, Ми́шка Большо́й	Мордвѝн
Ми́шка Роро́	Мордо́вка
Ми́шка Хва́ткин	Мордо́вка, Пискуни́ха
Ми́шка Цыга́н	Море́ный
Мишкѐт	Морко́вкин
Могѝла	Моро́з
Могѝльный	Моро́к
Мого́нька	Моря́га
Мо́да	Моря́к

Моря́ка	Музыка́льный
Мо́сек	Мула́
Москв́а	Муль
Моско́фска	Мумёнок
Мосли́ха	Муму́ля
Мослы́	Мураве́й
Мосо́л	Мурза́
Мо́ська	Му́рик
Мо́тина	Му́рка
Мотово́зиха	Мурся́гин
Мотово́зиха	Мурунта́й
Мотово́зник	Муры́га
Мото́р	Мустафа́
Моты́га	Му́ха
Моты́ль	Мухомо́р
Мох	Му́хрик
Мохна́та	Му́шка
Мохна́тый	Мы́колка
Мохо́ня	Мы́рга
Моча́лка	Мыря́л
Моче́ная	Мы́скать хоти́шь
Мошо́к	Мысля́
Мояше́нька	Мы́тарь
МТС	Мышля́вый
Му́дрый	Мышо́нок
Мудя́к	Мэ́р
Мужи́к	Мэ́ра
Музга́р	

Н

На я́блонке, на листу́

Нага́н

Нагóрна	Нена́стный
Надёнка Окóлишна	Неха́й допу́стим
Надёрка	Ники́та
На́ичка	Никонóр
На́лька Бухня́	Нина́га
Напрём	Нинка Блин
Нарóдный	Нинка Кали́нка
Наря́дный	Нихи́отра
Наря́дынька	Но́винька
Насéдка	Но́вый
Настасёнок	Но́гай
Настёнка Но́жка	Но́рка
На́стенка Безно́са	Нос
На́стя Кра́сна	Носа́н
Ната́лья Кра́йняя	Носéй
На́тка Голопья́тка	Носенька
Наф-Наф	Носик
Не знай, не помню	Носоро́г
Не помора́й боти́ночки	Носу́ля
Неболта́й	Носу́ра
Него́дный	Нужда́
Негодя́щего Хле́ба	Ну-ну́
Негр	Ну́тка
Нема́я	Ню́нтя
Не́мец	Ню́ня
Немка	Ню́ра Больша́я
Немо́й	Ню́ра Бу́лина
Немо́ркий	Ню́рка Ба́рыня
Не́мцы	Ню́рка Бо́мба
Нена́й	Ню́рка Мужик

Ню́рка Обáлова
 Ню́рка Па́нькина
 Ню́рка Рома́нтика
 Ню́рка Серёжкина
 Ню́рка То́нна

Ню́рынька Ку́рынька
 Ню́халка
 Нянин
 Нянька

О

Обезья́на
 Оби́днушка
 Обо́лтус
 Овча́рки
 О́глинный
 Ого́й
 Огонёк
 Огоро́д
 Огрёб
 Огуре́ц
 Огу́рчик
 Одноко́ска
 Озорни́к
 Ой, гла́зоньки, ло́пни
 Оксид желе́зо, ржа́вчина
 Окси́нья Ба́рская
 О́кунь
 Оку́рок
 Оку́чник
 Оле́ся

Оля́пистый
 О́па
 Орёл
 Ори́нка
 Оса́ня
 Осёл
 Оси́на
 Осма́н
 Остря́к
 Осьму́шка
 Отвали́
 Отелло
 Оте́ц
 Оте́ц Мазáй
 Отше́льник
 Офо́нька
 Оха́льник
 Охо́тник
 Очка́рик
 Очко́

П

Па́вац
 Па́влик Кана́т
 Пакéйка

Пакле́вский
 Пала́га
 Пала́женька

Палáшка	Паразiт
Палёна	Парáня
Палёный	Парáня
Паликáнка	Парáтина
Палóй	Парёнка
Пальтá	Паровóз
Пáльчик	Парсéний
Пáля	Партизán
Паля́р	Партизáниха
Паля́тынька	Партизáнка
Пан	Партiйный
Панáм	Парúнька
Пáнка Мышóнок	Парúньки
Панóк	Парэ́ра
Панóк	Пастухóв
Пáнынка	Пастушiха
Пáнынка Бубáнынка	Пастúшка
Паню́ха	Пáся Вáся
Пáнюшка	Патá
Пáня	Патрét
Пáня Земскóв	Патрétик
Пáня Пу́зя	Патрóн
Пáпа	Патúх
Пáпа Воéнный	Патя́ня
Пáпа Рiмский	Паўк
Папáнька	Паўт
Папáня	Пахóм
Папáша	Пашán
Па́пка Мёрзлый	Пашáниха
Папу́ля	Пáшенка

Па́шенька Ры́жая	Петáнынька
Па́шка-Кула́шка	Петáня Во́нищъ
Паштéт	Пéтелка
Пашуня́к	Пéтелька
Певíчка	Петлю́ра
Певу́н	Петрося́н
Пе́карь	Петру́ся
Пелé	Петруся́н
Пельме́нь	Петру́шка
Пена́л	Петря́й
Пéндаль	Пету́х
Пенёк	Петушо́к
Пéночка	Пéтька
Пéнсик	Пéтька Нос
Пепé Го-го́	Пéтя
Пéпи Чуло́к	Пехо́та
Пéпка	Печу́рка
Пёра	Пéшка
Пёрдик	Пíгалица
Пéрец	Пигме́й
Перешíтый	Пиго́тя
Пёрсик	Пíгочка
Пёс	Пидо́ва
Пёс	Пик
Пёска	Пику́н
Песка́рь	Пíлька
Песóчек	Пилу́к
Песóчный	Пингвiн
Пестреку́шки	Пинжа́к
Пёсынка	Пиня́йте

Пипа́й	Подфа́рник
Пи́пин Корóткий	Подыха́нка
Пи́пка	Покáт
Пипле́н	Полево́й
Пира́т	Полёво́й
Пиро́г	Полéно
Пирогáмка	Полéщица
Пирожóк	Полицáй
Пи́сарь	Полка́н
Пискля́	Полко́вник
Писку́н	Полко́вник
Пискунíха	Полко́вничиха
Пистимéя	Полли́тра
Пичу́жка	Поло́вник
Пия́да	Полози́ха
Пла́кса	Полозо́к
Пле́нный	Полпе́рец
Плетю́ха	Полти́нник
Пломби́р	Полтора́ Ива́на
Плюн	Полтора́ Фёдора
Плю́ха	Полу́ндра
Плю́шка	По́ля Лéленька
Плясу́н	По́ля Сафо́
По́вар	Поля́к
Подго́рный	Поля́нынька
Подду́бный	Полячи́ха
Подóй	Помедли́ха
Подполко́вник	Помелó
Подсева́лочка	Помидорина
Подсо́лнечник	Помидóриха

Понима́й	Праско́вья
Пономари́ха	Приве́т
По́ночка	При́па
По́нчик	Припры́жкин
По́ня	Провале́нный
Поп	Прозра́чный
Попадьа́	Прокóфий
Попёнок	Прокуро́р
Попе́ня	Про́ныч
Попо́вич	Про́ня
Попо́к	Проня́й
Попо́ня	Простота́
Попуга́шка	Просфи́рня
По́пчик	Проте́зный Нос
Попы́калка	Проти́вный
Попы́ш	Профе́сарь
Попы́шка	Профе́ссор
Поросёнок	Профсою́з
Порт Арту́р	Процве́да
Портно́й	Прудово́й
Портрёт	Прудоська́
Пособра́л	Пружинка́
Пота́п	Прыгу́ша
Похлёбка	Пры́ткий
Похлёбка с типáми	Пря́ник
Похлёпка	Пти́ца
По-че́стному	Пу́га
Почтальо́нка	Пуда́юшка
Пра́пор	Пу́дик
Пра-пра́	Пу́диха

Пуза́н	Пурга́
Пуза́ни́ха	Пустозво́н
Пуза́чка	Пусто́й
Пу́здрик	Пути́на
Пу́зик	Пу́тый
Пу́зо	Пух
Пузра́н	Пу́хлай
Пузы́рь	Пуча́рка
Пузы́рь	Пуши́на
Пулéк	Пу́шка
Пулíт	Пу́шкин
Пу́лька	Пушо́к
Пу́ля	Пыжа́к
Пу́па	Пы́льный
Пупи́ло	Пы́рин
Пупо́к	Пыши́ха
Пу́пок	Пы́шка
Пупо́ля	Пэ Тэ Фэ
Пупо́нька	Пя́кша
Пу́псик	Пята́к
Пупу́	Пятачо́к
Пупу́ка	Пятиле́тка

Р

Раб	Ра́йкин
Раба́	Раскладно́й
Рагу́лин	Ра́тница
Раёнка	Рачо́к
Разбо́йник	Рво́тный Порошо́к
Рази́ня	РВС
Разнола́пка	Ре́вушка

Рёвушка	Росту́н
Рéган	Ротáн = Карáсь
Редíска	Ротóнда
Резíнка	Рúблик
Рéлька	Рубль
Репеёк	Рубль двáдцать
Репéй	Рукáв
Рету́зин	Рúлик
Решéтник = Пузырь	Руль
Решетó	Рúренька
Решетó Худóе	Рурúшка
Решíтельный	Рúрынька
Ржáвый	Русáк
Рид	Ры́ба
Рикакáнка	Рыбáк
Рíмлян	Рыбáчка
Робинзóн	Рыбáчка
Рогáтка	Ры́бий Глаз
Рóголь	Ры́бий Ротóк
Рóди	Ры́боцка
Роднóй	Ры́бынька
Рóза	Рыганóк
Рóка	Рыдвáн
Рóлинг	Ры́жай
Ромáн	Рыжáк
Романóк	Ры́жая
Ромáшка	Ры́жна
Рорó	Рыжúха
Рорóка	Рыжúха
Рóрынька	Ры́ло

Ры́ра
 Рэ́ра
 Рюма́шка
 Рю́ри-рю́ри
 Ряба́я
 Рябо́й

Рябу́ха
 Рябушка
 Рядова́я
 Рядово́й
 Ряку́ня

С

Са́ба
 Са́бо
 Саве́лий
 Саве́льич
 Сави́н
 Саво́н
 Са́дир
 Садо́ка
 Сае́шка
 Саи́д
 Са́йра
 Сакле́тка
 Саксау́л
 Саку́ля
 Сала́м
 Саламо́н
 Салапья́та
 Са́ло
 Салтычи́ха
 Са́ля
 Саля́иха
 Сама́ра
 Самова́р

Самова́рик
 Самоды́р
 Самолёт
 Санга́л
 Са́нька Бу́рин
 Са́нька Пата́нька
 Са́нька Петушо́к
 Са́нька Руль
 Са́ня Ва́ня
 Сапа́тка
 Сапо́г
 Сапу́ня
 Са́ра
 Сара́ Ва́ра
 Сара́ня
 Сара́ська
 Сарафа́ниха
 Сарафа́нное Ра́дио
 Сарга́
 Сармаха́й
 Са́рынька
 Са́тан
 Сати́новий

Саўл	Селяба
Сахар	Селяманиха
Сахара	Сёма
Сачок	Семак
Сашка Блюхер	Семашка
Сашка Машка	Семён
Сашка Смольта	Семёновна
Сашонка	Семёныч
Сварной	Семьянны
Сваха	Сенотиха
Свёкла	Серай
Светик	Сербиянка
Светка Восмилетка	Серёжка Лепёшка
Свинья	Сержант
Свируль	Сержантиха
Свистун	Сёрый
Свистуша	Сибай
Святый	Сибирка
Сдобный	Сибиряк
Сева	Сивак
Сёга	Сивая
Седёлка	Сивуха
Седой	Сивушка
Сёка	Сивый
Сёкало	Сига́й
Селёдка	Сигаль
Селеман	Сигарилка
Селёмка	Сигарьга
Селитёр	Сига́ч
Сёлюх	Сигу́я

Сі́зый Нос	Скрипінский
Сі́ка	Скрипун
Сикала́й	Сла́дкий Приятель
Сикла́	Слепо́й
Сико́ля	Слі́ва
Сі́ла	Слива́ч
Силяка́н	Сливачі́ха
Силямóнка	Слива́чка
Сима́к	Слисла́
Симара́	Слі́ток
Симармо́ния	Слон
Симафо́рка	Слю́нтяй
Симачо́к	Сма́льта
Сі́мка	Сметáнная Голова́
Симпа́тия	Смирéнник
Симуля́нт	Сморчо́к
Сі́ний	Снафі́да
Сині́чка	Сне́гирь
Синча́ска	Соба́чка
Синю́шка	Соба́чья Ма́ть
Синя́к	Сóболь
Сипа́тый	Сóбственник
Сира́да	Сова́
Сисі́ха	Сóдынка
Сква́жина	Сокня́жка
Скворе́ц	Сóкол
Скворе́шня	Сокóлик
Ске́дна	Солда́т
Сковорода́	Солда́тка
Скорохо́д	Сóльнышко

Соловѣй	Спотыкушка
Солодѡк	Справочное Бюро
Солодуха	Среданка
Соломинка	Ссыер
Соломон	Ставрида
Солотоп	Сталин
Солоха	Стало быть
Сомѣнок	Стальной
Сонная Грѣза	Старик
Сонной	Старка
Соногий	Старый
Сопливый	Стахан
Сопляк	Стаханка
Соратник	Стахановка
Сорока	Стенек
Сороковка	Стенька Разин
Сороконожка	Стѣпурочка
Сорочиха	Стешатка
Сос	Стиляга
Соса	Столбов
Сосѣдка	Стоп ногá
Сосуля	Стос
Сосун	Страус
Сохулка	Страх Агѣнт
Сѡцкий	Стрегочка
Сошитый	Стрекоза
Спекулянт	Стрелá
Спец	Стрелка
Список	Стрелок
Способны	Стриж

Стропи́ла	Сурúха
Стропи́лыч	Сусáнин
Струна́	Сусáня
Стру́нька	Сúслик
Струя́	Сухáя Слеза́
Стряпу́ха	Сухóй
Студéнт	Сухóй Боти́нок
Стúжа	Сухóй Континентáльный
Стúпа	Сучóк
Стычóк	Сýнка
Стюардéсса	Сýнка Ани́кин
Сугрóб	Сыпúчий
Сúдарь	Сырочíхь
Судéбский	Сысúв
Сукáрна	Сыч
Сули́м	Сю́нька Юргíн
Сумасшéдший Глаз	Сюрéй
Сундúк	Сюрúшка
Сúпчик	Сюсю́ка
Суро́к	Ся́ма
Суру́нка	

Т

Табáчница	Талóнец
Табáчный кóрень	Тамбóвский
Табачóк	Тáнга
Таблётка	Тáндра
Тадáт	Танки́ст
Талéна	Тáнька Бóмба
Талéшка	Тáнька Хромоды́рка
Талманá	Тáня Мáленькая

Та́ня Пі́во	Теря́т
Таня́шин	Тётéй
Тараза́ниха	Тётéиха
Таракáн	Тéтька
Таракáниха	Тетю́ха
Таракáшек	Тётя Настéнка
Тарапу́нька	Техне́иха
Тара́с	Тига́лька
Тара́с Бу́льба	Тигрэ́нок
Тара́сик	Ті́льня
Тарéлка	Тимóня
Тарза́н	Тимóха
Тартóнок	Тинунá
Тарты́га	Тинятó
Тарура́	Титя́
Тарха́й	Ті́хон
Та́си-Ва́си	Това́рник
Тата́рин	Товó
Тато́ица	То́карь
Тафа́й	То́лстый
Тачáнка	Толья́шка
Твист	То́ля Пыпы́
Телéга	То́ля Ши́тый
Тележа́нка	То́ненький
Телё́нок	То́нна
Тéмпа	То́нька Джек
Тéплый	То́нька Моздо́лька
Терéза	То́па
Тёрик	То́понька
Тёркин	То́рмоз

Тормозéнок	Тру́холка
Торопы́га	Трын
Тося́ня	Трындычы́ха
Тоцо́к	Тры́нка
То́шно	Трынóк
Тра́ктор	Трютра́й
Трактори́шко	Трю́ха
Тра́ли-Ва́ли	Тужня́
Трамбе́цкий	Ту́зик Безру́кий
Тра́ный	Тула́й
Тре́па	Тулéк
Треплó	Ту́ля
Третья́к	Тума́н
Трехгу́бка	Тунóк
Трехсоломенный	Тупóй
Трэ́шница	Тупы́рь
Три-Три	Ту́рвин
Трибуна́л	Ту́ря
Трипя́ка	Ту́тик
Тро́ня	Ту́ча
Тро́фан	Ту́ченька
Тро́цкий	Тыбу́рций
Труба́	Ты́щик
Трубáч	Тэтэ́шка
Трубачи́ха	Тю́колка
Тру́бка	Тюли́ха
Трумпа́та	Тюльпа́н
Тру́ндик	Тю́ня
Тру́нька	Тюпта́
Трухлó-Барахлó	Тю́ря

Тю́ютка
Тю́юшка
Тю́фяк
Тя́га

Тяле́тя
Тяпу́н
Тя́тька
Тя́тя

У

У нас у Та́ни
Углова́я
Уго́дник
Угуре́ц
Уда́в
Удва́к
Узя́
Уле́тиха
Улида́н
Ули́т
Улья́ныч
Уля́ня
Уми́льненькая
Уре́н
Урта́н
Урю́к
Уря́дник

Ус
Уса́н
Усани́ха
Уса́нка
У́сир
Усти́мыч
Усы́
У́тинька
У́тка
У́тренничек
Утю́г
У́тя
Уфа́
Учи́лка
Уша́н
Уша́стик
Уша́стый

Ф

Фадя́
Факт
Фали́тный
Фантома́с
Фам
Февра́ль
Федуно́к

Фе́дка Геро́й
Фе́дка До́дя
Фе́дя
Фе́дя Баля́
Фе́дя Бе́лый
Фе́дя, ма́ма, я
Фе́дяшка

Фéич	Фитíль
Фéрмер	Флот
Фéршал	Фомá
Фидéк	Фóмка
Фидéль Кáстро	Форзóнт
Фíкли	Фотóграф
Фикс	Фóфан
Фил	Францúз
Филимóшка	Фрол
Фíлин	Фрóся
Филиппóк	Фрóська
Филóн	Фúля
Филóшка	Фúнтик
Филúй	Фúра
Фíлька	Фúрля
Фíма	Фúрцева
Фингáл	

X

Хабáлка	Харaxáниха
Хабáр	Харéб
Хабúза	Харлáм
Хабурá	Хася́н
Хаврóнья	Хaxá
Халéра	Хaxáшка
Халзáн	Хвасталáный
Халя́ва	Хвост
Хамáн	Химíчка
Хамсá	Хирéк
Хан	Хíтрый
Ханóй	Хламёнок

Хламло́	Храм Сапо́г
Хлебово́зка	Хра́мушка
Хлебо́к	Храпа́н
Хло́пец	Хра́пка
Хля́мец	Хрипу́н
Хму́рый	Хрипу́ша
Хмыре́нок	Хромáя
Хо́донька	Хромáя Нога́
Холе́ра	Хромоды́р
Холма́н	Хромóй
Хо́ма	Хропынька
Хоме́ц	Хру́даль
Хому́т	Хрусья́н
Хомя́к	Хрущи́ка
Хонда́	Хрущов
Хо́пола	Хряк
Хорёк	Хряц
Хорь	Худали́ха
Хохлу́шка	Хун-Хун
Хохóл	Хуя́ция

Ц

Цайный	Цаца́й
Цапа́й	Цекулéй
Цапель	Цéнтнер
Ца́пля	Цибу́ля
Цара́ня	Цика́лка
Царе́вна	Ци́кин
Цари́ца	Цикло́п
Царь	Цикóдка
Царь-Ба́ба	Цирка́чка

Ціркуль
Циртэй
Цішка
Цокушка
Цопіронька
Цуз
Цузówka
Цукар
Цуля
Цурбáк
Цутáтник
Цуя
Цыбра
Цыбулька

Цыбура
Цыга
Цыгáн
Цыганёнок
Цыгáнка
Цыгáночка
Цыгушка
Цыжик
Цыкалка
Цыпа
Цыплёнок
Цыпонька
Цыцар

Ч

Чабá
Чабáн
Чава
Чадóк
Чáйка
Чáйный
Чалдóн
Чамада́й
Чанá
Чанá-Панá
Чанóк
Чапаев
Чапáй
Чапа́иха
Чапля

Чапо́шник
Часы
Ча́ча
Чачаёнок
Чачáй
Чаян
Чаяниха
Чебура́шка
Чегада́й
Чекалдóк
Чéкерь
Чекіст
Чеку́шка
Чеку́шкин
Челно́к

Чемодáн	Чка́лов
Чемп	Чмок
Ченоды́рь	Чокóня
Червóнец	Чубáйс
Черенóк	Чуварлéйка
Черкéс	Чувáш
Чёрный	Чувáшка
Чёрт	Чувы́к
Чёрчиль	Чугу́н
Чёсарь	Чугунíха
Чечётка	Чугу́нный
Чи́бис	Чугунóк
Чиж	Чúдо-Юдо
Чи́жик	Чумá
Чи́жок	Чúмки
Чи́жонок	Чúнька
Чи́ка	Чура́к
Чикулéй	Чурба́к
Чиля́к	Чурба́н
Чи́ндрик	Чу́рочка
Чи́нкин	Чуру́шка
Чи́рок	Чухренóк
Чи́рышек	Чухря́ Таба́к
Чи́чер	Чухря́-Мухря́
Чичка́н	Чу́шка
Ш	
Шабáшка	Шавóк
Ша́брик	Шавóнка
Шавáря	Шадéй
Шаватóниха	Шайта́н

Шакáл	Шерстýнка
Шалáй	Шерухáйка
Шалáш	Шерхán
Шалáшик	Шест с бельём
Шалдá-Валдá	Шестёрка
Шамалéт	Шестипёрый
Шамáрик	Шеф
Шамшá	Шибалá
Шангá	Шигáй
Шарабáн	Шигарá
Шарандá	Шигáч
Шарáшка	Шýмонька
Шáрик	Шип
Шарíха	Шýпа
Шарлáпый	Ширýнка
Шарóк	Ширкáниха
Шарóн	Ширóкий
Шáры-Вáры	Шишýга
Шáстрий	Шýшка
Шатén	Шишмáрик
Шахáй	Шкáлик
Шахát	Шкаф
Шашáрка	Шкёря
Швед	Шкýра
Швэйка	Шкурíха
Швец	Шлагбáум
Шевяк	Шлепéнь
Шэльма	Шлепнíха
Шемадýт	Шлычíха
Шенгéлия	Шлýпа

Шляпéц
 Шманáиха
 Шмель
 Шмóня
 Шмыр
 Шнурóк
 Шнýра
 Шóбан
 Шóбол
 Шорёха
 Шóссия
 Шоферёнок
 Шпоклýк
 Штанý
 Штáрый Шалдáт
 Штатív
 Штírлиц

Щавéль
 Щегóл
 Щéдря
 Щéлочка
 Щепетínка

Электрóник
 Электрошляпа
 Э́львис

Ю́зик
 Юлá

Штэк
 Шýба
 Шýберт
 Шувáл
 Шуёк
 Шумéл камýш
 Шупé
 Шургáн
 Шýрка Корóль
 Шýрка Москвá
 Шýрка Штукатýрка
 Шурýп
 Шуршý
 Шýрынъка
 Шýстик
 Шутý

Щ

Щéпка
 Щиколяй
 Щорс
 Щурéц
 Щурýга

Э

Ю

Юлáнтий
 Юна

Ю́ра Ба́ба

Ю́шина

Юсу́п

Ю́шка

Ю́ся

Ю-ю́

Юхля́й

Я

Я́блочко Румя́ное

Яга́

Я́годка

Я́горь

Язві́ло

Яйцо́

Які́м

Які́шка

Яку́т

Яку́тка

Яку́ша

Япо́нский Бог

Яри́ла

Я́рка

Яска́л

Я́стреб

Ястребе́нок

Яша́нька

Яша́ня

Яша́тка

Я́шка

Я́шка Хля́стик

Я́шки

Яшо́к

Яшу́ра

**СЛОВНИК ТЕЗОИМЁННЫХ ЕДИНИЦ В АРЗАМАССКОЙ
МИКРОАНТРОПОНИМИИ**

Абѳс (с. Забелино, с. Мотовилово)

Антѳшка (с. Абрамово, с. Волчий Враг)

Архив (с. Чернуха, д. Лидовка)

Арѳгин (с. Б. Туманово, с. Замятино)

Бабѳй (д. Бебяево, с. Новосёлки, с. Веригино)

Бабѳка (с. Заречное, с. Шатовка)

Бабѳн (д. Мерлино, с. Заречное, с. Б. Туманово, с. Красное)

Бай (с. Б. Туманово, с. Замятино)

Баклѳн (с. Шатовка, с. Ковакса, с. Мотовилово)

Баландѳ (с. Мотовилово, с. Ковакса)

Балдѳ (с. Замятино, д. Беговатово, с. Казаково, с. Никольское, с. Шатовка, с. Костылиха)

Балѳн (с. Семёново, с. Мотовилово)

Барабѳн (с. Семёново, с. Бебяево, с. Водоватово, с. Чернуха, с. Костылиха)

Барѳн (д. Пиявочное, с. Беговатово, с. Мотовилово, с. Н. Усад, с. Никольское, с. Абрамово, с. Криуша, с. Волчиха, с. Чернуха, с. Булдаково, с. Селёма, с. Красное, с. Семёново, с. Водоватово, с. Булдаково)

Бѳржа (с. В. Враг, Шпилево)

Бѳрин (с. Чернуха, с. Б. Туманово, д. Беговатово, с. Хватовка, с. Семёново, с. Ковакса)

Бѳрѳга (с. Мотовилово, с. Четвертаково, с. Н. Усад, с. Каменка, с. Семёново)

Бѳрыня (с. Н. Усад, с. Замятино, с. Четвертаково, д. Бебяево, с. Хватовка, с. Пятницы, с. Котиха)

Бато́н (с. Котиха, с. Чернуха, с. Б. Туманово, с. Шпилево, с. Ковакса, с. Замятино, с. Хватовка)

Батра́к (с. Н. Усад, д. Ветошкино, с. Замятино)

Ба́тя (с. Каменка, с. Замятино, д. Бебязево, с. Шатовка, с. Беговатово, с. Семёново, с. Водоватово, с. Хватовка)

Башма́к (с. Красное, с. Н. Усад)

Бегемо́т (с. Замятино, с. Семёново)

Безру́кий (с. Чернуха, д. Бебязево)

Беленький (с. Замятино, с. Котиха)

Бе́лка (с. Волчиха, с. Балахониха)

Бе́лый (с. Водоватово, с. Пешелань, с. Беговатово, с. Водоватово, с. Котиха, с. Шатовка)

Беля́к (с. Мотовилово, с. Протопоповка, с. Чернуха, с. Ветошкино, с. Замятино)

Бито́к (с. Абрамово, с. Казаково)

Блин (с. Чернуха, с. Н. Усад)

Блоха́ (с. Чернуха, с. Красное, с. Каменка)

Блю́ндер (с. Бебязево, с. Хватовка)

Бо́бик (с. Чернуха, с. Абрамово, с. Никольское, с. Волчиха)

Богáчка (с. Новосёлки, с. Выездное)

Бо́ндарь (с. Мотовилово, с. Семёново, с. Хватовка)

Бородá (д. Пушкарка, с. Булдаково, с. Ковакса)

Бо́цман (с. Мотовилово, с. Абрамово, с. Хватовка, с. Н. Усад, с. Хватовка, с. Чернуха)

Бо́чка (с. Б. Туманово, с. Волчиха, с. Криуша, с. Замятино)

Буго́р (с. Чернуха, с. Хватовка)

Бу́лочка (с. Н. Усад, с. Мотовилово, д. Пиявочное)

Бурати́но (с. Чернуха, с. Водоватово)

Буржу́й (с. Каменка, с. Б. Туманово, д. Пушкарка, с. Ковакса, с. Водоватово, д. Лидовка, с. Хватовка, с. Абрамово)

Буян (с. Абрамово, с. Замятино)

Бык (с. Ветошкино, с. Водоватово, д. Беговатово, д. Бебьяево, с. Шатовка, д. Котиха, с. Н. Усад, с. Хватовка)

Бычок (с. Н. Усад, с. Б. Туманово, с. Красное)

Вагón (с. Мотовилово, д. Лидовка)

Волк (с. Замятино, с. Мотовилово, с. Б. Туманово, с. Шатовка, с. Беговатово)

Воробей (с. Селёма, с. Никольское, с. Шатовка, с. Семёново)

Ворóна (с. Семёново, с. Б. Туманово, с. Шатовка, с. Мотовилово)

Га́га (д. Протопоповка, с. Семёново, с. Казаково, с. Чернуха, с. Каменка)

Гагáрин (с. Мотовилово, с. Кичанзино, с. Шатовка, с. Н. Усад, д. Вадское, д. Марьевка)

Гáлка (с. Семёново, д. Волчиха)

Ганс (с. Семёново, д. Марьевка, с. Абрамово)

Генерáл (с. Н. Усад, с. Веригино, с. Водоватово)

Гитлер (д. Мерлино, с. Кичанзино, с. Каменка, с. Волчиха, с. Веригино)

Глаз (с. М. Туманово, с. Вторусское, с. Чернуха, с. Б. Туманово, с. Водоватово, с. Успенское)

Глóбус (с. Водоватово, с. Абрамово)

Глухáрь (с. Чернуха, с. Котиха)

Гни́да (с. Чернуха, д. Мерлино)

Гном (с. Водоватово, с. Кириловка)

Го́голь (с. Б. Туманово, с. Абрамово, с. Н. Усад)

Голова́стик (с. Семёново, с. Чернуха, с. Водоватово)

Горéлый (с. Котиха, с. Семёново)

Горшо́к (с. Н. Усад, с. Вол. Майдан, с. Семёново, с. Котиха, с. Ковакса, с. Водоватово)

Граф (с. Мотовилово, с. Замятино, с. Чернуха, с. Красное, д. Марьевка, д. Беговатово, с. Семёново, с. Водоватово)

Грач (с. Замятино, д. Балахониха, с. Н. Усад, д. Беговатово, с. Водоватово)

- Грибóк (с. Мотовилово, с. Н. Усад)
- Грузи́н (с. Водоватово, с. Ветошкино, с. Абрамово)
- Губа́н (с. Б. Туманово, с. Абрамово, с. Семёново)
- Гусы́ня (с. Ветошкино, с. Б. Туманово, с. Абрамово)
- Гусь (с. Н. Усад, с. Красное, с. Булдаково, д. Беговатово, с. Замятино, с. Чернуха, д. Мерлино)
- Дирéктор (с. Шатовка, с. Слизнево, с. Н. Усад, с. Котиха)
- Дли́нный (д. Мерлино, с. Новосёлки, с. Мотовилово)
- Додо́н (с. Костылиха, д. Пушкарка, с. Пятницы, д. Мерлино, с. Шатовка)
- До́ктор (с. Хватовка, д. Пушкарка)
- Доце́нт (с. Котиха, с. Булдаково, с. Семёново, с. Ковакса, с. Б. Туманово, с. Чернуха)
- Дя́тел (с. Ковакса, с. Семёново)
- Ёжик (с. Чернуха, с. Мотовилово)
- Ёрш (с. Чернуха, с. Семёново)
- Жига́н (с. Ветошкино, с. Абрамово, д. Бебяево)
- Жук (с. Водоватово, с. Б. Туманово, с. Семёново)
- За́яц (с. Замятино, с. Семёново, с. Мотовилово, с. Чернуха, с. Абрамово)
- Зима́ (с. Шатовка, с. Бебяево, с. Б. Туманово)
- Змей (с. Водоватово, с. Чернуха)
- Золото́й (с. Новосёлки, с. Морозовка, с. Ковакса, с. Водоватово, д. Пиявочное, с. Кичанзино)
- Кабáн (с. Котиха, с. Селёма, с. Б. Туманово, с. Н. Усад, с. Скорятино, с. Ветошкино)
- Казáк (с. Заречное, с. Хватовка, с. Шатовка, с. Водоватово, с. Абрамово, с. Семёново, с. Чернуха)
- Камбала (с. Новосёлки, с. Семёново, с. Абрамово, с. Мотовилово, с. Хватовка, с. Рож. Майдан)
- Кара́сь (с. Н. Усад, с. Волчиха, д. Сальниково, с. Беговатово, с. Чернуха, с. Хватовка, с. Семёново, с. Ковакса)

Кíса (с. Красное, с. Вторусское)

Кисéль (с. Котиха, с. Б. Туманово, с. Каменка, с. Слезнёво, с. Ветошкино)

Кита́ец (с. Н. Усад, с. Семёново, с. Б. Туманово, с. Каменка, д. Марьевка, с. Абрамово)

Клим (с. Семёново, с. Чернуха)

Клоп (д. Мерлино, с. Мотовилово, с. Водоватово, д. Марьевка, с. Замятино, п. Балахониха, с. Вторусское)

Козá (с. Котиха, с. Хватовка, с. Беговатово, д. Пиявочное, с. Семёново, с. Замятино, с. Мотовилово, с. Ветошкино, с. Н. Усад, с. Волчиха, с. Вол. Майдан, с. Костылиха)

Козёл (д. Пиявочное, с. Чернуха, с. Каменка, с. Хватовка, с. Семёново, с. Н. Усад, с. Пешелань, д. Мерлино, с. Б. Туманово, с. Шатовка)

Козлёнок (с. Ветошкино, с. Саблуково)

Кóзырь (с. Ковакса, с. Ленинское, с. Рож. Майдан, д. Бебяево)

Колобо́к (с. Чернуха, с. Слизнёво, с. Хватовка, с. М. Туманово, с. Б. Туманово, с. Казаково, д. Выездное, д. Марьевка, с. Водоватово, с. Пешелань)

Колу́н (с. Ковакса, с. Шатовка, с. Семёново)

Колча́к (с. Чернуха, с. Н. Усад, с. Ветошкино, с. Шатовка, с. Красное, д. Исупово)

Комáр (с. Хватовкка, с. Б. Туманово, с. Замятино, с. Рож. Майдан)

Комисса́р (д. Красная поляна, с. Котиха, с. Мотовилово, с. Б. Туманово, с. Замятино, с. Волчиха)

Коро́ль (с. Пешелань, д. Марьевка, с. Мотовилово, с. Ковакса, с. Котиха, д. Сосновка, с. Костылиха)

Косóй (д. Бебяево, с. Ветошкино, с. Чернуха, с. Мотовилово)

Косты́ль (с. Хватовка, с. Чернуха, с. Б. Туманово, с. Мотовилово, с. Замятино, с. Ковакса, с. Слизнёво, с. Вол. Майдан)

Кот (с. Замятино, с. Бебяево)

Кото́к (с. Н. Усад, с. Пятницы, с. Костылиха)

- Кочáн (с. Н. Усад, с. Пятницы)
- Крénдель (с. Водоватово, д. Берёзовка, с. Чернуха, с. Б. Туманово, с. Ковакса)
- Крóлик (с. Абрамово, с. Б. Туманово, с. Семёново)
- Крот (д. Мерлино, с. Шпилево, с. Выездное)
- Кры́са (с. Абрамово, с. Водоватово, с. М. Туманово, с. В. Враг, с. Б. Туманово, с. Чернуха)
- Кузнéц (д. Ленинское, с. Рож. Майдан)
- Кúзя (с. Чернуха, с. Ковакса, с. Красное)
- Кулáк (с. Протопоповка, с. Мотовилово)
- Кулiк (с. Новосёлки, с. Н. Усад, с. Замятинно, с. Семёново, с. Мотовилово)
- Купéц (с. Семёново, с. Селёма, д. Пиявочное)
- Кúрица (с. Шатовка, с. Б. Туманово, с. Абрамово, с. Каменка, с. Ветошкино, с. Хватовка)
- Кúтя (с. Замятино, д. Лидовка, с. Н. Усад, с. Хватовка)
- Лáпоть (с. Водоватово, с. Хватовка, с. Б. Туманово)
- Левитáн (д. Ленинское, с. Заречное, с. Казаково, с. Костылиха)
- Лéвый (с. Н. Усад, с. Хватовка)
- Лéший (с. Семёново, с. Котиха)
- Лимóн (с. Б. Туманово, с. Чернуха, с. Водоватово, с. Ковакса)
- Лисá (с. Замятино, с. Н. Усад, д. Мерлино, с. Б. Туманово, с. Костылиха, с. Семёново)
- Лопúх (с. Водоватово, д. Лидовка, с. Чернуха, с. Б. Туманово)
- Лохмáтый (с. Волчиха, с. Б. Туманово)
- Лы́сый (с. Ленинское, с. Новосёлки)
- Ляля (с. Хватовка, с. Мотовилово)
- Ляпáй (с. Бебяево, с. Новосёлки)
- Майóр (с. Н. Усад, с. Пешелань, с. Казаково)
- Мáленький (с. Водоватово, с. Хватовка)

- Малой (с. Новосёлки, с. Б. Туманово, с. Вас. Враг, д. Волчиха)
- Мамай (с. Шатовка, с. Бебязево, с. Шатовка)
- Медведь (с. Семёново, с. Н. Усад, с. Водоватово)
- Мельник (с. Замятино, с. Хватовка, с. Водоватово, с. Шатовка, с. Пятницы)
- Мигун (с. Мотовилово, с. Хватовка, с. Ковакса)
- Мичурин (с. Н. Усад, с. Беговатово)
- Морьяк (с. Кичанзино, д. Пологовка, с. Семёново, д. Мерлино, с. Шатовка, с. Котиха)
- Мох (с. М. Туманово, с. Б. Туманово, с. Кичанзино, с. Ковакса)
- Немец (с. Чернуха, с. Хватовка, с. Б. Туманово, с. Ковакса)
- Немой (с. Хватовка, с. Мотовилово)
- Нос (с. Чернуха, с. М. Туманово, с. Волчиха)
- Обезьяна (с. Чернуха, с. Волчиха)
- Огурец (с. Абрамово, с. Водоватово, с. Семёново, с. Ленинское, с. Беговатово)
- Огурчик (с. Никольское, с. Беговатово, с. Бестужево)
- Партизан (с. Семёново, с. Ковакса, с. Веригино)
- Пекарь (с. Хватовка, с. Бебязево, с. Н. Усад)
- Петух (с. Семёново, с. Чернуха, с. Хватовка, с. Рож. Майдан, с. Волчиха, с. Б. Туманово)
- Петушок (с. Пятницы, с. Кичанзино, с. Шатовка)
- Поп (с. Хватовка, с. Замятино, д. Судеб)
- Прокурор (с. Ветошкино, д. Пологовка, с. Булдаково, с. Б. Туманово)
- Пузан (с. Мотовилово, с. Чернуха, с. Семёново, д. Пологовка, с. Абрамово, д. Мерлино)
- Пушкин (д. Исупово, с. Булдаково, с. Кичанзино, д. Троицкое, с. Водоватово, с. Веригино, с. Забелино, с. Б. Туманово)
- Пятак (с. Водоватово, с. Чернуха)
- Ржавый (с. Чернуха, с. Н. Усад)

- Рукáв (с. Абрамово, с. Новосёлки)
- Руль (с. Бебяево, с. Ковакса, с. Замятино, с. Семёново)
- Ры́ба (с. Хватовка, д. Беговатово, с. Криуша, с. Замятино, д. Марьевка)
- Рыба́к (с. Ковакса, с. Семёново)
- Ры́жий (д. Шатовка, с. Семёново, с. Мотовилово, с. Ковакса, с. Вол. Майдан, с. Котиха, с. Хватовка, с. Абрамово, с. Веригино)
- Самова́р (с. Б. Туманово, д. Успенское, с. Хватовка, с. Котиха)
- Са́хар (д. Лидовка, с. Хватовка, с. Семёново)
- Сачо́к (с. Новосёлки, с. Протопоповка)
- Свисту́н (с. Мотовилово, с. Семёново, с. Шатовка)
- Седо́й (с. Семёново, с. Ленинское, д. Пиявочное, д. Исупово, с. Н. Усад, с. Чернуха, с. Абрамово)
- Се́рый (с. Семёново, с. Б. Туманово, с. Криуша)
- Сивы́й (с. Семёново, д. Бебяево, с. Чернуха)
- Си́ний (с. Чернуха, с. Веригино, с. Успенское)
- Сова́ (с. Пешелань, с. Б. Туманово, д. Марьевка, с. Н. Усад, с. Каменка, с. Семёново)
- Со́кол (с. Чернуха, с. Хватовка, с. Семёново, д. Котиха, с. Ветошкино)
- Сокóлик (д. Озерки, с. Булдаково, д. Берёзовка, с. Абрамово)
- Со́лнышко (с. Хватовка, с. Замятино, с. Абрамово)
- Соловё́й (с. Бебяево, с. Семёново, с. Мотовилово)
- Соро́ка (д. Исупово, с. Замятино, с. Пятницы, д. Мерлино, с. Волчиха, с. Семёново, с. Хватовка)
- Сосу́н (с. Костылиха, д. Судеб)
- Ста́лин (с. Костылиха, с. Селёма)
- Стрекоза́ (с. Абрамово, д. Берёзовка, с. Мотовилово)
- Студе́нт (с. Мотовилово, с. Никольское, д. Пологовка, с. Замятино)
- Сунду́к (с. Абрамово, с. Семёново, с. Каменка)
- Сучо́к (с. Водоватово, с. Котиха, с. Мотовилово)
- Та́нга (д. Пушкарка, с. Мотовилово)

- Таракáн (с. Новосёлки, д. Волчиха, с. Бебязево, д. Берёзовка, с. Абрамово)
- Тарзан (с. Мотовилово, с. Семёново, с. Замятино, с. Новосёлки, с. Водоватово)
- Тра́ктор (с. Мотовилово, с. Замятино)
- Тя́тка (с. Чернуха, с. Котиха)
- Усы́ (с. Каменка, с. Н. Усад)
- У́тя (с. Чернуха, с. Ковакса)
- Фантомáс (с. Замятино, с. Абрамово)
- Фикс (с. Казаково, с. Водоватово)
- Фóфан (с. Хватовка, с. Селёма)
- Францúз (с. Красное, с. Веригино, с. Б. Туманово)
- Фрол (с. Новосёлки, с. Шпилево, с. Бебязево)
- Хи́трый (д. Пушкарка, с. Красное, С. Шатовка, с. Казаково)
- Хорёк (д. Мерлино, с. Котиха, с. Н. Усад, с. Волчиха, с. Выездное, с. Абрамово, с. Замятино, с. Водоватово)
- Хохлу́шка (с. Никольское, с. Мотовилово, с. Котиха, с. Абрамово)
- Хохóл (с. Заречное, с. Мотовилово, д. Беговатово)
- Хряц (с. Новосёлки, с. Ковакса, с. Бебязево, с. Хватовка)
- Циклóп (с. Абрамово, с. Котиха)
- Цыган (с. Мотовилово, с. Шатовка, с. Морозовка, с. Водоватово, с. Селёма, с. Беговатово, д. Пушкарка, п. Балахониха, с. Н. Усад, с. Хватовка, с. Ковакса, с. Котиха)
- Ча́ва (с. Чернуха, с. Забелино)
- Чапа́й (с. Хватовка, с. Заречное, с. Б. Туманово, с. Морозовка, с. Никольское, д. Лидовка)
- Чебурашка (с. Абрамово, с. Вторусское)
- Черкёс (с. Чернуха, с. Н. Усад)
- Чёрт (с. Чернуха, д. Мерлино, с. Замятино)
- Шеф (д. Протопоповка, с. Никольское, с. Казаково, с. Чернуха)
- Шмель (д. Мерлино, с. Мотовилово, с. Водоватово, с. Чернуха)

Яку́т (с. Б. Туманово, с. Семёново)

Яку́тка (с. Б. Туманово, с. Абрамово)

Я́шка (с. Кириловка, с. Абрамово, с. Хватовка)

**ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ
МИКРОАНТРОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ**

А

Агронóмка, ж.р.; необидн. – прозвище женщины [*а зовúт так пòтому-штъ агронóмъм рабóтъла// вот и агронóмкъ*] (с. Шатовка)

Адвока́т, м.р.; шутл. – прозвище женщины [*фс'о она знайт/ фс'ем об'азáт'елнъ да́ст сво́ју оц'енку*] (с. Семёново)

Адрá, ж.р.; насмешл. – прозвище Захарова Евгения Ивановича, 1959 г.р. [*адра́ вот у-нас јес'/ мьлодо́й хо́дът/ нъ-рабóтът/ п'јан'ицъ// на́дъ в'иногра́т/ а-он адра́ звал/ и так оста́лс' он адра́// йово́ ж'эн'кы́ та́к-тъ зову́т/ а на-про́зв'ишчы сво́јо нъ-уб'ижа́цъ//*] (с. Пологовка)

Адьюта́нт, м.р.; необидн. – прозвище мужчины [*данó за-то́/ што в арм'ии был адйута́нтъм*] (с. Мотовилово)

Адя́, ж.р.; презрит. – прозвище Абрамова А.А. [*од'и́н он жыво́т/ п'јанствыват/ дом-тъ у-новó давно́ згор'ел/ он в-ба́н'и жыво́т/ грáзный/ н'иухóжын'ый/ как ад'ашкы́*] (с. Слезавка)

Аеродрóм, м.р.; шутл. – прозвище Денисовой А.П. [*одна́ јес'/ анна́/ йейо́ ф-д'эфкъх ай'родрóм прозв'али/ роб'атъ с'ид'ели нъ-п'с'ид'енкъх/ и назв'али так/ а јей што/ она́ и ра́дъ/ аннъ-тъ*] (с. Пятницы)

Акаде́мик, м.р.; необидн. – прозвище Мухина Петра Алексеевича, 1954 г.р. [*хърашо́ ф'-т'ехникъ рз'б'ира́лс'// йаво́ паэ́тму ф'с'е ф-с'ел'е зна́йут*] (с. Новый Усад)

Аксё́ниха, ж.р.; необидн. – прозвище Калсуниновой Анны Сергеевны [*а на-д'ев'ич'ии так зав'ом/ давно́-уш/ в-д'эфкъх ана́ акс'онъвъ была́/ вот и празв'али акс'он'ихы́/ а ана́ уш и пр'ивы́кль*] (с. Новый Усад)

Ала́тий, м.р.; обидн. – прозвище мужчины [*вм'есть сло́ва ала́д'и в-д'е́цтв'ъ гъвор'ил ала́ти//*] (с. Семёново)